

842611

сс

СЕВЕРНАЯ НОВЬ

ВОЛОГОДСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1950

234118

СЕВЕРНАЯ НОВЬ

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
С Б О Р Н И К

Волгодское областное издательство
1950

СНОВА В СТРОЮ

(Повесть)

1.

Возвращение Антона Бескурова на родину было задержано жестокой болезнью. Болезнь именовалась остеомиэлитом.

Хотя Антон вслух произносил это мудрёное слово без запинки, но про себя называл её не иначе, как «нелепым недоразумением».

Полгода пребывания в госпитале было самым мучительным временем в жизни Бескурова. Мучительным не столько потому, что он оказался надолго прикованным к постели и перенёс не одну тяжёлую операцию, сколько из-за того, что им овладело сознание собственного бессилия. Быть может, поэтому Антон и поправлялся медленно. Но лишь только удалось ему подняться на ноги, как прежние мечты о доме, о скорой встрече с друзьями, о светлом будущем пробудились с новой силой и уже ни на минуту не оставляли его.

Незадолго до выписки Антон получил письмо от старого школьного приятеля Якова Говоркова. Оказывается, он только что демобилизовался и по пути домой обещал заехать к Антону. «Быть может, — писал он, — нам удастся выехать домой вместе?..».

Выскажи Яшка такое пожелание неделю назад, Бескуров ответил бы на это горькой усмешкой. Теперь же, снова почувствовав под собой твёрдую почву, он тотчас решил: разумеется, они поедут вместе! Одна эта мысль прибавила Антону сил. Он приготовил ряд неопровержимых доводов, которые, по его мнению, должны были убедить врача, что больной Бескуров перестал быть больным и способен выдержать любое путешествие.

В случае, если этих доводов будет недостаточно, Антон решил уехать без докторского «благословения».

Четыре дня напрасно прождал Бескуров своего товарища.

Вот и сегодня с раннего утра он уже сидел у ворот госпиталя и с нетерпением смотрел в сторону вокзала. Мимо прошли сотни людей, но Яшки не оказалось. Мрачный, добрался Антон до палаты и в изнеможении свалился на койку.

После обеда в палату вошла сестра. Бескуров поднял голову и раздражённо спросил:

— Что, опять в перевязочную? Не пойду. Доктор сказал — можно завтра.

— Знаю, — кивнула девушка. — Идите, Бескуров, вниз, там вас какой-то молодой человек спрашивает.

— Военный? — бледное, суровое лицо Бескурова осветилось широкой улыбкой.

— Сержант, кажется. Невысокий такой. С чемоданчиком.

Антон мгновенно вскочил.

— Значит, Яшка! Приехал-таки! Ах, чорт, а я-то думал... Ладно, я сейчас. Спасибо, Галочка, за известие.

Бескуров сунул ноги в тапочки, схватил с табурета халат и, позабыв трость, почти выбежал из палаты. В коридоре он умирил шаги, тихо спустился на лестничную площадку и заглянул вниз.

В вестибюле действительно сидел Яков, повзрослевший, но всё же поразительно похожий на того Яшку, которого Антон помнил по школе: сухощавый, с живыми светлыми глазами и резкими, угловатыми движениями.

Не зная, откуда выйдет к нему Антон, Яшка нетерпеливо озирался по сторонам, нервно мямля околыш фуражки и смущённо улыбался. Неимоверным казалось Антону, что не виделись они шесть лет — столь недавним представилось ему сейчас то далёкое время, когда вот также нетерпеливо, ёрзая за партой, Говорков ждал звонка и смущённо улыбался, если учитель делал ему замечание...

Обнимая приятеля, Антон не смог заговорить сразу. Молчал и Яшка, видимо, поражённый бледностью, су-

ровыми складками около рта и больничной одеждой друга. Лишь минуту спустя, облегчённо передохнув, Антон сказал:

— А я уж думал, что ты не приедешь... Никогда бы тебе этого не простил.

— Раз написал — приеду, значит, точно. Я же предупредил: возможно — задержусь.

— Разве? А я на это не обратил внимания. Как у тебя дела? Демобилизовался окончательно?

— А как же иначе? — рассмеялся Говорков.

— Ну, и куда теперь?

— Домой, конечно. — удивлённо ответил Яшка. — Вот заехал к тебе. Думал, вместе двинемся. Сможешь?

— Ясно, смогу. Правда, мне советуют ещё с недельку полечиться, но сейчас и говорить об этом не стоит. Дома долечусь.

— А что у тебя за болезнь, Антон? Выглядишь ты, признаться, неважно. В письмах так и не объяснил толком, что с тобой случилось.

— Сплошное недоразумение. Всё началось после ранения. Ранило меня не так уж сильно, и я не ушёл с поля боя. А надо было бы сразу на перевязку. Ну, рана, видать, здорово загрязнилась. Вот с того и пошло. Признали какой-то астеомизит... Антон невесело усмехнулся и вполголоса продолжал: — Всё бы ничего, Яша, одно плохо: выпишут меня отсюда, как инвалида, а я вне строя быть не хочу и не собираюсь.

— М-да... — Говорков задумчиво потёр ладонью крутой подбородок и нерешительно посоветовал: — А всё-таки тебе надо быть поосторожнее, Антон. Может, лучше мне пока одному уехать?

— Ну, уж нет! Поедем вместе. Ты где остановился? Нигде? Тогда завтра же выедем. Указания, как себя вести, я уже получил. Пройду сегодня комиссию, и всё в порядке. Надоело мне валяться. Да и братишке дома трудновато одному. Ну, рассказывай, как повоевал, послужил, чем думаешь теперь заняться?

— Долго рассказывать, Антон. Повоевал неплохо, раз до Берлина дошёл и жив остался. А насчёт дальнейших планов пока ничего не скажу. Поживём — увидим.

— Пожалуй, так... А всё же, как думаешь новую жизнь начинать? Я пока тут лежал, обо всём передумал. Поэтому может и поправлялся долго, зато твёрдо решил: об одной ноге останусь, а из строя не выйду. Чертовски хочется по-настоящему пожить, чтобы всё у меня было: и здоровье, и радость, и работа по душе, одним словом, пожить так, как все люди у нас живут.

— Нам и получше других не мешало бы пожить, — сказал Говорков. — За что же мы тогда воевали?

— То-есть, как получше? Не пойму, — сощурился Антон.

— Приедем домой — поймёшь, — снисходительно усмехнулся Говорков и тут же озабоченно сказал: — Только вряд ли в нашем захолустье хорошую работу скоро найдёшь. Да и поздновато мы в родные края возвращаемся. Наверняка все подходящие должности там уже заняты.

— Ах, вот что! — Антон так посмотрел на Яшку, как будто увидел его впервые. — А какую должность хотел бы ты получить?

— Как тебе сказать? — развёл Яшка руками, не почувствовав в голосе Бескурова иронии. — Приедем, осмотримся, тогда и выбрать можно. Во всяком случае класть кирпичи, как это делает моя Клава, я не буду.

Антон неожиданно развеселился.

— Клава? Да ещё твоя? Вот это здорово! И ты ухитрился до сих пор ничего не написать мне о ней? Не ожидал! Кто же она?

Яшка понял, что проговорился, и смущённо опустил глаза.

Они сидели вдвоём на диване возле входных дверей, прикрытые от посторонних глаз широкими листьями фикусов. Стал накрапывать дождь, и больные, гулявшие во дворе, торопливо расходились по палатам. Антон, понизив голос, продолжал допытываться:

— Ну, так кто же она? Ты женился, что ли? И почему она кладёт кирпичи?

— А я, думаешь, знаю почему? — сердито заговорил Яшка, всё ещё досадуя на излишнюю свою откровенность. — Я её в глаза не видел, эту Клаву, а ты про женитьбу... Выдумал тоже!

... Ничего не понимаю!

— Да и понимать тут нечего! В сорок третьем получаю от этой самой Клавы письмо. Дескать, все девушки нынче пишут фронтовикам, вот и она решила написать. Тем более, что мы учились когда-то в одной школе. Ты должен её знать, Тошка. Белокурая такая, помнишь? На качелях любила качаться, а мы ей мешали. Семейкина её фамилия, вспомнил? (Антон отрицательно покачал головой). По правде сказать, и я бы её не вспомнил, да она все наши школьные проделки описала, — поневоле припомнишь. Так вот и познакомились заочно. А теперь, выходит, заново еду знакомиться. Боюсь только — не сойдёмся мы с ней характерами. Когда в армии был, вызвал её к себе, отказалась. Работу, говорит, никак бросить не могу. Тоже, нашла работу — кирпичи таскать! — Яшка пренебрежительно махнул рукой. — Смешно... Понимаешь, Антон, у них там что-то невероятное творится, завод какой-то строят. Это в нашей-то глуши!

— Насчёт завода я кое-что слышал. Удивляться тут нечему. Теперь всюду идёт строительство. Я, чудак, иногда думал: стоит ли возвращаться в такую тихую заводь? Оказывается, стоит, Яшка. По всему видать — стоит. Найдётся и для нас настоящая работа.

— А как же с учёбой? — поспешно спросил Говорков. — Ты писал, что учиться хочешь.

— Учиться? Учиться надо. Десягилетку обязательно окончу, а работа... Ну да на месте будет видно, как поступить. Ты уже дал Клаве телеграмму, что едешь?

— Нет ещё. Можно и без телеграммы. Встречать всё равно не выйдет...

— А может и выйдет, как знать? — улыбнулся Антон. — Я бы на твоём месте непременно сообщил о приезде. Жаль, что мне, кроме братишки, некого извещать, а то я бы такую телеграмму сочинил! Нет, серьёзно, иди-ка сейчас на почту, а я тем временем документы оформлю. Всё ближе к делу. Верно?

Говорков кивнул и поднялся с дивана.

2.

Друзья сошли с поезда на маленькой, почти безлюдной станции. Сначала Антону всё вокруг показалось не изменившимся, но, внимательно осмотревшись, он за-

метил большие перемены. Станция обновилась. Исчезли старые постройки, почернелые ветхие заборы, избитый деревянный перрон. Всё, на чём останавливался изумлённый взгляд Бескурова, сияло белизной и свежей голубой краской. Даже вывески на фасаде вокзала были новые, хоть и висели они на прежних местах.

До родного города оставалось сорок километров. Антон был непрочь пройти пешком, но Говорков не верил в окончательное выздоровление друга и всячески оберегал его от излишнего напряжения. Он и слышать не хотел о пешем переходе. Выбравшись на тракт, друзья сели в первую же полутонну, догнавшую их.

Дорога удручала однообразием: сплошная стена непроходимого леса, лишь изредка, в небольших просветах, перед глазами мелькали зеленеющие поля или деревни на косогорах. Местами тракт спускался к самой реке, но сквозь заросли ивняка ничего не было видно, кроме узкой полоски воды и плывущих брёвен.

Часа через полтора друзья сошли с машины.

Город лежал на широкой прибрежной равнине, в зелени тополей и лип.

Шесть лет миновало с тех пор, как Антон стоял в день отъезда на этом же самом месте и так же сильно билось его сердце. Только думы тогда были совсем иные. А сейчас кажется, будто он никуда и не уезжал. Вот она, заветная улица: деревянные мостки, бревенчатые домики, похожие один на другой, мальчишки, играющие в жёлтой пыли... Получил ли Арсений телеграмму? Неужели не встретит?

— Ну, как? Щиплет глаза? — спросил Говорков и сочувственно улыбнулся.

— Ещё как! — признался Антон. — Вот они и наши края! Красота-то какая! А ты говорил — глушь... Смотри-ка! Это, очевидно, завод виднеется? Вон там, у самого берега?

— Похоже... И когда только успели! — воскликнул Говорков, разглядев на берегу множество строений. — Одного лесу гектаров тридцать вырублено, видишь?

— Верно. Эх, подумать только, что здесь через год будет! Обязательно сходим завтра на стройку посмотреть, а сейчас по домам. Ты какой улицей пойдёшь?

— Некрасовской, мне ближе.

— Ну, ступай. Завтра увидимся. А то, может, сегодня ко мне зайдёшь?

— Мы же уговорились — сначала к Клавде, а потом к тебе, — возразил Яшка.

— Ах да, я и забыл.

3.

Дверь Антону открыла Маша, дальняя родственница Бескуровых по матери, квартирантка, как называл её Арсений в письмах. Антон помнил её совсем маленькой, теперь перед ним стояла высокая, красивая девушка в пёстром переднике, с засученными по локоть рукавами, раскрасневшаяся от плиты. При виде Антона она сильно смутилась и даже забыла поздороваться. Молча приняла она из рук Антона чемодан, распахнула дверь в кухню и встала на пороге, не зная, что делать дальше.

— Ну, здравствуй, Машенька. А где же Арсений? Не ждали меня, что ли?

— Что вы! Как ещё ждали-то! — нараспев проговорила Маша. — У меня и обед готов, сейчас соберу. Арсений скоро придёт. Раздевайтесь.

Охваченный воспоминаниями, Антон ходил по комнатам, трогая с детства знакомые вещи, и всякий раз, наткнувшись на что-либо особенно памятное, хотелось ему спросить: «А помнишь, мама?..». Как радовалась бы она теперь, каким счастьем сияли бы её глаза, пролившие, наверно, немало слёз за эти трудные годы...

Не успел Антон сесть за стол, как в кухню ворвался Арсений. Коренастый, загорелый, ростом не ниже брата, он совсем не походил на прежнего курносого мальчугана, каким выглядел шесть лет назад. Антон был поражён, но ещё более удивился, когда Арсений, поздоровавшись, возбуждённо заговорил:

— Понимаешь, Антон, сейчас я выступал по радио! Городской радиоузел устроил сегодня переключку специально для ремесленников. Выступали, само собой, только лучшие ученики. А потом был концерт, но в нём я уже не участвовал, потому что спешил сюда.

Антон решил более ничему не удивляться: он торопился домой, чтобы помочь Арсению подняться на ноги, а тут, оказывается, вон какие дела. Лучший ученик!

— Что ж, рад успехам твоим, братсёк. Токарь, надо полагать, хороший из тебя выйдет. Значит, и на ногах будешь стоять твёрдо, не пошатнёшься в случае чего. Ещё кого другого поддержишь, как знать... Садись, выпьем по стаканчику, раз такое дело. И ты, хозяйка, садись, хватит тебе с кастрюлями возиться...

Пока девушка переодевалась в своей комнате, Антон спросил брата:

— Дружно живёте, не ссоритесь?

— Бывает иногда,—не успев смутиться, ответил Арсений. — Ты не думай, она очень строгая, чуть что — гляди, говорит, Антону Семёновичу напишу.

Он придвинулся к Антону вплотную, тихо добавил:

— Если бы не Маша, ох, трудно бы мне пришлось. Мать у неё тоже во время войны умерла, вот она и стала жить у нас.

— Она всё там же, в швейпроме работает?

— Да.

Вошла Маша, румяная, в новом платье, села за стол и молча прислушивалась к разговору братьев.

— Мама, когда ещё здоровой была, хотела, чтобы я тоже десятилетку кончил, — негромко говорил Арсений, широкой грудью налегая на стол и глядя в глаза Антону. — А потом, когда она умерла и я остался один, мне добрые люди посоветовали так: надо тебе специальность получить, а учиться, мол, никогда не поздно. Было бы желание, вот что главное... Да ведь в ремесленном я тоже учусь! Тут тебе и математику, и литературу, и металловедение изучаем. А работать как интересно! Вчера, например, задание мастера на два часа раньше срока выполнил, а разве без знаний смог бы это сделать? Да ни за что!

— Точно, не смог бы, — подтвердил Антон. — Ну, а дальше? Кончишь училище — куда пойдёшь?

— Токари всюду нужны, — усмехнулся Арсений. — Ну, однако, наш выпуск скорей всего целиком на здешнем заводе останется. Там и теперь специалистов не хватает, а через год и подавно работы будет хоть отбавляй. Буду работать и опять учиться, вот каков мой план. Ты думаешь, инженерами так вот сразу и родятся, да?

— Сроду так не думал, — рассмеялся Антон. — Захочешь — ты станешь инженером, как ныне стал тока-

рем. Но имей в виду, учиться для этого придётся крепко.

— Знаю, — тряхнул головой младший Бескуров и, подумав, повторил: — Знаю. Но я своего добьюсь, вот увидишь.

4.

К вечеру неожиданно явился Говорков, возбуждённый, сияющий, в новеньком костюме, в хромовых сапогах. Ещё с порога весело и, как всегда, напористо заговорил:

— Антон, я за тобой. Пожалуйста, без всяких «но»... Побыстрее одевайся и идём к Клаве. Там собираются почти все наши ребята: Виктор Чечулин, Ваня Фёдоров, а также и девушки. Словом, все из нашей школы. Зоя Мельникова будет, имей в виду.

— Мельникова? — Антон удивлённо поднял на Яшку глаза. — Ах, да!.. Хотелось бы её увидеть. А где она сейчас работает?

— Представь, на той же самой стройке, где и Клава. Чечулина ты помнишь? Так вот и он, оказывается, там. Пришёл из армии и прямо на завод. А какой тихоня был! Всю войну в сапёрах провоявал, а теперь, говорят, его бригадиром ставят.

— А почему решили собраться у Клавы? Звал бы всех сюда.

— Так это же не я собираю, а Клава. По-моему, у них всё заранее было подготовлено. Я Клаве и пяти слов не успел сказать, а она командует: беги за Бескуровым, да живее! Видал?

Через минуту они шагали по тихой улице, обсаженной молодыми тополями. Оба думали о предстоящей встрече с друзьями, и даже Яшка, любивший размышлять вслух, на этот раз не проронил ни слова.

Ему было немного не по себе: ведь сегодня при всех придётся решать вопрос, чем он будет заниматься завтра, а Яшке вовсе не хотелось торопиться с этим. Жаль, не удалось поговорить с Клавой, она, быть может, его поддержала бы. На Антона, кажется, рассчитывать нельзя, тот не будет молчать, когда зайдёт разговор о стройке, пожалуй, даже первым его начнёт. Куда, спрашивается, он спешит?.. В конце концов имеют

же они право на законный месячный отпуск? Ну, месяц — не месяц, а недельку всё-таки отдохнуть не мешает. А там видно будет, куда пойти. Если не найдётся ничего лучшего, можно и на стройку. Тем более, что и Клава не собирается менять профессию.

Клава жила в большом коммунальном доме, почти в центре города — на углу Набережной и Советского проспекта. Антон ещё издали заметил этот дом и тотчас вспомнил, как часто бывал там с Зоей, одноклассницей по школе. Они долго дружили: вместе учили уроки, посещали кино, делились самым сокровенным — и вдруг разошлись из-за того, что ему показалась обидной её бескорыстная помощь! За шесть лет — ни одного письма. А как часто вспоминал он о ней на фронте, ещё чаще — во время болезни и давно понял свою неправоту.

Признаться ей в этом было ему тяжело и неудобно. Да и сочтёт ли Зоя его раскаяние искренним? И вспоминала ли она когда-нибудь о нём?

Чем ближе подходил Антон к знакомому дому, тем сильнее и чаще билось его сердце.

У подъезда их встретила Клава. Антон заметил, что при виде её у Яшки померкли озорные огоньки в глазах, а голос и все движения приобрели необычную мягкость. Антон посмотрел на Клаву с невольным удивлением. Это была невысокая, стройная девушка, отнюдь не похожая на каменщика. Светлые, чуть рыжеватые волосы. Лицо загорелое, резко очерченное и решительное, несмотря на детские ямочки на щеках и на быстрый, задорный взгляд.

Пожимая Бескурову руку, Клава просто сказала:

— А я вас помню. Только тогда вы были не такой солидный и строгий.

— Разве? — смутился Антон.

— Это так кажется. На самом деле он простой парень, честное слово, — вступился за друга Говорков.

Их ожидали. Стол был накрыт, стулья расставлены, в прихожей нетерпеливо шумел самовар. Антона с Говорковым сразу окружила молодёжь, они едва успевали пожимать протянутые руки.

Незнакомых оказалось только двое, остальных Бескуров помнил по школе. Вот Виктор Чечулин, бывший одноклассник, обычно неразговорчивый и застенчивый;

Ваня Фёдоров, смуглый и сумрачный на вид парень, когда-то первый в городе авиамоделлист; Борис Белимов, попрежнему франтоватый, вежливый, слегка высокомерный. Присутствие Белимова было для Антона несколько неожиданным и даже неприятным. Но он подавил вспыхнувшую к нему неприязнь...

Зою Антон узнал сразу, хотя за шесть лет она изменилась. Её густые волнистые волосы стали ещё пышнее, хотя и были собраны в скромную причёску. Тронутое загаром продолговатое лицо, голубые, чуточку прищуренные глаза, твёрдые очертания губ и подбородка выражали спокойствие и уверенность. Этого выражения Антон раньше не замечал. Зато улыбка была попрежнему дружелюбной, искренней и немного иронической, как будто Зоя сомневалась, тот ли это Антон, с которым она когда-то бегала наперегонки... Нелепо, что он не удосужился написать ей с фронта хотя бы одно письмо. Куда было бы проще теперь заговорить с нею и чувствовать себя непринуждённо. Как знать, не придётся ли им опять учиться вместе, как бывало? На стройке, говорят, все учатся...

Общий разговор завязался не сразу. Пока Клава расставляла посуду, гости беседовали вполголоса, разделившись на пары. Бескуров оказался без пары (Яша помогал Клаве) и молча принялся рассматривать лежащий на столике альбом. В нём Антон увидел фотографию Зои и Клавы с Борисом Белимовым. «Почему именно Борис, — мелькнула в голове ревнивая мысль. — Почему не кто другой?.. Впрочем, зачем я волнуюсь? Мне-то какое дело? Борис парень как парень, мало ли что у меня с ним раньше было. Может, сейчас лучше его и товарища не найдёшь».

Однако неприятное чувство к Белимову не проходило. Антону стоило большого труда сохранить внешнюю непринуждённость. Он избегал смотреть не только на Бориса, но и на Зою, боясь взглядом выдать свои мысли.

Наконец, Говорков, принявший на себя роль хозяйина, пригласил Клаву разливать чай и недоуменно спросил:

— А вина разве нет?

Клава улыбнулась.

— Не знаю. Это ваше дело, а девушки хотят чаю.

Она кивнула Белимову, и тот вытащил из-под стола бутылку. Яша быстро откупорил её и разлил вино по рюмкам. Все выжидающе смотрели на него, сдерживая улыбки.

Говорков оглядел собравшихся возбуждённым взглядом и сказал с чувством:

— Ну, вот, мы и встретились. Опять сидим за одним столом, как тогда — на выпускном вечере. Как я мечтал о такой встрече! Да и вы, вероятно, тоже мечтали. Что ж, выпьем, друзья!

Он залпом опрокинул рюмку и очень смутился, заметив, что все следили за ним. Пожав плечами, Яша сбоку взглянул на Клаву — не смеётся ли она. Но та уже чокалась с сидевшим напротив Белимовым...

Чечулин, задумчивый и сосредоточенный, пил неспеша. Он выглядел постаревшим больше, чем кто-либо другой, и Антон невольно подумал, что годы войны для Виктора, повидимому, не прошли бесследно. Впрочем, никаких признаков усталости на его спокойном обветренном лице не замечалось, а неторопливость в движениях свидетельствовала о большой уверенности в себе, сменившей прежнюю застенчивость и робость. Выпив, Антон спросил:

— Виктор, ты здесь давно. Расскажи, что нового в городе?

Чечулин поставил на стол пустую рюмку:

— Нового много, Антон. Я даже не знаю, с чего и начать...

— Давай, я начну, — перебил Говорков. — Я проходил по улицам, кое-что приметил. Во-первых, стадион расширен и обнесён железной оградой. Во-вторых, в парке на месте волейбольной площадки посажены цветы. А беседку, где мы любили сидеть по вечерам, убрали совсем.

Чечулин улыбался. Антон сдержанно сказал:

— Мало, Яша. Ещё что?

— В самом деле, что же ещё? — замылся Говорков, припоминая. — Да, чуть не забыл: автобус появился. Теперь, брат, в школу не пришлось бы пешком ходить, как раньше.

— Автобус — это для нас давно не новость, — заметила Зоя. — А вот главного-то ты и не приметил. Стройку видел?

— Ах, да! — не теряясь, подхватил Яшка. — Как же! Мы с Антоном её сразу увидели, как только с машины слезли. С Белой горы, представьте, весь завод как на ладони.

— Издали посмотреть — это ещё не всё, — сказала Клава. — Ты подойди поближе, взгляни, тогда поймёшь, что есть и что будет.

«Начинается! Чорт за язык Тошку дёрнул, ей-богу. Будто других разговоров нет», — подумал Яшка.

— Целый комбинат по производству сельскохозяйственных машин возводим, — пояснил Чечулин Бескурову. — Честное слово, скоро у нас появятся два города — старый и новый. Да что город, весь район преобразуется.

— Но пока ещё там ничего особенного нет, Виктор, — стараясь казаться спокойным, произнёс Яшка. — Площадку, правда, порядочную очистили, несколько зданий новых появилось, ну, котлованы вырыты, вот, кажется, и всё.

— А размах? — тряхнув волосами, почти сердито заговорила Клава. — Ведь эта площадка совсем недавно была сплошь покрыта лесом, мы ещё за грибами туда ходили, помнишь? И зданий там больше десятка. Взгляни, как следует. А скоро построим такие корпуса — не хуже, чем в столице! Да и это ещё не всё. Я слышала, к нам железную дорогу в этом году намечено провести. Вот что значит наша стройка! О ней даже в пятилетнем плане сказано, а ты говоришь — ничего особенного. Молчал бы уж, раз ничего не смыслишь.

Яшка, однако, не смутился. Поняв, что Клава может высказаться ещё резче, если возражать, он в тон ей ответил:

— Железную дорогу провести давно пора. Что это за город без железной дороги.

— Будет завод, будет и дорога, — снисходительно улыбнувшись, заметил Белимов. — Правда, не так скоро, как вы думаете.

— Да и не так долго, как ты думаешь, — живо подхватила Клава. — И вообще, Борис, я тебя не понимаю. Неужели ты сомневаешься, что завод построим в срок?

— Не сомневаюсь, оставь, пожалуйста. Я только говорю, что такой завод, как наш, построить будет легко.

— Ерунда! — вдруг заявил Яшка, задетый самоуверенным тоном Белимова. — Раз взялись, значит, завод будет. Где это было, чтобы наши сдавались? Я что-то не слыхал.

— Ты, Говорков, не в курсе дела, с тобой спорить бесполезно, — спокойно проговорил Белимов и опять повернулся к Зое. — Уже сейчас на стройке нехватает людей, а что будет через месяц-два? Фронт работ всё расширяется. Через месяц рабочих потребуется вдвое больше, а где их взять?

— Люди придут, не беспокойся, — уверенно ответила Зоя, взглянув при этом на Бескурова. — Давно ли райком объявил призыв комсомольцев на строительство, а мы уже имеем одних добровольцев более сотни. Правда, людей ещё нехватает, но у нас механизмов достаточно, надо только научиться пользоваться ими.

— Верно, — откидываясь на спинку стула, сказал Белимов. — Но этого-то как раз у нас и нет. Ты же сама говорила, что твою бригаду губят простои. И у других дело идёт не лучше, насколько я знаю.

— Плохо, видать, знаешь, если так говоришь, — раздражённо возразила Зоя. — У других дело идёт намного лучше, да и мы скоро сведём простои к минимуму. Вчера мы дали девяносто замесов бетона.

— А Коновалов даёт по сто пятьдесят, — запальчиво, сказал Белимов, забыв, что минуту назад он относил к числу «других» и Коновалова.

— Да, по сто пятьдесят, — согласилась Зоя, ничуть не обидевшись. — Коновалов — опытный бетонщик, а наша бригада на бетоне работает всего неделю. Но мы его догоним.

— Желаю успеха, — примирительно улыбнулся Белимов, беря чашку чая.

Бескуров, наклонясь к Чечулину, тихо спросил:

— Белимов где работает?

— Заведует клубом. Активный парень, хотя ребята его почему-то недолюбливают.

Немного помолчав, Антон снова придвинулся к Виктору.

— А ты где?

— До вчерашнего дня работал бетонщиком у Коновалова. А теперь мне поручено организовать новую бригаду, желательно — целиком комсомольскую.

Антон сдвинул широкие брови, раздумывая. Затем также тихо сказал:

— Возьмёшь меня к себе?

— Тебя? — Чечулин от удивления даже повернулся на стуле. — Конечно, возьму, если хочешь. Только...

— Что? — настороженно спросил Антон, испугавшись, что Виктор передумал.

— Как у тебя нога? В порядке?

— Уж и ты о моей болезни прослышал... Не беспокойся, не подведу.

Говорков слышал их разговор, но сделал вид, что это его не касается. Зато Клава, особенно внимательно следившая за всем, что говорилось за столом, тотчас же громко оповестила:

— Ребята! Нашего полку прибыло. Антон идёт на стройку.

Зоя, казалось, ожидала этого. Она дружески кивнула Антону и, повернувшись к Белимову, сказала с усмешкой:

— Ну, вот, а ты говорил — где людей взять.

Борис, как бы извиняясь, развёл руками.

Антон был смущён, оказавшись в центре внимания. Выручил его молчавший до сих пор Ваня Фёдоров:

— Правильно, Бескуров. Я тоже иду на стройку.

— И ты, Ванечка? — радостно воскликнула Клава, вскакивая со стула. — Давно бы так! Дай я тебя, чёрномазого, поцелую.

Говорков со звоном поставил недопитый стакан на блюде.

— Одну минутку, товарищи... Не понимаю, чему вы обрадовались. Во-первых, Бескурову такая работа не подойдёт, у него же справка от врачей имеется, а во-вторых...

— О моей справке помолчи. Не твоё дело, — внушительно сказал Антон.

— А что во-вторых? — смеясь, спросила Зоя.

— А во-вторых, — уже менее уверенно продолжал Яшка, — где же тут логика? Я знаю, что Ваня собирался поступать в авиатехническое училище, а теперь подавай ему строительство. Ну, а что ты умеешь делать, скажи, пожалуйста?

— Что потребуется, то и буду делать, — хмуро ответил Фёдоров. — А ты что будешь делать?

— Причём тут я? Речь идёт о тебе. На стройке тебя в первый же день спросят: а что вы умеете, молодой человек? Землю рыть? Вот вам лопата, ройте. А я знаю, какой из тебя землекоп. Сам же проговорился, что для тебя нож острый было на фронте окоп в полный профиль выкопать.

— Если нужно, буду и землю рыть. Не бойся, от других не отстану, — твёрдо сказал Фёдоров. — Раз стройка объявлена комсомольской, я должен быть там.

— Между прочим, Яша, землю у нас машинами роют, лопатами мало приходится тюкать, — сказал Чечулин неторопливо. — А мы будем возводить стены литейного цеха, класть бетон, понимаешь? Мне поручено организовать комсомольскую бригаду бетонщиков. Пойдѐшь к нам?

— Он со стороны хочет посмотреть, — язвительно заметил Фёдоров. — Завод ему хочется иметь, а строить — пусть другие за него строят.

Говорков исподлобья взглянул на Клаву и сердито промолвил:

— Какое ты имеешь право меня оскорблять? Ишь, герой какой объявился! Может, я о заводе прежде тебя мечтал.

— Он мечтал! Видали? Помечтай ещё полгода, тем временем и завод будет готов.

• Не слушая Фёдорова, Яшка, разрешая последние сомнения, деловито осведомился у Чечулина:

— Так ты говоришь — бетон класть? А справитесь?

— Ну, это от нас самих будет зависеть. Девчата справляются, а мы почему не справимся? Конечно, справимся.

— Ладно. Попробуем, — тряхнул головой Яшка. — Вы знаете моё правило: от товарищей я никогда не отставал.

Клава улыбнулась.

5.

Секретарь партбюро стройки Пётр Ефимович Солодовников, подняв голову от бумаг, откинулся на спинку стула.

В кабинет вошёл комсорг. Пётр Ефимович тотчас спросил:

— Ну, как?

— Всё в порядке, Пётр Ефимович, — ответил Синючков, отирая платком пот с румяного, полнощёкого лица. — Большинство ребят разместилось в общежитии, настроение у всех ребят приподнялось.

Парторг удовлетворённо улыбнулся и стал запирать ящики стола. Это был пожилой, несколько грузный человек, с большими жилистыми руками. Густые усы, сросшиеся над переносьем брови, глубокие морщины возле рта делали его лицо суровым.

Синючков рассказывал:

— Народ в бригаде наподбор. Большинство — старые строители, взятые с других участков. Есть недавно демобилизованные из армии. Теперь литейный будет расти и расти. Главное начать, а там дело пойдёт.

— Само оно не пойдёт, кому-то надо двигать его, — заметил Пётр Ефимович, надевая фуражку.

— Конечно. Для этого мы и создаём комсомольскую бригаду, — сказал Синючков, выходя вслед за парторгом на улицу.

Барак, где разместились бетонщики, был отстроен недавно. Внутри ещё не выветрился терпкий дух скипидара, но запах жилья чувствовался уже в каждой комнате. И не только запах, был здесь и домашний уют, без которого многие даже очень хорошие бараки выглядят серо и уныло. В коридоре на тумбочке, вместо обычного бачка с питьевой водой, стояли графин и стакан. На окнах висели занавески, а вдоль стен стояли диваны.

Комната, отведённая для комсомольцев, была не-большой, пожалуй, даже тесноватой на первый взгляд, но чистой и светлой, с четырьмя окнами, с видом на реку. Ребята уже успели обосноваться по-настоящему: заправленные койки, на стене небольшое зеркало и две-три фотографии, на одной из тумбочек — флакон одеколона. Пётр Ефимович внимательно огляделся по сторонам и, улыбнувшись, спросил:

— А вот книг я что-то не заметил. Неужели никто из вас ни одной книги из дому не захватил?

— Книги будут, товарищ парторг, — ответил за всех Антон. — Дайте сначала осмотреться да узнать, какой у нас установится распорядок дня.

— Ну-ну, — одобрительно кивнул Пётр Ефимович, присаживаясь к столу. — Без книг нельзя, без них в

комнате как-то пусто. А распорядок, надо полагать, у вас будет обычный: работа, отдых, учёба. Учиться придётся всем, да вы и сами не захотите от других отставать.

Парторг оглядел сгрудившихся возле стола ребят, заметил несколько знакомых лиц (Чечулина он знал давно и дружески подмигнул ему), негромко спросил:

— Все с бетоном знакомы, товарищи?

— Откуда же все? — пожал плечами Говорков. — Я, к примеру, впервые с ним буду знакомиться. Да и многие тут о бетоне только недавно слышали.

— Ну, допустим, таких немного, но не в этом суть, — спокойно сказал парторг. — Научитесь. Чечулин вон тоже не сразу бригадиром стал. Главное — было бы желание работать по-комсомольски, остальное приложится. — Он провёл ладонью по лысине, сощурившись, посмотрел на Говоркова. — Как, по-твоему, можем мы рассчитывать, что нам пришлют рабочих из центра? Ясно, что нет. Специалистов тоже не пошлют. Надо самим готовить кадры строителей, а из них — и кадры для будущего завода. Вот сейчас, допустим, ты бетонщик, а закончим строительство — ты встанешь к станку или сядешь за чертежи. А может быть и до главного инженера дойдёшь, если времени терять не будешь. Вполне возможно.

Говорков смущённо махнул рукой и, нахмурившись, произнёс:

— До главного — пять лет учиться надо. За это время два таких завода построить можно.

— Верно, — рассмеялся Пётр Ефимович. — А ты не горюй, учись. Для второго завода у нас как раз и нет главного инженера. Инженеры, брат, всегда будут нужны. Впрочем, бетонщики тоже. Скажу вам по секрету: управление стройки очень на комсомольцев надеется. Мы с комсоргом за тебя, Чечулин, слово на производственном совещании дали. Гляди, не посрами старших. Рассказал бригаде, что от вас требуется?

— В общих чертах, Пётр Ефимович. Конкретно поясню завтра, когда на леса выйдем.

— Задание нам известно, вопрос теперь в том, как его выполнить, — заметил Антон.

— А это уж вы между собой посоветуйтесь. Посмотрите, как другие работают, с инженерами побеседуйте. Стройку-то все осматривали?

— А как же! Я весь берег обошёл и даже в карьерах был, где взрывают, — оживлённо сообщил Костя Подольский, маленький, круглоголовый крепыш, прибывший из колхоза.

— Ну, и что же ты увидел? — спросил Пётр Ефимович.

— Как что? Всё, — недоуменно сказал Костя.

Усы парторга шевельнулись в лукавой усмешке.

— А будущий завод себе представляешь?

— Немножко представляю, — не совсем уверенно произнёс Костя.

— Завод надо хорошо себе представлять, — серьёзно заговорил Солодовников. — Это не так уж трудно, требуется лишь немного воображения. Когда ты разглядишь в лесах стройки, на месте нынешних котлованов высокие и светлые корпуса цехов, когда ясно представишь, каким огромным и красивым будет завод, тогда и строить его станет легко и радостно. Попробуй, пройди ещё раз по площадке, да приглядиись внимательнее. Советую всем это сделать. А чтобы легче было вообразить будущий завод, могу сообщить несколько цифр. Территория завода и рабочего посёлка займёт в общей сложности сто гектаров. В производственных корпусах намечено смонтировать свыше трёх тысяч станков. На строительстве литейного цеха, того самого, где вы будете работать, предстоит уложить около десяти тысяч кубометров бетона.

Называя эти цифры, Пётр Ефимович переводил взгляд с одного комсомольца на другого, и гордость светилась в его серых глазах, окружённых густой сетью морщинок.

— Вот это здорово! — восхищённо воскликнул Костя.

— Ничего себе махина, — отозвался Говорков, пытаясь подсчитать, сколько дней придётся им укладывать эти десять тысяч кубометров. — Оказывается, за большое мы дело взяли. Его, брат, наскоком не одолеешь. Но ничего, ежели поднажать — справимся. А за маленькое и браться бы не стоило.

— Да, товарищи, поработать придётся крепко, — подтвердил парторг. — Но я думаю, что трудности вас не пугают. Народ в бригаде, вижу, подобрался боевой. Уверен, что в ближайшие дни вы не только догоните опытных бетонщиков, но и перегоните их. Только ряд

ли они захотят вам уступить. Поживём — увидим. Костя, как называется твой колхоз?

— «Завет Ильича», — сказал Подольский, удивлённо взглянув на парторга.

— Знаю ваш колхоз. Передовой, прямо надо сказать. Твои земляки и на стройке выделяются. Смотри, не подведи их.

— Они уже говорили мне об этом, — ответил Костя, почему-то смутившись.

— Уже говорили? — переспросил Пётр Ефимович. — Значит, не подведёшь. — Он встал и неспеша надел фуражку полувоенного покроя. — Что же, желаю успехов, товарищи комсомольцы. Не забудьте — запасайтесь книгами. Приходите ко мне, у меня кое-что есть. Могу и техническую литературу одолжить, вам она сейчас нужна будет. Между прочим, чуть не забыл: цветы тоже в комнате надо иметь. С ними уютнее...

★ ★ ★

Шагая рядом с парторгом, Синючков возбуждённо говорил:

— Эти ребята себя покажут, Пётр Ефимович, вот увидите. Я многих ещё до войны знал, хороший, инициативный народ. Они завтра же вызовут Мельникову на соревнование. И сам Коновалов не удержится. Отобьют у него комсомольцы первенство.

— Экий ты приткий, Василий, — укоризненно покачал головой Солодовников, в то же время любясь раскрасневшимся, оживлённым лицом комсорга. — По-твоему, так у них всё и пойдёт само собой? Соревнование надо организовать, и тут нам с тобой придётся здорово поработать. Ребята, не спорю, хорошие, и задору у них хоть отбавляй, да вот вопрос — надолго ли этого задору хватит? Начнут они завтра работать, встретятся неполадки, не выполнят нормы — и настроение у них понизится. То-то и оно. Здесь важно, чтобы уверенность в силах при трудностях не пропадала, а росла с каждым днём. Тогда придёт и успех. Ты, как вожак молодёжи, эту уверенность должен поддерживать, фактами людей убеждать в успехе нашего дела, понял? А фактов у нас много, на любом участке передовые бригады имеются. Ещё раз напоминаю, Василий, сила соревнования в гласности. Проявят твои ребята инициативу — переноси

её на другие объекты, добивайся, чтобы все бригады ценный почин подхватили. Ну, об этом мы ещё с тобой поговорим, а сейчас до свиданья. Мне надо в райком зайти, насчёт субботника договориться. Ты тоже готовься. Народу на этот раз много придёт.

Синючков, улыбаясь, кивнул головой.

6.

Своим группоргом комсомольцы единогласно избрали Бескурова. Его кандидатура, предложенная Чечулиным, ни у кого не вызвала возражений. Антон принял своё избрание, как почётный долг, и сразу почувствовал свою большую ответственность за дела бригады. Теперь он обязан работать лучше всех, чтобы оправдать доверие комсомольцев.

Ребятам не терпелось скорее взяться за дело. Они не говорили об этом открыто, но каждому хотелось доказать, что их не зря ставят на самый важный участок строительства. Ведь сам Пётр Ефимович Солодовников, всеми уважаемый в городе, в прошлом замполит гвардейского полка, выразил уверенность, что бригада не уронит комсомольской чести. О каких-либо трудностях ребята не задумывались, очевидно, плохо представляя, где и в чём эти трудности встретятся.

Наутро бригадир повёл ребят на литейный посмотреть, как работают прославленные коноваловцы.

Коноваловцы были опытными бетонщиками. Со стороны их работа показалась комсомольцам простой и лёгкой. Но Антон догадывался, каких трудов стоила эта кажущаяся лёгкость. Да и ребята, разобравшись, сообщали, что бетон класть не так уж просто, как вначале казалось. Но никто не сомневался, что дело у них пойдёт. «Коновалов может, девчата могут, а мы почему не сможем? — думал каждый, но вслух своих мыслей не высказывал. — Кто знает, не покажется ли коноваловцам это бахвальством?».

Сам Коновалов, чернобородый, высокий, широкоплечий, бывший потомственный лесоруб, пряча в усах усмешку, спустился с лесов вниз и, показывая локтем на столпившихся возле бетономешалки ребят, спросил Чечулина:

— Твоя, что ли, команда? Самостоятельно, значит, развернуться хочешь? Ну, что ж, желаю успехов.

— Буду стараться, Василий Егорович, — улыбнулся Чечулин. — Не зря же я у тебя учился. Пора самому других поучить. Только не знаю — сумею ли.

— Давай для начала я с ними побеседую, — предложил Коновалов и, подойдя к Бескурову, неожиданно спросил: — В пехоте служил?

— В пехоте, Василий Егорович, — ответил Антон, делая шаг вперёд.

Коновалов положил на плечо Антону свою тяжёлую руку:

— Пехотинцев я уважаю, выносливый народ. Я сам три войны в стрелках ходил, но в Берлине не пришлось побывать, ранило меня на Днестре, на правом берегу. С того времени опять за топор взялся. Завод этот я, можно сказать, чуть ли не первым начал строить. Здесь и бетонщиком стал. А вы, значит, поглядеть на нашу работу пришли? Оно, конечно, издали посмотреть — простая работа, однако её с умом надо делать. Одной силой тут много не возьмёшь, прямо скажу.

Старый мастер, смахнув рукавом сатиновой рубашки крупный пот с загорелого лица, продолжал:

— Сейчас мы делаем по сто сорок замесов. Но этого, безусловно, мало. Если мозгами пошевелить, вдвое больше можно дать. А почему так, я сейчас объясню...

Чечулин знал, что старик не только расскажет, но и покажет, как у него организован рабочий процесс, поэтому он и привёл сюда ребят, чтобы они воочию убедились, насколько доступно им предстоящее дело.

Коновалов подробно рассказывал, почему могут быть простои, как с ними бороться, как заранее готовить фронт работ, кого лучше поставить на подвозку, а кого — на укладку. Всё это он иллюстрировал на своих людях, называя каждого по имени и отчеству, метко характеризуя его способности. Старому мастеру было приятно, что ребята слушают его внимательно. Высоко ценя свою профессию, Коновалов искренне хотел помочь тем, кто решил идти по его стопам. Под конец он вдруг спохватился и предупредил:

— А если я что упустил, то вам инженеры растолкуют.

Антон был очень доволен этой неожиданной лекцией. Видя сосредоточенные, серьёзные лица ребят, он уже не

сомневался, что первая смена будет удачной. До неё оставалось ещё полдня, и Антон, выбравшись из толпы, неторопливо направился вдоль берега. На этот раз он обошёл всё строительство и убедился в огромном размахе работ.

Завод строился на прибрежной равнине, у подножья горы Белой. Её тёмный, с меловыми пятнами массив чётко вырисовывался на фоне синего неба. Размещение основных цехов было ещё едва только намечено, один лишь литейный оброс лесами. Но множество котлованов, залитых бетоном фундаментов, груды подвезённого к ним материала — всё это показывало, что здесь в скором времени вырастут длинные корпуса механического, кузнечного и других цехов.

Вид строительной площадки менялся день ото дня. Там, где ещё вчера не было ни людей, ни машин, ни взрытой земли, сегодня суетились строители, скрипели экскаваторы, сновали грузовики, нагружённые песком, досками, железными прутьями арматуры. Будто из-под земли возникали высокие штабели кирпича.

Равнина, когда-то густо заросшая лесом, напоминала сейчас разворощённый муравейник и казалась просторнее, чем раньше. Но Бескуров не мог отделаться от мысли, что места для стройки недостаёт. Возможно, когда уберут весь мусор, исчезнут разбросанные повсюду кучи земли и появятся здания, площадка будет выглядеть иной, но пока она казалась тесной и до отказа переполненной. Позднее, поработав неделю, Антон привыл и к этой тесноте, которая, оказывается, никого не стесняла, и к непрерывному грохоту механизмов, составляющему первое время настороженно оглядываться.

Ближе к берегу был распланирован рабочий посёлок. Несколько двухэтажных кирпичных зданий, расположенных вдоль набережной, образовали начало улицы. Впоследствии обе набережные — старая и новая, заводская, — должны будут слиться в один широкий проспект, но пока их разделяли нетронутые заросли ивняка, с проложенными кое-где тропками. На горе Белой разрабатывались каменный и песчаный карьеры, оттуда через равные промежутки раздавались взрывы, и мощное эхо долго носилось по окрестным лесам, тревожа их извечный покой.

Антон повернул к литейному. И снова, в который раз, в голове возникла мысль: вечером на работу, каким-то будет начало? Он вспомнил слова Коновалова: «Выходи, ребята! У нас с вами одно задание. Давайте поднажмём, чтоб не совестно перед Москвой было!». Конечно, Коновалов сказал это с умыслом: он знал, что комсомольцам до него далеко, и хотел их подбодрить. И тут же прибавил: «Мои бригадники, между прочим, не любят, когда им на хвост наступают, учтите». Антон, да и не только он, почувствовал в этой фразе вызов на соревнование, но никто не ответил на него. А зря. Почему смолчал Виктор? Наверно, Коновалов подумал, что комсомольцы робеют. Напрасно! Они обязательно ответят на вызов.

На литейном уже работала бригада Мельниковой.

Издали, стараясь остаться незамеченным, Антон смотрел на девушек. Они трудились старательно, на первый взгляд, споро, но лёгкости и слаженности, отличавших коноваловцев, у них не было. Глядя на Коновалова, самому хотелось невольно тут же взяться за тачку и бежать с ней, не переводя дыхания. Сейчас этого желания Бескуров не испытывал. Не уловив ещё главного, что мешало бетонщицам, Антон всё же понял, почему их движения были не всегда слаженными и чёткими. То и дело получались простои: то тачка свалится с досок, то ковш простаивает в ожидании загрузки. Да, Коновалов прав: силы тут требуются не так уж много, но если отсутствует ритм, нет непрерывного потока, то физическое напряжение хотя и возрастает, но производительность труда, как ни странно, падает. Значит, вся суть в согласованности, в хорошей подготовке рабочего места, в разумном совмещении отдельных операций. Обо всём этом говорил и Коновалов. Однако Антон только теперь убедился, насколько важно правильно организовать труд. Он ещё не знал точно, как этого достигнуть, но кое-какие выводы у него уже напрашивались. Прежде всего, надо сразу же приучать ребят дорожить секундами. А главное — поскорее овладеть техникой, изучать весь технологический процесс и изо дня в день совершенствовать его. Но кроме умения требуется ещё крепкая воля. Да, это, пожалуй, основное. Комсомольская воля. Вот об этом и надо сегодня поговорить с ребятами. Наверно, они сейчас отдыхают, даже Говорков

не пошёл домой. А Антону вряд ли удастся скоро уснуть. Вот также он волновался перед боем в первые фронтовые дни. Но это волнение не мешало трезво оценивать обстановку, не теряться в решительный момент. Так и здесь будет хорошо. Что касается Коновалова, то его вызов не останется без ответа.

7.

За час до смены в общежитие пришёл Вася Синючков. Поздоровавшись со всеми за руку, он спросил Чечулина:

— Значит, готовы, бригадир?

— Как видишь, — улыбнулся Чечулин, подвязывая шнурок у ботинка.

— Ты что, Вася, тоже наше настроение пришёл проверять? — спросил Антон.

— Ты, группорг, не смейся, настроение — великая вещь, — серьёзно ответил Синючков. — А почему — тоже? Разве ещё кто-нибудь приходил?

— Да, приходил секретарь райкома комсомола Ловин. Тоже о настроении спрашивал. Не понимаю, неужели вы серьёзно сомневаетесь в том, что мы справимся?..

— Никто в этом не сомневается, — спокойно сказал комсорг. — Но если вы пойдёте на бетон с плохим настроением, дела не будет.

— Можешь успокоиться, Вася, — вмешался Говорков. — Даю слово, что девчат мы оставим. А чтобы они не обиделись, предупреди их, пожалуйста, заранее.

— Хорошо, обязательно предупрежу. Только имейте в виду, они сегодня уже дали сто девять замесов и к концу смены, — он взглянул на часы, — дадут ещё не менее десяти.

— Интересно, — сказал Антон, не сумев скрыть своего удивления. — Я видал их работу, больше ста замесов они не могли дать.

— Однако дали же, — улыбнулся Синючков.

— Ладно, — решительно заявил Яшка. — Тогда мы ладим сегодня сто тридцать.

Чечулин, покончив с ботинком, выпрямился, негромко сказал:

— Полегче, Яша. Надо сначала попробовать.

— Правильно, надо попробовать, — поддержал Виктор Антон. — Но если мы будем пробовать, не чувствуя за собой никакой ответственности, проба может затянуться надолго. А плестись в хвосте нам нельзя.

Чечулин недоуменно пожал плечами: «Странный вопрос, конечно, нельзя», но Антон уже повернулся лицом к ребятам.

— Я предлагаю, товарищи, взять на себя конкретное обязательство. Ну, хотя бы такое... Он вынул из кармана лист бумаги и карандаш и быстро стал что-то писать. Комсомольцы столпились вокруг стола, с любопытством заглядывая ему через плечо.

— Вот. — Антон раздельно прочёл: — «Заверяем районный комитет комсомола, что мы по-фронтовому будем драться за досрочное окончание бетонных работ на литейном. Ставим своей задачей повести за собой все бригады строительства...». Ваше мнение?

— Правильно, Тошка! — весело воскликнул Говорков. — Я согласен. Драться, так драться! Давай я первый подпишусь.

— Первым должен подписаться бригадир. Ты как, Виктор?

Чечулин ответил не сразу. Кажется, он хотел что-то возразить, но, заметив на себе множество нетерпеливых взглядов, молча взял карандаш. Повертел его, неспеша перечитал написанное, медленно заговорил:

— Я не против обязательства. Тем более, что вы сами хотите. Но я должен предупредить — это очень серьёзное обязательство. Не выполнить его нельзя. Может, сначала мы просто попробуем, а уж потом дадим такое обещание — повести всех за собой?

— Да, над этим стоит подумать, прежде чем подписывать, — поспешил добавить Антон. — Но лично я подпишусь сейчас.

— Ну, а я ещё раньше сказал, что согласен, — заявил Говорков. — Тут ведь что важно? Это обязательство всё равно, как приказ. Если я подпишусь, то уж отступить мне никак невозможно. А на фронте-то мы отступали? Так и здесь, по-моему: дал слово — выполни его.

— Точно, — подтвердил Подольский, хотя на фронте ему побывать не пришлось. — Раз бригада у нас комсомольская, надо и работать по-комсомольски. Я тоже подписываюсь.

— А вдруг, Костя, у нас ничего не выйдет? На весь район ведь тогда осраимся, — протискиваясь к столу, сказал Фёдоров и лукаво сощурил чёрные глаза.

— Конечно, осраимся, если не выйдет, — насупившись, согласился Костя. — Только как же это не выйдет, раз мы слово дали?

Синючков улыбался. Чечулин сбоку посмотрел на него и решительно поставил свою подпись. Передавая карандаш Бескурову, озабоченно проговорил:

— Ну, гляди, группорг. Не простую бумажку подписываем.

— В том-то и дело, Виктор, — улыбнулся Антон. — Обязательство это мы передадим в нашу газету, пусть все читают. Уж если соревноваться, так по-настоящему, без каких-либо скидок на неопытность. Опыт — дело наживное, да у нас и нет, кажется, белоручек, которые бы работы боялись. Выдержим.

8.

По дороге к литейному Бескуров опять невольно вспомнил Зою. Вспомнил потому, что всё ещё сомневался: неужели девушки дали сто двадцать замесов? Выходит, не так уж плохо они работают, как ему показалось. Напрасно он не позвал тогда Чечулина и не понёс с ним на литейный вторично. Быть может, Виктор скорей разобрался бы в неполадках, помог бы Зое дельным советом, и выработка у девчат, вероятно, была бы ещё выше. А это, в свою очередь, ещё сильнее подзадорило бы ребят, ибо каждый понимал: прежде чем померяться силами с Коноваловым, надо во что бы то ни стало обогнать девушек. Нет, что бы там ни говорил Чечулин, начинать нужно было именно с обязательства: оно вдвое повысит личную ответственность бетонщиков за исход дела. Уж если соревноваться, так с первого же дня. Возможно, уже сегодня их обязательство появится в многотиражке и наверняка вызовет множество откликов. Говорков прав: отступать теперь поздно, нужно идти только вперёд. Впрочем, никто, кажется, и не думает об отступлении.

Антон незаметно оглядел шедших позади комсомольцев. Кажется, всё в порядке. Чечулин перестал хмуриться и сейчас, без сомнения, горит нетерпением «попробо-

вать», хотя внешне он, как всегда, невозмутим. Яшка Говорков с любопытством поглядывает на леса литейного и что-то с улыбкой говорит соседу. Безусловно, он ринется в работу с обычным для него увлечением, но не остынет ли при первой неудаче — вот что хотелось бы знать группоргу, Фёдоров, задумчив и серьёзен, шагает широко и твёрдо, как в строю. Этот не сдаст. Маленький Костя Подольский шёл позади всех, но по его лицу, весёлому и раскрасневшемуся, видно было: Костя тоже не подведёт. Остальных Антон знал ещё мало, но зато их отлично знал Чечулин, и, понятно, плохих ребят он не взял бы в бригаду.

Девушки, только что кончившие работу, не расходились, поджидая ребят. Антон не сразу узнал среди них Зою. В брезентовых куртках, одинаково запорошённые пылью, с пятнами застывшего бетона на одежде, девчата толпились возле помоста и все, как одна, улыбались. Быть может, смущенные ребят их забавляло, а может, просто им весело было оттого, что поработали они сегодня лучше, чем вчера, но ребятам их улыбки явно не понравились.

— Здорово, бетонники! — приветствовала их Зоя, и девушки, словно сговорившись, дружно рассмеялись.

— Здорово, здорово, — небрежно кивнул Говорков, которому этот смех показался особенно обидным. — Что это у вас смех такой нервный? Упарились, видать?

Не отвечая, Зоя спросила Чечулина:

— На подвозку ты сколько человек думаешь поставить?

— А у тебя сколько было?

— Шестеро. Пробовала ставить меньше — получалась задержка.

— Ты хочешь сказать — толкучка? — усмехнулся Чечулин. — Катальные пути в порядке?

— Не совсем. Доски кое-где надо заменить. Я говорила прорабу, обещал исправить.

Чечулин быстрым взглядом окинул площадку, заметил, что песка и гравия осталось мало, насупясь, спросил:

— Десятник куда пошёл? Опять с песком волынка... Транспорта, что ли, нехватает?

— Хватает, да шофёры, знаешь, не торопятся, — пояснила Зоя.

— Ладно, заставим и их поторопиться, — пообещал Чечулин. — А на подвозку я решил поставить пятерых, не больше. Меньше толкучки — больше дела. А почему настил замусорен? Я ещё в прошлый раз говорил тебе...

— Но это же ерунда, Виктор, — смущённо проговорила Зоя. — Разве это мусор? Несколько щепок...

— Ерунда? Ну, а я по себе знаю: попадёт такая щепка под колесо — и тачка на бок. Время теряешь, и дело стоит.

— Слышали, девочки? — повернулась Зоя к подругам. — Ладно, я сама завтра встану на подвозку. Через часик, Виктор, я вернусь сюда, погляжу, как у вас работа пойдёт. Не возражаешь?

— Пожалуйста, — пожал Чечулин плечами.

Девушки сошли с настила, освобождая место для ребят. Проходя мимо Антона, Зоя тронула его за рукав.

— Я вижу, вы обогнать нас собрались, а?

— А сколько вы сегодня дали? — спросил Антон.

— Сто двадцать два, — тряхнула она головой и уголком глаза посмотрела на толпившихся возле Чечулина ребят.

Говорков пренебрежительно свистнул. Антон сказал серьёзно:

— Постараемся дать больше.

— Что ж, рада буду, — сощурившись, ответила Зоя. — Только уступать мы не собираемся, учтите. Ни вам, ни Коновалову.

«О нашем обязательстве Спнючков, видно, ещё не успел ей передать, — подумал Антон. — А зря всё же я не поговорил с ней тогда на вечере. Интересно, как она жила эти годы?»..

Ему даже захотелось спросить об этом Зою сейчас. Но тут к Чечулину подошёл десятник Лоскутов, человек пожилой и строгий, вынул из кармана часы, недоброливо сказал:

— Время вышло. Давайте начинать.

9.

Чечулин по опыту знал, что производительность труда на бетонных работах зависит не только от умелой расстановки людей и их квалификации, но, главным образом, от правильной организации рабочего места у бето-

номешалки. При механизированном приготовлении бетона рабочее место представляет собой пространство, занимаемое бетономешалкой, песком, гравием, цементом, бункером для бетона и катальными путями, по которым производится доставка заполнителей к ковшу. На укладке бетона в опалубку рабочее место не являлось постоянным, и здесь тем более необходимо было продумать каждый свой шаг, чтобы избежать излишней затраты сил и времени. Весь процесс по приготовлению, транспортировке и укладке бетона на стройке был подробно разработан Коноваловым. Его систему организации труда многие считали совершенной, хотя сам он далеко не был ею удовлетворён. Чечулин и раньше замечал в этой системе ряд недоделок и не раз указывал на них бетонщикам, но о реализации своих предложений мало заботился. Он считал, что это обязанность бригадира. И вот теперь, став бригадиром, Чечулин понял, что одному, без помощи ребят, невозможно добиться высокой производительности. Бригада — это не бездушный механизм и слепо подчиняться воле бригадира не будет. Чечулин припомнил, что ещё утром он возлагал надежды всецело на одного себя — на свою новую схему расстановки людей, на свой опыт и знания, а ребятам отводил лишь роль слепых исполнителей. Сейчас же он увидел, что никто из них с этим не примирится, больше того — они даже и не помышляли об этом, несмотря на отсутствие опыта. Ещё не приступив к работе, они обратили внимание на такие мелочи, могущие помешать им, о которых бригадир просто не успел подумать. Например, Фёдоров спросил десятника: «А разве нельзя было сделать колесо на шарикоподшипниках? Вдвое легче было бы возить». А Бескуров, пройдясь по путям, громко сказал: «Для порожняка, Виктор, неплохо было бы особые ходы соорудить, а то толкучки не избежать...». Ясно, ребята на этом не успокоятся. Они будут искать новых и новых возможностей для ускорения работы, искать там, куда до них не заглядывал ещё никто. Теперь Чечулин понял, что от него требуется не только учить специальности, но и всячески развивать у подчинённых творческое отношение к делу, без которого не может быть движения вперёд.

Расстановку людей бригадир обдумал заранее. На подвозку он поставил пять человек — двоих на цемент,

остальных—на песок и гравий. В это звено вошли Фёдоров, Яшка Говорков, Костя Подольский, неуклюжий с виду, но физически сильный Хомяков, долговязый и малоразговорчивый Ступаков и моторист Зайцев. Второе звено составили транспортировщики, третье, во главе с Чечулиным, встало на укладку. Бескуров попросился было тоже на подвозку, но бригадир, многозначительно посмотрев на его ногу, приказал идти наверх. Антон молча кивнул, понимая, что спорить с начальством сейчас невозможно. Но уж после смены он поговорит с Виктором по душам. Не для того же, в самом деле, он пришёл сюда, чтобы ему делались какие-то поблажки.

Наскоро осмотрев машину, Зайцев подал ковш под погрузку, и работа началась. Первые пять замесов были доставлены наверх без особых помех, и Антон с увлечением взялся за выравнивание бетона, укладываемого в опалубку Чечулиным. Бригадир ловко подхватывал с двухколёсных тачек серую плотную массу и безошибочно, одним взмахом, перекидывал её в нужное место. Лопата так и мелькала у него в руках, словно он не работал, а играл ею. Шестой замес запоздал минуты на две, девятый—на целых пять минут. Как видно, внизу что-то не ладилось, и Чечулин с беспокойством посмотрел туда.

Глаз у Виктора был намётанный, но он не сразу понял причину задержек. Проследив за каждым из подвозчиков в отдельности, бригадир заметил, что все они трудились с полным напряжением, напористо и весело. Взятый ими темп показался Чечулину определённо высоким, и он с удовлетворением подумал, что если бы удалось сохранить этот темп до конца смены,—успех был бы обеспечен. Затем взглянул на бетономешалку и едва сдержался, чтобы не выругаться. Оказывался, всё дело было в Зайцеве. Зайцев попросту опаздывал с подачей ковша под заполнители, и потому возле ковша то не было ни одной тачки, то у машины скапливалось одновременно несколько тачек в ожидании. Нарушался не только ритм, но и установленный порядок загрузки. Ребята, возможно, не придавали этому значения, стремясь лишь поскорей загрузить ковш, а между тем при такой безалаберной загрузке качество

бетона неизбежно ухудшается. А может, машина не в порядке? Ну, так и есть: ковш при подъёме перекашивается. Ах, Зайцев, Зайцев! А ещё хвастался, что знает машину, как свои пять пальцев...

Чечулин, сдерживая раздражение, положил лопату, спустился вниз и направился к кабине моториста. Был уже поздний вечер, но электрические лампочки на лесах литейного не зажигались, — и без них было светло. Недавний зной сменился лёгкой прохладой, с реки несло сыростью, приятно освежавшей разгорячённое лицо. Грохот крутившегося барабана заглушал все посторонние звуки.

Влезая в кабину, бригадир спросил:

— В чём дело, Зайцев? Отчего перебой?

Зайцев, коренастый парень, с выпачканным в масле широкоскулым лицом и немного косящими глазами, сначала взглянул на дозировочный бачок с водой, повернул рычаг и уже после этого неприязненно прогудел:

— Я, что ли, виноват? Лучше ребят спроси, может, они знают, отчего.

— Ребята тут не причём...

— Не причём? Значит, я виноват? — озлобленно скосил он глаза на бригадира. — Смотри, они и сейчас возле ковша толкутся, будто в первый раз его видят. А загружают и вовсе неправильно.

— А ты что смотришь? — внезапно вспыхнул Чечулин. — Сказать лень? А ковш как подаёшь? Как ты его должен подавать, не знаешь? А машину кто должен готовить к работе — я, что ли? Почему трос не отрегулирован?

Зайцев опустил глаза. Рука его, лежавшая на рычаге, дрогнула, он повернулся к Чечулину всем туловищем, смущённо сказал:

— Я проверял, Виктор, всё в порядке было, это сейчас только. Ладно, с ковшом я не задержу, но пусть и ребята подтянутся. Подавать буду по всем правилам.

Чечулин, несмотря на такое заверение, хотел тотчас остановить машину, чтобы устранить неисправность, однако Зайцев, поняв его мысль, торопливо произнёс:

— Не надо, Виктор. Дотянем до перерыва, тогда уж... А то ребята, знаешь, что могут подумать? Я же

сказал: из-за меня задержки больше не будет, понимаешь?

Чечулин внимательно посмотрел на вспотевшее лицо моториста, молча погрозил ему пальцем и вышел из будки. Бригадир и самому не хотелось расхолаживать ребят непредвиденной остановкой, тем более, что работали они сейчас с небывалым воодушевлением. А с Зайцевым, конечно, придётся ещё поговорить особо. Зазнался он, что ли, поработав неделю с Коноваловым?

Чечулин решил немного побыть внизу и, кстати, понаблюдать, действительно ли Зайцев сумеет дотянуть до перерыва. Ковш, правда, попрежнему перекашивался, но задержек всё-таки не было. Ритм заметно ускорился, хотя срок перемешивания остался тот же — три минуты. Тут Зайцев действовал точно по инструкции: три минуты — ни секунды меньше. Подвозчики, как убедился бригадир, легко справлялись с делом. Он на ходу напомнил им о порядке загрузки, проверил, правильно ли Ступаков отвешивает цемент, и затем, успокоенный, вернулся наверх.

Фёдоров, работавший по пояс голый, весело перемигнулся с Говорковым и легко подхватил нагружённую гравием тачку. Говорков тряхнул головой, как бы говоря: «Давай, Ваня, давай!», и двинулся следом. Но поспеть за Фёдоровым не мог — сказывалась усталость. «С чего бы это?» — подумал Яшка и, разогнавшись, чуть не наехал на возвращавшегося от ковша Хомякова. Тот лениво посторонился, всем своим видом показывая, что зазевался не он, а Яшка. Говорков не утерпел, досадливо буркнул:

— Болтаешься тут под ногами! Места мало, что ли?

С Хомяковым он познакомился уже в бригаде и сразу же невзлюбил этого здорового, но вялого несимпатичного парня. У Хомякова были короткие рыжие волосы, крупное, веснушчатое лицо, угрюмоватый, недоверчивый взгляд. Говорил он мало и как-то нехотя, словно всё, чем интересовались и о чём спорили ребята, было ему давно известно и его не касалось. На бетон Хомяков пришёл впервые, до этого работал в каком-то учреждении и попал в бригаду по путёвке райкома. Яшка сильно подозревал, что на подвозке Хомяков обгонит всех, даже неутомимого Фёдорова, од-

нако оказалось не так. Он, правда, выдерживал взятый темп, но работал невесело — словно не он управлял тачкой, а она — им.

Яшка устал, но об отдыхе не думал. Интересно, сколько замесов уже сделано? Неужели не удастся сегодня обогнать девушек? Ведь больших простоев, кажется, не было, и, надо прямо сказать, темп они держат подходящий. Пожалуй, они могли бы работать ещё быстрее, если бы их не задерживал Зайцев. С машиной определённо что-то случилось. Да и перемешивание длится, кажется, дольше, чем нужно. У Коновалова, помнится, срок перемешивания был короче. Но ведь инструкция существует для всех одна, никаких расхождений не должно быть. Надо бы с ней тоже познакомиться, чтобы не гадать, что к чему. Может, моторист зевает, а машина не причём? В самом деле, почему у Зайцева такой измученный вид? О чём это, интересно, беседовал с ним Чечулин.

Яшка не ожидал, что работа увлечёт его. Он и в бригаду пошёл лишь потому, что большинство близких друзей оказалось здесь. И ещё потому, что этого хотела Клава. Она, правда, ни словом не выразила своего желания, но Яшка и без того видел, с каким нетерпением ждала она его ответа Чечулину. У него просто нехватило тогда духу отказаться от предложения, а теперь он был убеждён, что иначе и не мог поступить. Чем он хуже других? На бетоне Яшка может показать себя так же, как на любой иной работе, и пусть Клава не думает, что он боится трудностей. Ещё неизвестно, кто окажется впереди, — он или она. Вот, пожалуйста: прошло уже, наверно, три часа, как бригада приступила к работе, а Яшка не только не поддаётся усталости, но ещё ведёт за собой таких, как Хомяков.

Передышка наступила для всех неожиданно: вышел песок. Его всё время подвозили на автомашинах так же, как и гравий, и до сих пор шофёры поддерживали необходимый запас. Но вот где-то произошла заминка, машины не подошли в срок, и песок иссяк. Ребята были возмущены, особенно Фёдоров, которому и без того казалось, что работают они медленнее, чем могли бы.

Зайцев, вывалив последнюю порцию бетона в бункер, тут же выключил мотор, схватил инструменты и

бросился к лебёдке отрегулировать трос. Это был, кажется, единственный человек, обрадовавшийся внеочередной остановке. Впрочем, Хомяков, как заметил Яшка, также вздохнул с облегчением и тотчас растянулся на земле.

С лесов спустился Чечулин, за ним шёл Антон. Чечулин был хмур и прошёл мимо ребят, не поднимая глаз. Если ребята могли и имели право возмущаться, то бригадир этого права за собой не чувствовал. Увлёкшись укладкой и понадеявшись на десятника, он забыл совет Коновалова: следить за подвозом песка, гравия и цемента. Чечулин готов был признать свою вину, но сначала ему хотелось выяснить, почему не подошли машины.

— Ты видал, Антон? Песок весь вышел. Чорт знает, что такое! — с сердцем сказал Яшка. — Куда, спрашивается, десятник смотрит? Что он первый день на литейном? Здешних порядков не знает?

— Мы сами прошляпили, Яков, — спокойно сказал Антон, присаживаясь на пустую тачку. — Вы же видели, что песок наисходе, почему молчали?

— Почему? Станный вопрос! Времени не было, — рассердился Говорков. — Что, по-твоему, мне делать — ковш загружать или за песком смотреть?

— Ну, вот, я же говорю — прошляпили, — тем же тоном повторил Бескуров. — И в первую очередь я, как группорг, прошляпил.

— Ну, а Виктор что смотрел? — насупившись, спросил Фёдоров.

— Виктор — молодой бригадир, ему помочь надо. — Антон внезапно улыбнулся. — Ну, ничего, вперёд умнее будем, нечего хныкать. Десятник куда пошёл?

— На телефон, в карьеры звонить. Там, видать, не торопятся.

— Надо их на соревнование вызвать, вот что! — решительно заявил Костя Подольский. — Тогда они будут побыстрее поворачиваться.

— Верно, — весело поддержал Антон. — Комсомольцы там тоже есть, пусть сами подтянутся и других подтянут.

— Который теперь час, Антон? — помолчав, спросил Яшка.

— Ты, наверно, хочешь спросить — сколько замесов мы дали? — улыбнулся Бескуров. — Сорок восемь, а проработали уже четыре часа.

— Как! — приподнялся на локте Хомяков. — Всего четыре часа? А я думал — сейчас кончать будем.

— Видали? — возмутился Говорков. — Ему говорят — сорок восемь замесов, это же позорно мало, а он хочет кончать. Ты что-нибудь соображаешь, Хомяков? Дух вон, а сто тридцать замесов мы должны дать. Иначе глаз людям не покажешь.

— Ну и что? А ты как бы хотел — сразу рекорды ставить? — огрызнулся Хомяков, снова ложась на спину.

— А хотя бы и рекорды, что ж такого? — запальчиво сказал Яшка и неожиданно махнул рукой. — С тобой, я вижу, не только рекордов, а и сотни замесов не выдать. Ишь, развалился! Ревматизм у тебя в ногах, что ли?

— Сам-то ты на чём держишься? — насмешливо проговорил Хомяков, смерив взглядом невысокую фигуру Говоркова.

— Я-то выдержу, ты ещё плохо меня знаешь, Хомяков, — почему-то смутившись, ответил Яшка. — У тебя силы занимать не буду, не беспокойся. Своей хватит.

— Вопрос ясен, ребята, — сказал Антон. — До конца смены придётся поднажать. Вынужденных простоев больше не допустим. У нас наверху всё в порядке, дело за вами.

— Мы-то поднажмём, само собой, — за всех ответил Фёдоров. — Было бы что возить, да машина была бы всегда в исправности, а мы вас не задержим.

Фёдоров хотел добавить, что всё дело, собственно, в машинисте, что Зайцев, судя по некоторым признакам, работает не «по всем правилам», но так как он не сможет сейчас обосновать свои наблюдения технически, то и о мотористе решил пока не упоминать. Сказывался недостаток знаний, и Фёдоров с невольной завистью посмотрел в ту сторону, где Зайцев вместе с любознательным Подольским возился около лебёдки. Да, верно говорил парторг: надо учиться, иначе отстанешь.

— Эх, если бы раствор не три минуты перемешивать, а хотя бы две с половиной! — внезапно сказал Яшка, и

светлые глаза его озорно блеснули. — Вот тогда мы бы уж поднажали!

— Нельзя: инструкция не позволяет, — развёл длинными руками Ступаков, до неузнаваемости обсыпанный цементной пылью. — А то, конечно, мы дали бы рекорд, будь уверен.

— Инструкция, инструкция... — досадливо проговорил Яшка и, повернувшись к Бескурову, спросил: — Надо, Антон, проверить — обязательно три минуты или необязательно? Я слышал, Коновалов сокращал перемешивание до двух и меньше минут.

— Верно. Но это было на заливке полов и других неответственных частей сооружения. Имей в виду, качество заполнителей тоже меняет сроки перемешивания. А вообще, конечно, надо обо всём этом поподробнее разузнать у прораба. Без него сокращать цикл мы не имеем права.

— Вот я и говорю — надо разузнать. А то, может, инструкция эта давно устарела или, может, не соответствует нашим условиям, понимаешь? — И Яшка выразительно подмигнул, вызвав улыбку даже на хмуром лице Хомякова.

Остальным на эту тему высказаться не пришлось. Издали раздался повеселевший голос Чечулина:

— Ребята, по местам! Есть песок!

Оказалось, Лоскутов встретил грузовики на поддороге и сейчас вёл их чуть ли не целую колонну. На сей раз десятник сам взялся за лопату и помогал сгружать песок. Снова загремели по доскам колёса тачек, загрохотала бетономешалка, тучей поднялась из открытых бочек цементная пыль. Снова всё пошло, закрутилось, помчалось. Антон работал с упоением. И вместе с тем он теперь не забывал смотреть вниз, следить не только за тем, как работают его соседи, но и за Зайцевым, за опалубщиками, за равномерным постукиванием подъёмника, подававшего на леса готовый бетон. Ему показалось, что наконец-то нужный ритм взят и уже не будет сдан до конца. Правда, то там, то здесь всё ещё досаждали мелкие неполадки, но зато радовали безаварийная работа машин, безостановочная подача воды и энергии (Антон помнил, что Зоя жалова-

лась именно на помехи с водой), хорошее упрямство ребят, не поддававшихся утомлению.

Говорков сиял. Ещё бы! Уже через полчаса ему стало ясно, что Хомякову за ним не угнаться. Очень хорошо! А, главное, Зайцев, у которого до сих пор было растерянное лицо, теперь то и дело бросал рычаги и энергичными жестами просил ребят поторопиться. Чорт возьми, уж не вздумал ли он действовать вопреки инструкции? Давай, давай, моторист! Упущенное надо наверстать. Сердце Говоркова билось учащённо, — он и сам точно не знал — от усталости или от возбуждения. На всякий случай Яшка решил чуточку передохнуть. Но едва успел присесть, как неожиданно раздавшийся за спиной голос Зои Мельниковой заставил его вскочить, словно в нём расправилась невидимая стальная пружина.

— Что, Яша, упарился? А ещё говорил: «Мы обгоним, да мы докажем!» Это вы, что ли, писали? — И она протянула свежий номер многотиражки, смеясь одними глазами.

Ошарашенный Говорков снял помятую кепку, за чем-то разгладил ладонью мокрые волосы и, видимо, овладев собой, неторопливо принялся отряхивать пыль со штанов. Отряхнувшись, посмотрел на Зою снисходительно прищуренным взглядом, спокойно сказал:

— А то кто же? Ясно, мы... А вы что, Зоя Михайловна, пришли посмотреть, как мы работаем? Пожалуйста, смотрите и учитесь, нам ничуть не жалко. Видите, у нас никаких простоев. Всё идёт, как по маслу. Приятно поглядеть, верно? — И, вежливо улыбнувшись, взялся за тачку...

10.

— Товарищи, на повестке у нас один вопрос: почему мы отстали? Почему мы дали сегодня бетона меньше, чем девушки, хотя работали изо всех сил?

Ответом Вескурову была гнетущая тишина. Он стоял у дверей, прислонившись плечом к косяку, и грязные от пыли струйки пота стекали по его потемневшему лицу. Комсомольцы, не сняв верхней одежды, сидели на койках и недоуменно переглядывались. Синючков, пробыв-

ший на литейном около часу и уже составивший определённое мнение о работоспособности ребят, выжидающе смотрел то на бетонщиков, то на Антона. Ему не хотелось говорить, пока не выскажутся сами комсомольцы. Неужели не разговорятся? Или, может, уже нет у них прежней уверенности в себе и сейчас им всё равно, кто будет впереди? Это казалось Синючкову невыносимым. Сдерживая нетерпение, он ждал.

Комсомольцы молчали.

— Ну, кто скажет? — Антон прошёл к столу и продолжал: — Дело серьёзное, друзья. Наша бригада в числе отстающих, понимаете? Давайте разберёмся, что нам мешает.

— А, по-моему, это уж слишком! — выпалил Хомяков, исподлобья взглянув на комсорга. Отстающими нас считают, а мы отдавали работе все силы. Я не согласен.

— Выходит, не всё отдавали, раз отстали от других, чего уж там, — махнул рукой Фёдоров. — Да и отдавать тоже можно по-разному. Важно, чтобы толк был.

— Ни черта не понимаю! — пожал плечами Говорков и даже хотел сплунуть с досады, но во-время удержался. — Я думал, выйдет не меньше ста тридцати замесов, а оказалось сто двенадцать. Ведь работали-то мы уж никак не хуже других!

— Завтра мы всё равно обгоним девчат, дадим не менее полутора замесов, — решительно произнёс Костя Подольский. — Верно, Чечулин?

Чечулин тотчас повернулся к Подольскому и заговорил неспеша.

— Можно дать и больше, Костя. Работать мы уже не хуже других, пожалуй, умеем, да этого ещё недостаточно. Коновалов на месте стоять не будет, Мельникова тоже, ну, а мы — тем более. Чего нам нехватает? Надо заранее готовить себе фронт работ, предусматривать возможные неполадки, обеспечить площадку материалами. Вопрос о замене катальных путей поставим перед прорабом сегодня же. И ещё кое-что предложим. В конце смены у нас были перебои с водой, в других сменах бывало то же с энергией. Транспорт и карьеры также зачастую подводят бетонщиков. Нужен наш комсомольский контроль на всех точках, так или иначе связанных с бетоном.

— Правильно, — живо отозвался Синючков. — На это дело мы мобилизуем всю организацию. Хорошее предложение, Виктор.

— И ещё... — Чечулин обвёл взглядом притихших ребят и остановился на Зайцеве. — Нам надо учиться. Технику мы ещё как следует не знаем. Механизмы используем не полностью. Скажи-ка, Зайцев, от чего зависит производительность бетономешалки?

Зайцев, как на уроке, поспешно поднялся, шмыгнул носом и бойко ответил:

— От совмещения отдельных операций, например, загрузки ковша и перемешивания раствора в барабане. Ну, и, конечно, от времени перемешивания.

— А у тебя как было?

— Так и было, Виктор, ты же видел. Что, я первый день работаю, что ли? — обиженно сказал Зайцев, кося одним глазом на Синюčkova.

— Не совсем так, Федя, — вмешался Фёдоров. — Бывало, барабан у тебя крутится, а мы ковша ждём. Я ещё тогда хотел тебе об этом сказать, да постеснялся...

— Верно, — подхватил Яшка и подшёл к Зайцеву вплотную. — Ты мне вот что скажи: время для перемешивания тебе кто установил, а? Можешь ты его сократить или нет?

— Я-то могу, — усмехнулся Зайцев, — а за качество бетона кто будет отвечать? Ты, что ли?

— За качество пусть прораб отвечает, — не задумываясь, сказал Яшка. — Это их дело — за качеством смотреть. Моё дело — темпы.

— Ну, это ты зря, Яков, — сдвигая чёрные брови, возразил Фёдоров. — Какой же ты строитель, ежели тебя качество не интересует? Нет уж, строить, так строить. Чтобы после нас этот литейный пятьсот лет стоял и не пошатнулся, понял?

— А ну тебя! — отмахнулся Яшка. — Что ты к каждому слову придираешься? Я что предлагаю? Пусть инженеры произведут опыт — можно перемешивание сократить или нет. Может, качество и не пострадает вовсе, а выработка увеличится вдвое. В крайнем случае, можно цемента побольше прибавлять, а если песок или гравий плохой — другие сорта поискать, понимаешь?

— Это мы выясним, товарищи, — сказал Чечулин. — Я тоже об этом думал... Словом, так и заявим начальнику участка: тридцать замесов в час — вот что нам нужно.

— Тридцать — это как минимум, — уточнил Яшка.

— А не много будет? — угрюмо спросил Хомяков.

— Смотря для кого, — язвительно заметил Яшка. — Для тебя, пожалуй, многовато, верно.

— Помолчи, балабан, — не найдя более веского выражения, огрызнулся Хомяков.

Ребята засмеялись. Рассмеялся и Яшка, хотя ему не терпелось ответить Хомякову тем же. Но тут заговорил комсорг, и Говоркову пришлось молча проглотить обиду. «Ну, подожди, рыжий чорт, я тебя ещё не так поддену», — подумал он и нарочно сел рядом с Хомяковым, как бы давая понять, что разговор не окончен.

Синючков, довольный наступившим оживлением, а главное тем, что ребята отнюдь не признали себя побеждёнными, весело сказал:

— Моё мнение, товарищи, такое: в отстающих вы долго не пробудете. Имейте в виду, ваше письмо всколыхнуло людей, теперь оно обсуждается всюду, и многие уже дали слово не уступать первенства бетонщикам. К примеру, есть у нас одна комсомолка, Клава Семейкина, может, слышали? Она каменщик, жилые дома строит. Так вот, сегодня эта самая Клава уложила за смену без малого пять тысяч кирпичей, и это, учтите, ещё до того, как я сообщил ей о вашем обязательстве. Ну, а какие у неё показатели будут завтра — сами можете догадаться...

— Интересно, — привстав, спросил Говорков. — Значит, доказать нам хочет, да?

— Выходит, так, — улыбнулся Синючков. — А посмотрел бы ты на неё — ну, совсем нежное создание. Куда ей по силе с вами равняться!

— Слышал, Хомяков? Пять тысяч! А ты тридцати замесов в час боишься, чужак.

Хомяков, усмехнувшись, промолчал. А Яшка внезапно подошёл к Бескурову, горделиво и вместе с тем встревоженно шепнул:

— Видел, какие дела? Вот тебе и нежное создание. А я-то думал...

Но что именно он думал — Яшка так и не объяснил. Антон понял лишь, что Говоркову и приятно было услышать об успехе Клавы, и в то же время совестно перед ней за собственную сегодняшнюю неудачу. Антон и сам переживал нечто подобное: ему и обидно было, что не удалось обогнать Мельникову, и радостно от мысли, что он легко выдержал первое испытание на работоспособность, которого, признаться, побаивался. Боли в ноге он не чувствовал никакой, и если бы потребовалось вот сейчас, сию минуту, снова пойти на литейный, Антон стал бы работать с прежним воодушевлением. Да, день прошёл не даром, это главное. Обидно, конечно, что бригада отстала от других (Антон вспомнил, как твёрдо он был уверен в успехе вчера, и ему стало ещё обиднее), но уж завтра этого не повторится. Сначала девушки, потом Коновалов, затем Клава,—что и говорить, не лёгкое дело к первенству. И всё-таки первенство они завоюют, в этом Антон не сомневался. Почему, в сущности, он придавал такое решающее значение удачному старту? Рассчитывал сразу обогнать девчат? Нет, суть не в этом. Просто он опасался в душе, что первая неудача надолго расхолодит ребят, повлияет на их настроение. Теперь от этих опасений не осталось и следа. Вот поэтому-то после разговора с ребятами Антон без колебаний поверил в завтрашний успех бригады...

... По дороге в столовую, намеренно отстав от остальных, Фёдоров вполголоса говорил Синючкову:

— Всё-таки, Вася, я считаю неправильным, что нас занесли в отстающие. В бригаде половина новичков, они, может, о бетоне до этого и не слыхали, и их в первый же день — в отстающие. Обидеться же могут люди, понимаешь, тем более, что и работали все на совесть. Вот, Зайцева я бы занёс, чтобы впредь не зевал, а остальным не портил бы настроения, честное слово.

— Гм... У кого же, интересно, настроение испортилось? Не у тебя ли, случайно? — И Синючков, сохраняя на румянном лице невозмутимую деловитость, сбоку посматривая на Фёдорова.

— Нет, я серьёзно говорю...

— А я смеюсь разве?.. Настроение у людей самое боевое, зря ты за других беспокоишься. Обижаться тут нечего, это же не личное дело, а общее. Тут комсомольская честь затрагивается, а не самолюбие одиночек.

И ребята, по-моему, это вполне поняли. Мельникова вон тоже одно время была в отстающих, однако не обижалась.

— Опять Мельникова!—поморщился Фёдоров.—Она и сейчас недалеко от нас ушла.

— Верно, недалеко. Но она упорно наращивает темпы. У неё срывов не будет, я уверен. У девушек тоже есть чему поучиться, среди них замечательные новаторы имеются. Такие, например, как Клава Семейкина. То-то!

11.

По воскресеньям в клубе обычно устраивались молодёжные вечера—с выступлениями самодельных кружков, танцами и играми. Как правило, эти вечера, по инициативе комсомольского комитета, начинались лекцией или беседой на самые животрепещущие темы: о международном положении, о дружбе и товариществе, о любимых молодёжью книгах. Нередко в клубе выступали артисты городского театра, ставили спектакли и свои драмкружковцы. Потому ли, что программы вечеров были очень интересны, или потому, что клуб был недавно выстроен самой молодёжью и одним из первых зданий вырос на пустыре,— в нём всегда было много публики. Здесь можно было не только отдохнуть и развлечься, но и поговорить с друзьями о работе, поделиться опытом, узнать последние новости, познакомиться с книжными новинками, а то и просто посидеть в уютном кресле и помечтать.

В это воскресенье должен был состояться концерт приезжих артистов, и Белимов, не чувствуя себя ответственным за его успех, решил зайти за Мельниковой. Тем более, что они не виделись всю неделю и неизвестно было, придёт ли Зоя в клуб. Обычно все вечера Борис бывал занят, но сегодня он имел полное право распорядиться оставшимся до концерта временем. В шесть часов он сел в автобус и минут через десять прибыл в город.

Поднимаясь по лестнице, Белимов тщательно осмотрел свой костюм, смахнул с плеч невидимые пылинки, поправил двумя пальцами галстук и только после этого постучал в дверь. Зоя была дома и, к удивлению Бо-

риса, охотно согласилась пойти с ним. Удивился же Борис потому, что до сих пор ему редко удавалось побыть с Зоей наедине,—всегда она брала с собой Клаву. Вероятно, и сейчас она не забудет позвать подругу, а между тем как было бы чудесно пройти до клуба вдвоём! Однако высказать своё желание Борис не посмел. Он знал заранее, что ответила бы на это Зоя: «Глупости! Втроём гораздо веселее!».

Но сегодня Зоя не зашла к Клаве. Отвечая на немой вопрос Бориса, она загадочно улыбнулась:

— Клаву теперь с огнём не найдёшь. Как бы на концерт не опоздала.

— А, понимаю, — воскликнул Борис, не скрывая своей радости. — Говорков виноват?

— Вот именно, — кивнула Зоя. — Явился часа два тому назад, походил под окнами, и Клава исчезла. Даже меня ни о чём не предупредила... Пешком пойдём?

— Конечно. До концерта ещё долго, да и автобуса всё равно нет.

Они вышли на набережную и молча зашагали по самому берегу. С реки дул порывистый ветер, вода шумно плескалась о камни, обсохшие после майской жары. Здесь река делала крутой изгиб, и набережная со своими крутыми, причудливо изрезанными, словно после обвала, спусками и множеством старых ветвистых тополей, с серебряными от заката солнца листьями, выглядела особенно живописной. Отсюда ещё не было видно завода, но машины, то и дело обгонявшие прохожих, скрежет лебёдок над берегом, штабели леса по обочинам указывали на близость стройки. И действительно, стоило лишь миновать последние городские дома, как впереди открывался вид на гору Белую, а справа от неё — на огромную строительную площадку с ровной шеренгой уже готовых зданий.

Белимов долго не знал, как начать разговор, к которому он много раз готовился и всё откладывал, выжидая удобного момента. Сейчас, казалось, этот момент наступил, но, странно, упоминание о Говоркове почему-то смутило его. Борис вспомнил, что Зоя ещё до приезда Яшки не однажды заводила разговор о нём и о Бескурове, но тогда Белимов не придавал этому никакого значения, ибо ещё в школе слышал и воспринимал эти имена, как нечто одно целое и до него не касавшееся.

Говорков и Бескуров всегда были вместе. Просто Зоя, наверно, читала у Клавы Яшкины письма, а в них он, разумеется, писал и о своём приятеле Бескурове. Когда-то она даже дружила с Антоном, но это было давно и вряд ли не забылось. Иначе Зоя прямо сказала бы об этом Борису, и уж во всяком случае это выявилось бы с очевидностью на первом вечере у Клавы. Однако Борис ничего такого в тот раз не заметил. Ему даже и в голову не пришло хотя бы мельком понаблюдать за ними. Мало ли у Зои было друзей в школе? Сомнения появились только теперь, в связи с Говорковым. Борис и сам не знал, почему, вспоминая о Говоркове, он как-то незаметно для себя стал думать о Бескурове, но отвязаться от своих мыслей уже не мог. И когда заговорил — начал совсем не так, как предполагал начать ранее.

— По-твоему, у них это вполне серьёзно?

— У кого — у них? — не поняла Зоя.

— Ну, у Клавы с Говорковым...

— А почему нет? По письмам они знают друг друга давно, да и в школе немного были знакомы. Не думаю, чтобы Клава могла ошибиться.

— Посмотрим, — усмехнулся Белимов. — На мой взгляд, Яшка нисколько не изменился. Такой же легкомысленный, как и раньше, ничего самостоятельного. Боюсь, Клава скоро разочаруется в нём... По сути, он и на литейный пошёл только потому, что привык всюду следовать за Бескуровым.

— А разве это плохо? — сощурилась Зоя, уловив в голосе Белимова нотку раздражения. — Бескуров показал хороший пример, Говорков ему последовал. Что же тут легкомысленного? Ведь работают-то они оба прекрасно.

— Это лишь в первые дни. Долго они на стройке не пробудут. — Белимов старался говорить спокойно, хотя мысль о том, что он говорит не то, всё более раздражала его.

— А их обязательство ты читал?

— Читал. Красиво написано. А результаты?

— Будут и результаты, Борис. Нас они уже обогнали, догонят и Коновалова. Нет, Говорков ныне не тот, каким был раньше, я уже чувствую. И Бескуров не тот, как, по-твоему?

Белимов нахмурился. Очевидно, Зоя сама не была уверена, что Бескуров стал другим, иначе не стала бы спрашивать об этом Бориса. Вместе с тем Борис понял, что её интересует, а может быть и волнует этот вопрос, хотя внешне Зоя ничем не выразила своего волнения.

— Тебе лучше знать. Ты ведь, кажется, дружила с ним когда-то, — уже не скрывая иронии, ответил Борис.

Зоя искоса взглянула на его свежее, обычно самоуверенное и несколько замкнутое, а сейчас просто обиженное лицо и не сказала ни слова. Борису, видимо, неприятен этот разговор, — зачем же он начал его? Собственно, что тут обидного? Да, она дружила когда-то с Бескуровым. В то время Зоя не задумывалась над тем, какие чувства их связывали, однако хорошо помнила, что ей нравилось быть с ним, а главное — всегда ощущать его по-мальчишески грубоватое, но ненавязчивое покровительство. Постепенно она привыкла к нему, до мелочей изучила его характер и в общем была уверена, что Антон, несмотря на свою тогдашнюю беззаботность, будет надёжным товарищем и в будущем (они мечтали поступить в один институт). И вдруг эта ссора. Даже не ссора, а какое-то недоразумение. Антон отставал по математике, и многие опасались, что он провалится на экзаменах. На классном собрании Зоя официально предложила ему свою помощь, — и он отказался. «Сам справлюсь», — заявил Антон и вышел из класса, даже не взглянув на Зою. Зоя почувствовала себя оскорблённой до глубины души, и дружба разладилась. Потом началась война. К тому времени обида Зои сгладилась и если бы Антон написал ей с фронта хотя бы одно письмо, она ответила бы ему попрежнему искренне и дружелюбно. Но он не написал. Вспоминал ли он когда-нибудь о ней? Очевидно, нет, если за шесть лет у него ни разу не появилось желания ей написать. И всё-таки, вновь увидев его, Зоя не могла не пожалеть, что встреча у них получилась такой холодной. Тогда, у Клавы, он даже избегал смотреть на неё, как будто они не были никогда знакомы. А Зою уже в первую минуту заинтересовал вопрос: каким он теперь стал? Внешне Антон изменился сильно, но таким ли уж строгим и сдержанным он стал на самом деле? Ведь Зоя помнила его совсем иным...

А вот Белимов и в школе был таким же самоуверенным, чистеньким, исполнительным и в общем не похожим на остальных ребят. Если про Бескурова в то время трудно было сказать, что из него выйдет в дальнейшем, да и сам он, кажется, редко задумывался над этим, то Борис уже тогда знал, на что он способен и кем будет. Только этим и можно было объяснить его самоуверенность и снисходительное отношение к товарищам, которые, с своей стороны, относились к Борису безразлично и, пожалуй, единственно, в чём ему подражали, — да и то далеко не все — это в модных причёсках. Потом и это прошло. Борис очутился как бы в незримом, но ощутительном одиночестве, так и не сумев с кем-либо подружиться по-настоящему. Да вряд ли он и тяготился этим когда-нибудь.

Зоя встретила с ним год назад, после возвращения из армии, и вскоре убедилась, что он не изменил своих привычек. Но теперь эти привычки не казались Зое столь вызывающими, а главное — они не мешали ему стать нужным, в некоторых случаях незаменимым клубным работником, по крайней мере, он сумел многим внушить о себе такое мнение. Работал Белимов добросовестно, но никогда не делал, как он выражался, «ничего лишнего», то-есть того, что выходило за рамки его прямых обязанностей. Когда, случалось, сами комсомольцы указывали Борису, что неплохо бы организовать ещё то-то и то-то, он неизменно отвечал:

— Обращайтесь в комитет, а я такого задания не получал.

А если парторг или Синючков почему-либо забывали вынести ему благодарность за выполненное поручение, Борис как-то сразу ко всему остывал, делал кислое лицо и огорчённо говорил:

— Зря старался, всё равно не оценили.

Зоя это неприятно поразило, и она как-то спросила:

— Выходит, ты работаешь не ради дела, а ради похвалы? А народ, который приходит в клуб на концерт или лекцию, тебя не интересуется?

— Нет, почему же? — смутился Борис. — Но, знаешь, я люблю, чтобы начальство тоже видело мою работу.

— Ну, ещё бы! — насмешливо проговорила Зоя. — Поэтому-то нам и приходится каждое мероприятие проводить через комитет или партбюро. Теперь я понимаю.

Борис отделался тогда шуткой, однако Зоя не забыла этого разговора. Сейчас она снова вспомнила о нём и вспомнила ещё, как недавно Борис нечаянно проронил насчёт стройки:

— Конечно, завод нужен, не было бы завода, не было бы и клуба, и кто знает, чем бы я занимался ныне. Сидел бы, наверное, в музее, и показывал бы экскурсантам старинную утварь. Я ведь и раньше любил историю...

Он, правда, высказал это в шутливом тоне, но Зоя видела, что о старинной утвари Борис думает без малейшей иронии и действительно пошёл бы скорее в музей, чем рядовым рабочим на стройку. Он открыто не одобрял поспешность, с которой Зоя согласилась пойти на стройку, а когда её поступок был одобрен райкомом комсомола, сказал сочувственно:

— Конечно, это временно. У тебя есть способности на большее, поверь мне. Здесь ты всё равно не сумеешь проявить себя...

Зоя тоже считала, что она способна на большее. А вот проявить себя до сих пор ещё как следует не сумела. Виновата в этом не специальность, которую Зоя добровольно избрала, а то, что она всё ещё не овладела ею как следует. Борис этого не хочет понять и вряд ли когда поймёт, а вот Бескуров вчера прямо сказал Зое об этом. Правда, Антон тут же добавил, что и он ещё новичок в бетонном деле, однако общими усилиями они наверняка сдадут литейный под монтаж раньше срока. Вчера бригада Чечулина выдала сто тридцать четыре замеса—на восемь больше, чем девушки, но, странно, это не только не огорчило Зою, а даже обрадовало. Собственно, странного в её удовлетворённости первыми успехами ребят ничего не было: ещё в ту минуту, когда Зоя прочитала обязательство чечулинцев, у неё возникло беспокойство за них—не осрамились бы... А когда вчера Антон, сдав смену, подошёл к ней и с явным смущением сообщил результат, Зоя невольно подумала: «Ну, вот, теперь он за нас беспокоится: как бы не отстали». Жаль, Говоркова тут не оказалось, уж он бы торжествовал!

Они разговаривали почти на ходу, не больше двух минут, но Зоя долго ещё помнила каждое слово Ан-

тона и его лицо, светившееся сдержанной радостью, и ей не верилось — тот ли Антон, который когда-то в ответ на предложенную помощь зло обрезал: «Сам справлюсь...».

Что ж, может быть, и прав Белимов, сказав, что ей лучше знать, стал ли Антон другим. За эти дни Зоя действительно кое-что успела узнать о нём, но она не спешила с выводами. Им ещё предстоит заново познакомиться, и ещё неизвестно, скоро ли это произойдёт.

Белимов и Зоя, миновав последние домики набережной, пошли по узкой тропинке, проложенной среди кустарника. Зоя, взглянув на ручные часы, сказала:

— Ты заметил, Борис, как много приходит в наш клуб молодёжи из города?

— Да. Ну и что же? — приподняв тонкие подбритые брови, спросил Белимов.

— Почему бы нам не устроить встречу наших стажёров с молодыми рабочими других предприятий? Честное слово, это было бы очень интересно, а главное — полезно. А то ведь, знаешь, многие из городских не представляют точно нашей работы.

Не замедляя шага, Борис холодно произнёс:

— Пожалуйста, дело ваше. Но я был сегодня в комитете, там речи об этом не было. Парторг, помнится, также не давал мне задания подготовиться к такой встрече.

— И профком тоже? — насмешливо спросила Зоя.

— Да, и профком, — упрямо подтвердил Борис.

— Ну, а где же тогда наша инициатива, Борис? Я думала, ты всё-таки умеешь смотреть вперёд, хотя бы только в своём деле. А ты даже не знаешь, чем живёт молодёжь, что нужно ей, что её интересует. Прикажут — сделаю, не прикажут — мне наплевать, вот как у тебя получается. Ладно, мы организуем эту встречу без твоей помощи.

— Кто — мы? — усмехнувшись, спросил он.

— Мы, комитет. Парторг нас поддержит. Пригласим учащихся, интеллигенцию, передовых рабочих. Пусть они расскажут о своей работе, а мы — о своей. Чудесный получится вечер, вот увидишь.

— Допустим. А кто будет выступать? Уж не бетонщики ли?

— Клава, например, первая выступит, ей есть о чём рассказать. Да и бетонщики не откажутся.

— Хорошо, — неожиданно согласился Борис. — Давай кончим об этом, Зоя... — Он зачем-то оглянулся по сторонам и, видимо, решившись, сказал: — Ты знаешь, многие считают нас друзьями и даже больше, чем друзьями. Ну, ты понимаешь, что я хочу сказать... А между тем мы ни разу не поговорили о себе, и я до сих пор не знаю, как ты расцениваешь наши отношения?

Зоя с досадой посмотрела на Белимова, но, поняв, что он давно надумал и не мог решиться задать этот вопрос, невольно улыбнулась. Лицо Бориса было серьёзно и, как всегда, замкнуто, лишь в глазах светились тревога и нетерпеливое ожидание. Зоя не умела притворяться. Белимов это знал и всё-таки решился спросить. Разве не ясно, что их отношения никогда не станут более близкими, чем они были до сих пор?

Помолчав, она сказала:

— Мы с тобой дружим давно. Знаем друг друга, пожалуй, достаточно. Будем дружить и критиковать друг друга попрежнему, а уж как там люди расценят наши отношения — это их дело.

— Понятно. Жалею, что не спросил об этом раньше. Мне казалось, ну, да всё равно... Спасибо за откровенность. Впредь навязываться, конечно, не буду. А дружить — нет, так дружить я не смогу.

Зоя не видела его лица. Но голос Белимова звучал сухо и непривычно глуховато, как будто Борис нарочно сдерживал его.

Зоя негромко произнесла:

— Очень жаль, Борис. Я всё-таки надеялась, что ты поймёшь меня правильно...

12.

Говорков с Клавой, оказывается, уже были в клубе. Они сидели рядом на освещённом балконе и оживлённо о чём-то разговаривали. Зое даже показалось, что они попросту спорили, но она не захотела им мешать и прошла мимо незамеченной. Борис остался где-то внизу — распорядиться насчёт концерта. Он, правда, попросил

Зоя приберечь для него место, однако Зоя была уверена, что Борис не придёт. Она села на свободный стул и, положив локти на барьер, стала смотреть в партер, уже наполовину заполненный публикой. Было много знакомых, но не так-то легко оказалось узнать в этой празднично-разодетой толпе тех, с кем Зоя работала вчера в пропыленной спецовке. Возможно, она не сразу узнала бы и чечулинцев, если бы они вошли в зал поодиночке, но бетонщики явились дружной, шумливой компанией, и их нельзя было не заметить. Почти все, как по уговору, в новеньких костюмах, причёски — волосок к волоску, на лицах — чинно-скромное выражение, и только в глазах — прежние задорные огоньки, словно ребята всё ещё переживали успех, которого добились вчера. Даже Чечулин, обычно озабоченный и скучноватый, сейчас был весел и оживлён и что-то с улыбкой говорил Бескурову, посматривая на девушек, сидевших впереди.

Зоя заметила ещё, что Антон плохо слушал бригадира и рассеянно оглядывался по сторонам, кого-то, повидимому, ища. Но вот его взгляд остановился на ней, и Зоя смущённо улыбнулась. Антон приветливо махнул ей рукой, сказал что-то Чечулину, затем поднялся с места и направился прямо на балкон.

— Добрый вечер, Зоя, — сказал он негромко, останавливаясь позади неё. — Этот стул свободен?

— Да. Белимов, правда, обещал прийти...

— Тогда я достану другой стул, — перебил Антон.

— Зачем? Борис, наверное, не придёт, а если и придёт — поместимся как-нибудь. Садись, пожалуйста.

— Ну, уж ежели я буду тут сидеть, Белимов, наверное, не придёт, — улыбнулся Антон, однако лёгкая тень недовольства пробежала по его лицу.

Зоя кивнула на партер и, коснувшись рукой его руки, сказала:

— Смотри-ка, ваши уже интересуются, как ты тут устроился.

— Опасаются, как бы кто не обидел, — опять улыбнулся Антон.

— Поэтому вы и пришли сюда всей бригадой?

— Поэтому... Вот только Яшка куда-то запропастился, боюсь, как бы парень совсем не отбился от рук.

— Об этом не беспокойся. У Клавы руки крепкие, — уверила его Зоя.

— Да, я тоже так думаю, — серьёзно сказал Антон. — Если начистоту говорить, я ему просто завидую.

— В самом деле? Почему?

— Да так, знаешь... Характер у него хороший, — шутливо ответил Антон, хотя глаза его смотрели на Зою задумчиво и пытливо; она невольно отвернулась. — Вообще-то, конечно, какая тут может быть зависть. Просто я очень рад, что Яшка сумел найти общий язык с Клавой, и теперь у него есть всё, о чём он мечтал, — интересная работа, любимая девушка, определённые планы на будущее.

— А разве у тебя этих планов нет? — удивилась Зоя.

— Есть, конечно. Помнишь, как мы мечтали поступить в один институт? Ну, вот... Да, я слышал, ты уже окончила в этом году девятый класс, значит, уедешь раньше, чем я.

— Пока не построим завод, я никуда не поеду. Буду учиться и работать здесь, — сказала Зоя и, подумав, добавила: — Уверена, что через год-два вообще ехать никуда не потребуется: у нас будет свой институт, Антон. Строительный техникум уже есть, ремесленное училище — тоже, будет и институт.

— Это было бы здорово! — повеселев, воскликнул Антон и даже стукнул кулаком по барьеру. — Значит, всё-таки мы поступим в один институт, Зоя?

Она видела, что он, скрывая смущение, старается вести разговор в шутливом тоне, но это ему не удалось, и Зоя решила заговорить о другом.

— Как дела с сокращением цикла, Антон? Результатов испытания ещё нет?

— Придётся подождать дня три, — ответил Бескуров, мельком взглянув на неё и перестав улыбаться. — Могу сказать по секрету, наш бетон выдержит экзамен. Прораб в этом не сомневается, а он, сама знаешь, зря обнадёживать не станет. Песок и гравий возят уже с других карьеров, заметила?

Обрадованная, она наклонилась к нему и вполголоса проговорила:

— Скоро бетонщики себя покажут, Антон, правда? Пожалуй, и Клаве за нами не угнаться.

— Трудно сказать. Она ведь тоже изо дня в день совершенствует своё мастерство. Имей в виду: с ускорением темпов нагрузка на каждого члена бригады увеличится. Выдержат твои девчата?

— Будь спокоен. В войну они и не такое выдерживали.

В зале погас свет, открылся занавес. Кругом всё стихло...

13.

После концерта Зоя предложила потанцевать. Словно школьные времена чудесным образом к ней вернулись, и всё вокруг — музыка, смеющиеся лица друзей, общее оживление — было точно таким, как в памятный выпускной вечер. Правда, тогда Антон ещё не танцевал, но был он всегда рядом и, помнится, смешно злился, если Зоя ради вальса покидала его. Он и теперь танцевал неважно, зато весело и с увлечением, не стесняясь своей неумелости. Видя его улыбку, радостью блестящие глаза, Зоя не сомневалась, что Антон в эту минуту счастлив и доволен, хотя прежней беззаботности и не было в его взгляде. Наверно, и ему вспомнились школа и дни, когда на сердце не лежало ни горестей, ни тревоги, а будущее рисовалось в радужных красках. Но Зоя не стала спрашивать, думает ли он о давнем. Стоит ли вообще говорить о прошлом? Ведь у них вся жизнь впереди и какая жизнь!..

За полночь вышли они из клуба. И само собой получилось, что Зоя направилась домой по той же тропинке, по которой шла сюда с Борисом. Антон шёл молча, потом, вспомнив, спросил:

— А как же Белимов? Он не обещал тебя проводить?

— Опять! — с досадой проговорила она, останавливаясь. — И почему именно Белимов? Странные вы люди, Антон. Вот Борис обиделся на меня за то, что я провела вечер с тобой, а если бы я отправилась домой с ним — ты бы обиделся ещё больше. Почему? Как это неприятно.

Она говорила резко, даже зло — точь-в-точь как прежде, выговаривая ему за какую-нибудь шалость. Антон, в первое мгновение донельзя смущённый, вдруг снова повеселел и сказал откровенно:

— Я и сам чувствую, что нехорошо, а всё-таки обиделся бы, верно. Только не потому, что ты пошла бы с Борисом, а потому, что нам о многом надо поговорить, и мне не хотелось бы откладывать разговор.

— Я дружу не с одним Борисом, и вовсе не обязательно, чтобы провожал меня он, — всё ещё сердито говорила Зоя; она весь вечер ждала этого разговора и готовилась к нему, понимая, что рано или поздно объяснение неизбежно.

«Как было бы хорошо, если бы Антон написал мне с фронта!» — с внезапной горечью подумала она, замедляя шаги.

— Расскажи, Зоя, как ты жила эти годы? — спросил Антон, осторожно беря её под руку.

— Но я уже рассказывала тебе, Антон, — улыбнулась она. — Работала... Пришлось отложить учёбу. Была в госпитале сестрой, работала на судоремонтном заводе.

— Я не об этом, — тихо проговорил Бескуров. — Вообще... о чём думала, мечтала, какие радости и горести у тебя были?.. — Он умолк, почувствовав неловкость своих вопросов.

— Ты смешной, Антон, — с упрёком произнесла Зоя. — Разве можно на это ответить двумя словами?.. И так сразу? Почему ты не спросил об этом, когда был на фронте? Тогда мне было бы легче рассказывать.

— Я боялся, что ты не ответишь на моё письмо. В тот раз, перед экзаменами, я вёл себя глупо. По-мальчишески глупо, теперь я понимаю. — Лёгкий румянец выступил на его нахмуренном лице, и он снова замолчал.

— А мне кажется, Антон, что ты не писал из-за ложного самолюбия. Ждал, что я напишу первая, и я бы, может, написала, будь я уверена, что ты иногда вспоминал о прежнем. Знаешь, мы, бывало, собирались с девчатами и начнём всех знакомых ребят, которые на фронте были, вспоминать. И всё только хорошее вспоминалось, плохое как-то забылось.

— И я... И мы тоже, — обрадованно заговорил Антон. — Хотя ребята со мной из разных мест были, но мы отлично понимали друг друга. Это, наверно, потому, что у каждого раньше было что-то похожее — школа, комсомол, первая любовь...

— Ну, любовь, положим, была не у каждого, — возразила Зоя с едва заметной усмешкой. — У иных — просто юношеские увлечения.

— Почему так думаешь? — настороженно спросил Бескуров. — А хотя бы и так. Что ж из того? Я считаю, что юношеские увлечения — самые чистые и искренние. Это и есть первая любовь. Другое дело, если мы иногда сами не сознавали, насколько эти увлечения серьёзны, и оттого, может быть, делали ошибки.

Зоя удивлённо взглянула в его обычно бледное, а сейчас разгорячившееся и оживлённое лицо. Нет, раньше он так не волновался. И уж, конечно, никогда не разговаривал таким тоном.

— Да, увлечения тоже бывают разные, — задумчиво сказала она, помолчав. — Случается и не поймёшь сразу, что это — просто увлечение или верность на всю жизнь. Война многим помогла разобраться в своих чувствах и по-настоящему проверить себя. Но всё-таки, Антон, — она опустила глаза, — как жаль, что ты ни разу не написал мне с фронта.

— Но ведь мы всё-таки встретились! — вырвалось у него.

— Да, встретились, — улыбнулась Зоя. — А могли бы и не встретиться... Вот если бы ты не пришёл на стройку, мы, пожалуй, и потеряли бы друг друга из виду.

— Да, но я не мог не придти на стройку, — убеждённо сказал Антон. — Я ещё в госпитале мечтал о настоящей работе. Мне и тогда совестно было, что я бездельничаю. А сейчас у меня такое впечатление, будто я снова на переднем крае, снова в строю, только в руках у меня не винтовка, а другое оружие. Нет, Зоя, мы не могли не встретиться. Ведь мы не только знали друг друга, но и вместе учили уроки.

— Только не математику! — рассмеялась она. — Ты учил её с Чечулиным.

— Но это было давно, Зоя, — произнёс он. — Стоит ли вспоминать об этом...

Кустарник кончился, впереди, освещённый огнями, был виден город.

Они шли по широкой набережной навстречу этим ярким огням и думали об одном и том же. Наступившее молчание несколько не тяготило их.

В последние дни Антон редко виделся с братом. Лишь по утрам они отправлялись из дому вместе. Арсений обычно делился новостями из жизни училища, а Антон рассказывал о делах на стройке. Однажды Арсений простодушно спросил:

— Вот ты говоришь, что вы здорово работаете, а почему же в таком случае нет твоей фотографии на городской Доске почёта.

— Так у нас же бригада, — несколько смутившись, ответил Антон. — Возьмём первенство, тогда и фотографии будут. У нас, Арсен, многие здорово работают, а на Доску почёта попадают только лучшие из лучших.

— Значит, не всё ещё из техники выжимаете, — авторитетно заявил Арсений. — А я вчера выточил одну деталь на полчаса раньше срока и русский язык сдал на «отлично».

— Ну, мы тоже не отстаём. Полтора ста замесов — это, знаешь, всё-таки достижение. Вот перейдём скоро на скоростной цикл, наверняка больше двухсот дадим.

— А алгебру ты всю повторил?

— Алгебру ещё не успел, — признался Антон.

— То-то! Гляди, провалишь экзамены, не бывать тебе в вечерней школе, не примут, даром что стахановец. А то посадят опять в восьмой класс, будешь повторять одно и то же.

— Не посадят, не беспокойся. А насчёт Доски почёта советую заглянуть через недельку. Чечулина ты знаешь?

— Приходил как-то к нам, про тебя спрашивал. Серьёзный такой, да?

— Вот-вот. Через недельку наверняка его фотография там будет. Он у нас бригадиром.

— Да уж поглядим, конечно, — усмехнулся Арсений.

Теперь не только Бескурову нехватало времени. Ребята работали и учились, и как-то само собой вышло, что даже те, у кого был близко свой дом, вскоре тоже поселились в общежитии.

Антон перенёс сюда свои учебники и занимался здесь, чтобы не тратить времени на ходьбу. В вечернюю школу готовились многие, и часто комната бетонщиков превращалась в настоящий класс, где люди переговаривались

шёпотом и ходили на цыпочках. Только в дни техучёбы неизменно разгорались громкие споры, и тогда, конечно, ни о каких других занятиях не могло быть и речи. Оживлённый разговор, насыщенный техническими терминами, затягивался обыкновенно за полночь, и даже после того, как Антон гасил свет, отдельные голоса утихали не сразу.

Дела в бригаде в общем шли неплохо. Правда, Коновалова обогнать пока не удавалось, но выработка заметно росла от смены к смене. В первый же день работы при скоростном цикле комсомольцы выдали сто восемьдесят замесов. Коновалов — двести три, Мельникова — сто семьдесят. Ясно, теперь и эти результаты удовлетворить никого не могли. Кроме того, ребят задевало и другое: Клава Семейкина попрежнему держала первенство и не думала его уступать. Её успехи каждодневно напоминали бетонщикам о их обязательстве — повести за собой всех строителей, и поэтому-то всё чаще разгорались в общежитии споры о том, как лучше и быстрее выполнить своё обещание. Чтобы догнать Клаву, требовалось по меньшей мере удвоить темпы, то-есть так организовать производственный процесс, чтобы ни одна минута не пропадала впустую. Кажется, не только отдельная операция, но и каждое движение любого рабочего, — вплоть до подсобников, ссыпавших песок и гравий в специальные штабели, — было учтено и разобрано, не говоря уже о машине. Тут же вносились предложения, но, разумеется, принимались далеко не все. Ребята горячо спорили, приводили выдержки из технических книг, сравнивали методы и приёмы других бригад, припоминали советы инженеров. Антон, примолкнув на мгновение, восхищённо думал: «Послушал бы кто наш разговор, ни за что бы не догадался, что на стройке мы всего две недели. Вот что значит — интересное дело. Нет, даже и не в этом суть. Наше дело. Наш завод!».

Антон верил в своих комсомольцев, как в самого себя. Но вместе с тем он заметил, что резкое повышение темпов, особенно в последние дни, по-разному сказывалось на людях. Кое-кто начинал отставать, хотя ни разу не пожаловался на усталость, понимая, что во всяком деле бывает переломный момент, после которого человек окончательно втягивается в работу и выполняет её в любом темпе без излишнего напряжения.

До сих пор не жаловался и Хомяков, несмотря на заметную в нём перемену. Этот здоровый и некогда по-своему жизнерадостный увалень в последние дни как-то сразу весь обмяк и даже с Говорковым уже не спорил, равнодушно снося его шутки. Удручающая вялость сквозила в каждом его движении. Глядя на Хомякова, когда тот, спотыкаясь, шёл с тачкой, Яшка плевался и язвительно кидал: «Эй, потише, а то задавишь!..». А отъезжая, укоризненно добавлял: «Как на похоронах, ей-богу».

Сначала на Хомякова втихомолку злились, потом подшучивали, а когда и это не помогло, махнули на него рукой. Считали, что один человек всё равно погоды не сделает, а Бескуров, кроме того, был уверен, что Хомяков сам понемногу подтянется, захваченный общим в бригаде подъёмом. Вскоре, однако, Антон почувствовал неизбежность серьёзного с ним объяснения.

Обычно, придя с работы, Хомяков тогчас заваливался на койку, лицом к стене, и в спорах участия не принимал, хотя прислушивался к ним внимательно. На вопросы, которыми особенно донимал его Говорков, отвечал с нескрываемым раздражением, а чаще попросту отмалчивался.

Однажды зашёл у ребят разговор о том, что каждый намерен делать по окончании литейного. Бригада только что отужинала. По обыкновению, Чечулин коротко подвёл итоги дня, затем сообщил приятную для всех новость: на литейном уложено пять тысяч кубометров бетона. Осталось ещё столько же. Яшка, мечтательно улыбаясь, сказал:

— Красота! Кончим литейный, а там, глядишь, и учебный год подойдёт. Ты как, Ваня, куда думаешь поступать? Не передумал насчёт авиатехнического? Ну, а я, пожалуй, в библиотечный техникум двинусь. Честное слово! У меня сестрёнка там учится.

— Вот это здорово! — перестав разуваться, засмеялся Фёдоров. — Почему в библиотечный? До сих пор ведь ты мечтал десятилетку кончить и вдруг... Сейчас это придумал?

Говорков и сам не мог бы объяснить, почему он упомянул о библиотечном, не раз до этого вслух мечтал он об аттестате зрелости, об институте, куда собирался ехать вместе с Бескуровым; но, поскольку слово вылетело, он невозмутимо подтвердил:

— Ну да, сейчас. А чем плохо? Чистая работёнка. Всё время с книгами, ума можно набраться — на двоих хватит.

Фёдоров снял сапоги, поставил их под койку. Мельком взглянул на Бескурова (тот, отвернувшись, еле сдерживал смех), раздельно проговорил:

— Не пойму, что ты за человек, Яшка. Чорт с ним, с библиотечным, учишь, где хочешь, не всё ли равно. Но завод-то мы должны построить, или тебе на это наплевать?

— А я что, по-твоему, делаю? — удивлённо вскинул белёсые брови Говорков. — Коровам хвосты кручу, что ли?

— Завод — это не один литейный цех, — с нажимом произнёс Фёдоров.

— Ну, и что же? — с вызовом спросил Яшка, сгоряча не разобравшись, к чему клонит Фёдоров. — Мы взялись досрочно сдать литейный под монтаж, и мы это делаем. А насчёт других цехов нам ещё задания никто не давал.

— Не давал? А ты сам разве не понимаешь, что их тоже надо построить досрочно? — В глазах Фёдорова блеснул злой огонёк.

— Ах ты вон о чём! — смущённо пробормотал Говорков. — Так бы сразу и сказал, а то... смешно прямо. Я же вовсе не собираюсь уходить из бригады после литейного, откуда ты это взял? Да и никто не уйдёт, зря ты агитируешь.

— Ну, а я уйду! — вставая с койки неожиданно заявил Хомяков. — И вообще... я не могу больше. Что хотите делайте, а на работу завтра не выйду.

Все обернулись к нему. Хомяков стоял, опустив руки, с красным, злым лицом, глаза его суетливо бегали. Но, видимо, он и сам испугался сказанного.

— Как это не выйдешь? — негромко спросил Чечулин. — Заболел ты, что ли?

— Может, и заболел, я не знаю, — тихо ответил Хомяков. — Чувствую только, что завтра работать не смогу. Я же физически никогда не работал, а тут...

— А я работал? — резко спросил Яшка, подходя к Хомякову. — На фронте, правда, пришлось. Не так, как здесь, потяжелее. Я наблюдал, как ты работаешь. Не ты везёшь тачку, а она тебя, понял? Сдохнуть можно,

глядя на твою работу. А ты попробуй, возьмишься как следует, сразу повеселеешь. Раскис ты, Хомяков, вот что.

— Не раскис, а тяжело мне с непривычки, — опуская глаза, сказал Хомяков.

— Конечно, будет тяжело, раз ты себе это внушил, — внезапно улыбнулся Чечулин. — А разве Подольскому легче? Или Бескурову, который недавно только из госпиталья? Но они заставили себя преодолеть усталость — и преодолели. Где же твоя сила воли, Хомяков, а?

Хомяков молчал.

— Постой, ты на фронте-то был? — спросил Яшка.

— Немного пришлось. На **Втором Белорусском**.

— Чорт возьми! — изумлённо воскликнул Яшка. — И ты ещё говоришь, что тебе тяжело. А там ты это сказал бы? Конечно, нет! Если бы каждый солдат стал жаловаться, что ему тяжело, я думаю, фаписты давно бы уж сидели на нашей шее. Ну, а если бы здесь все мы завтра не вышли на работу, как, по-твоему, литейный вырос бы сам собой, да? Так в чём же дело? Почему ты стал таким слабым, Хомяков?

Тот хотел что-то сказать, но слова, видно, застряли у него в горле.

— Ты же подписывал обязательство, Хомяков, — сказал Фёдоров. — Значит, хочешь нас подвести? Или, может, тебе дать другую работу, полегче?

— У нас в роте презирали тех, кто за спины других прятался, — заметил Яшка, видимо, начинавший злиться.

— Подождите, ребята, — заговорил Антон. — Хомяков, конечно, за спины других не прятался и не намерен прятаться. Просто он ещё не втянулся в работу, вот и всё. Привыкнет и будет работать не хуже любого из нас. — Он подсел на койку к Хомякову. — Вот что, Сергей. Мы верим, что тебе необходимо отдохнуть. Завтра можешь не выходить, Чечулин это уладит. Справимся и без тебя. Выработку снижать, сам понимаешь, нам нельзя, и мы обязаны справиться. Конечно, нагрузка на каждого увеличится, но это неважно. Отдыхай. Ну, договорились?

Хомяков недоверчиво посмотрел на Бескурова, затем на ребят, обступивших койку. Все они, словно сговорившись, улыбнулись, а Яшка, только что возмущавшийся больше других, дружески подмигивал ему, как бы говоря: «Соглашайся, чего же ты?..». У Хомякова дрогнули зо-

лотисто-рыжие ресницы, но теперь он не опустил глаз. Смущённо теребя пальцами одеяло, негромко сказал:

— Ладно, ребята, бросим это. Обойдусь и без отдыха, коли такое дело... Я не шкурник какой-нибудь, сделаю всё, что могу. Ну и всё...

— Давно бы так! — весело сказал Яшка. — Можешь рассчитывать на меня — подсоблю в случае чего. А то, знаешь, некрасиво получается: не по-комсомольски, правда?..

15.

Дня через два состоялось открытое заседание комсомольского комитета. Присутствовали бригадиры, группорги, прорабы и начальники участков. Одним из первых пришёл парторг Пётр Ефимович Солодовников. Стоя у боковой стены, он пристально разглядывал каждого входившего и, здороваясь, со многими успел переговорить, пока не началось заседание.

Задержав возле себя Бескурова, Пётр Ефимович с лукавой улыбкой спросил:

— Ну, как жизнь, группорг? Хомяков как себя чувствует? Всё ещё собирается уходить из бригады?

— Кажется, нет, — ответил Антон, застигнутый врасплох неожиданным вопросом. «Откуда парторг узнал о Хомякове? Ведь Хомяков просил не рассказывать о том, что произошло. Ему без того стыдно, а теперь, пожалуй, его ещё на комитет вызовут», — подумал он со скрытой досадой.

— «Кажется», — усмехнувшись, повторил Пётр Ефимович. — Ничего себе, определённый ответ... Значит, ты не уверен, что Хомяков останется?

— Да, нет Пётр Ефимович! Конечно, уверен. Он хороший парень, только размяк было немного, а теперь прошло. Сегодня он здорово работал.

— Знаю. А всё-таки не упускайте его из виду. Подбодрите, если нужно. Ругать не надо, раз человек старается. Я с ним вчера беседовал и вот что тебе скажу. Как группорг, ты должен лучше знать своих людей. Ведь если бы вы раньше по душам поговорили с Хомяковым, он бы давно уже выправился, как, по-твоему?

— Да, выправился бы, — сказал Антон.

— Ну, вот. Учти этот случай на будущее. А теперь садем, пора начинать.

О развернувшемся соревновании молодёжных бригад кратко доложил Синючков. Затем открылись прения. Говорили о неполадках, о неиспользуемых механизмах, просили помощи и совета, а под конец каждый из выступавших неизменно называл конкретные цифры своей завтрашней выработки. Видно было, что цифры эти давно обдуманы и взвешены, их произносили твёрдо и подчёркнуто, не торопясь, как произносят клятву.

Зоя, глядя на сидевших в первом ряду Чечулина и Бескурова, сказала, что девушки обязуются давать по двести пятьдесят замесов. Антон несколько опешил. Выходило, что уже не они вызывают на соревнование, а их самих кое-кто намерен вести за собой. Ещё более смущён был Чечулин, и только Яшка, любивший такие собрания, еле сдерживался, чтобы не ответить Зое по существу. Он нетерпеливо толкнул локтем бригадира, и Чечулин, за минуту перед тем также думавший о двухстах пятидесяти замесах, тотчас поднялся и коротко сказал:

— Мы дадим триста.

— Да, триста! — энергично подтвердил Говорков. — Пусть Мельникова поднатужится.

Зоя усмехнулась, однако промолчала. Яшка опасливо посмотрел в сторону Клавы — не смеётся ли? — но та думала о своём и даже не оглянулась. Затем, попросив слова, Клава звонко сказала:

— До сих пор, товарищи, мы давали по две нормы в среднем. Конечно, этого мало. Мало потому, что при поточно-конвейерном способе кладки, на который мы перешли, можно давать в пять—семь раз больше. Вы знаете, что на некоторых стройках лучшие каменщики укладывали за смену до двадцати тысяч кирпичей ежедневно. А что это значит? Это значит, что мы ещё не полностью используем преимущества нового метода, не всегда правильно комплектуем звенья, недостаточно овладели мастерством. Но мы это сделаем, за нами дело не станет. Если нам обеспечат полную механизацию, бесперебойную подачу материалов и раствора, снабдят новейшим инвентарем, то мы обязательно дадим не менее десяти норм.

— Сколько же это выйдет кирпичей, а? — не утерпев, спросил Яшка.

— Да уж побольше, чем у вас замесов, — задорно ответила Клава и поспешно села, словно устыдившись своего звонкого голоса.

— Вот характер! — восхищённо шепнул Яшка Антону. — Давай, Тошка, дадим завтра триста пятьдесят, а? В самом деле?

— Не спеши. Мы уже раз пообещали, а на деле получается, что нас кое-кто за собой тянет, — сказал Антон.

— Зато мы всех расшевелили, — резонно заметил Говорков. — Гляди, что с народом делается.

Пётр Ефимович выступал последним. Говорил он, как всегда, негромко и проникновенно, будто беседовал в узком кругу друзей, и каждому казалось, что парторг обращается именно к нему, а не ко всем вообще.

— Много хорошего и дельного было сказано здесь, товарищи. Ну, мне тоже хочется поделиться с вами своими мыслями. Прежде всего о недостатках. О них говорили почти все, и это очень хорошо. Когда ошибки выявлены, бороться с ними проще. Но вот что я заметил. Все вы убеждены в том, что успех зависит от вас самих, от вашего стремления построить завод досрочно. Правильно. Победу решают люди, мы с вами. Конечно, у нас имеются ещё кое-где неполадки, иногда вам бывает и тяжело. Но, товарищи, разве вы, идя на стройку, искали таких путей, которые протоптанней и легче?.. Не сомневаюсь, что все обязательства, взятые сейчас, будут вами выполнены с честью. Здесь присутствуют непосредственные руководители производства, и, я думаю, они сделают всё зависящее от них, чтобы обеспечить стахановскую работу бригад. И ещё вот на что я хочу обратить ваше внимание. У нас на строительстве далеко не у всех выработалось бережное отношение к материалам, к инструменту, к механизмам. Плохо экономят цемент, кирпич, тот же раствор, который зачастую разбрасывается по подстилкам. А ведь всё это стоит государству больших денег. Вот вчера после одной смены мы с Семейкиной собрали с подмостков раствора на полсотни рублей. Скажите, если бы у вас в кармане было полсотни рублей, вы согласились бы их выбросить? Разумеется, нет. А раствор — это ведь те же трудовые деньги, как и кирпич, цемент, доски, инструменты.

Как же не беречь всё это? Молодёжь должна стать во главе борьбы за социалистическую бережливость. Уверен, что и в этом деле вы также будете впереди. Со своей стороны хочу вас заверить, что партийная организация примет все меры к тому, чтобы отмеченные здесь недостатки были ликвидированы в ближайшие дни. Комитет комсомола также во всём поможет вам. Итак, за работу, товарищи!

Дружные аплодисменты были ответом парттуру.

16.

На другой день Зоя записала в своём дневнике:

«Время летит так быстро, что я не успеваю записать в своём дневнике даже самое важное. Вчера состоялось открытое заседание комитета, и мы взяли на себя новые обязательства. Я бы, может, и не выступила первой, но Чечулин, по-моему, нарочно выжидал, оставляя последнее слово за собой, и я не вытерпела. Теперь посмотрим, кто окажется впереди. В конце концов, и триста замесов для нас не предел, если мы используем все имеющиеся возможности.

После заседания Бескуров и Чечулин тотчас ушли к своим ребятам, а так как большинство моих девчат присутствовало на заседании, то мы обсудили вопрос тут же. В них я уверена, желание работать всё лучше и лучше растёт у бригады день ото дня. Верочка Крапивина, например, сказала так: «Пусть чечулинцы временно обогнали нас. А только всё равно первенства им не видать. Задору, правда, у них много, ну, да и мы тоже не зря комсомольцами называемся...».

Домой я шла берегом. Почему-то вспомнилось детство — как мы любили тогда бывать здесь, за городом, сколько тут было забавных приключений, о чём только не мечталось под неумолчный шум леса. Да что детство! Ведь ещё недавно весь этот берег был сплошь покрыт величавыми соснами, а кустарник подступал к самой воде, и кругом стояла такая тишина, что, бывало, становилось жутко. Теперь всё изменилось. Тишины нет и в помине. Когда-то чистая гладь реки ныне усеяна множеством плывущих брёвен, и грохот лебёдок, выкачивающих лес на сушу, не умолкает даже по ночам. Сос-

новый бор отступил далеко за гору Белую, а вместо дикого кустарника около новых домов высажены цветы.

Да, берег стал другим, и я с трудом припоминаю сейчас, каким он выглядел прежде. Зато хорошо помню, о чём мечталось в те времена, — потому, наверно, что многое из того, о чём мы мечтали, уже осуществилось. Собственно, будущее всегда представлялось мне ясным и беспечальным, и только война заставила по-настоящему познать, что счастье не даётся без борьбы. Были у меня и горе, и минуты отчаяния, и смертельная усталость после работы, но, помню, вера в светлое будущее всегда оставалась неизменной. И я понимаю, что без этой веры я едва ли сумела бы выдержать трудности минувших лет, и знаю, что эта вера была у всех — у Клавы, у Бескурова, у Говоркова. Потому-то мы и победили. И вот, наконец, пришла та пора исполнения желаний, о которой мечтали мы ещё в семилетке. Все дороги в жизнь оказались снова открытыми. Одна из этих дорог привела меня на стройку. Сейчас я даже не представляю, что бы я делала, если бы стройки не было. Ну, училась. Но ведь я учусь и теперь. Пошла бы в институт? Что же, дорога в институт не закрыта передо мной и ныне. А может, поехала бы на другую стройку? Возможно. Ведь это так интересно — строить, создавать новое, необходимое всем.

Не знаю, отчего именно сегодня я решила записать свои мысли. Ведь об этом я думаю всегда, и Антон тоже, конечно, думает. Недаром он сказал как-то: «Вот, Зоя, построим завод, а там, глядишь, и первую машину доведётся нам выпускать...». Какой это будет великий, торжественный день! Дух захватывает, право... Может потому, что я очень отчётливо, во всех подробностях, представляю этот день и жду его, как праздника. У меня сейчас особенное, какое-то нетерпеливо-радостное настроение. Радостно оттого, что и механический цех уже оброс лесами, а литейный скоро сдавать под монтаж, что впереди ещё много интересных дел и событий, что Антон работает рядом, и я могу его видеть, говорить с ним, как прежде, о самом сокровенном, ибо знаю — он поймёт меня, а главное — радостно оттого, что я сильнее, чем когда-либо, ощущаю всю полноту жизни, в которой осуществляются все, даже самые заветные мечтания. И поэтому, наверно, я записала сегодня больше,

чем обычно. Хочется писать ещё, но уже поздно. Завтра ответственный день. Неужели чечулинцы окажутся впереди?...».

17.

Чечулинцы сдержали слово: дали триста замесов. Но девушки уже через два дня их догнали. Да если бы и не догнали, всё равно ребятам нельзя было останавливаться, — Коновалов давал столько же. Стоило лишь на один день ослабить темпы, и он снова оказался бы впереди. Конечно, триста замесов — прекрасный результат, особенно, если припомнить, с чего они начали, однако гордиться было ещё рано. Клава Семейкина укладывала по двенадцати тысяч кирпичей за смену, и слава о её звене гремела по всем участкам.

Интересно, что Яшка Говорков, вначале открыто гордившийся успехами этого звена, за последнее время почти перестал упоминать в разговорах имя Клавы. А если и упоминал, то без прежнего воодушевления, с лёгким оттенком раздражения, даже зависти. Бескуров это заметил, понял, в чём тут дело, и стал втихомолку поддразнивать приятеля, советуя ему переквалифицироваться в каменщика и доказать Клаве, на что он способен. Яшка чаще всего отмалчивался, но как-то не вытерпел, сердито сказал:

— Я и на бетоне ей докажу, дай срок. А дозвошь, дорогой товарищ, спросить: ты Мельниковой доказал? То-то! — И он торжествующе рассмеялся.

Антон, собственно, никогда и не собирался «доказывать» что-то Мельниковой, однако слова Яшки заделали его.

— Подожди, скоро со всеми расквитаемся, — пообещал он и с тех пор об этом с Яшкой не заговаривал.

Однажды, уже после заседания комитета, Говорков отозвал Антона в коридор и там, смущённо оглядевшись, подал ему исчерченный лист бумаги.

— Что это? — недоуменно спросил Антон.

— Схема... Схема рациональной подвозки и загрузки материалов, а также их размещения. Посмотри и скажи своё мнение.

— Да ведь мы недавно обсуждали этот вопрос, чего же ты молчал?

— Не было ещё готово. Тут я внёс кое-какие изменения. Да ты посмотри, а потом будешь спрашивать.

— Ну, ну. — Антон присел на подоконник и, разгладив лист на коленях, принялся изучать чертёж. Прислонившись к стене, Яшка терпеливо ждал.

— По-моему, неплохо, — поднял Антон голову. — Тебе удалось устранить даже малейшее пересечение ходов, это основное. А расстояние до штабелей какое должно быть? У тебя тут не указано.

— Как можно ближе. Не далее трёх-пяти метров. Площадку придётся перестроить заново.

— Само собой. А это что у тебя? — Антон ткнул пальцем в небольшой прямоугольник на чертеже, сбоку от бетономешалки.

— Сарай для цемента. Сарай нужен обязательно. Как мы раньше не додумались, не понимаю? Ведь цемент выгружать из бочек очень неудобно и, кроме того, бывают большие потери его. Один ветер уносит на сотни рублей, да и дождь может попортить, верно?

— Верно. Сарай необходим. Тогда можно будет устроить лотки и по ним подавать цемент к ковшу. Вот что, Яша, обсудим твою схему с ребятами, а потом предложим всем бригадам.

— Давай сначала осуществим её у себя! А то опять Коновалов опередит. В конце концов должны же мы его обогнать, — глядя в сторону, сказал Яшка.

— Не беспокойся, обгоним. А схему мы предложим осуществить во всех бригадах. Как же иначе? Мы же делаем одно дело, какие тут могут быть тайны? Разве ты забыл, как Коновалов учил нас в первые дни?

— Не забыл, а всё-таки... Ладно, делай, как знаешь, только этак нам ещё месяц придётся на одном уровне с другими топтаться. Коновалов, понятно, первый этой схеме обрадуется, — недовольно сказал Яшка и, махнув рукой, вышел на улицу.

Через два дня чертёж появился в многотиражке. О нём заговорили. Говоркову удалось соединить и приспособить к своей схеме все прежние совершенствования, предложенные в разное время и разными людьми, и этого оказалось достаточно, чтобы выработка вновь возросла во всех бригадах. Как и предчувствовал Яшка, им пришлось делить с Коноваловым первое место среди бетонщиков. Бывший лесоруб, как видно, умело воспользовался новой схемой и не собирался кому бы то ни было уступать. Тогда Говорков решил приду-

мать такое усовершенствование, которое бы не каждому бросалось в глаза и в то же время дало бы ощутительный перевес своей бригаде. «Нам бы только перегнуть Коновалова и Клаву, а там я открыл бы свой секрет. Тогда не жалко было бы», — размышлял он, беспокойно ворочаясь ночами на койке. Но придумать так ничего и не смог.

Вскоре в многотиражке была напечатана заметка самого Коновалова. В этой заметке бригадир разъяснял свой метод. В частности, он писал, что в некоторых бригадах (явный намёк на чечулинцев) всё ещё недостаточно обращают внимания на безусловно обязательное совмещение во времени двух операций: заполнения и подъёма ковша с перемешиванием бетона в барабане. Коновалов тут же пояснил, как этого достигнуть.

Когда Яшка прочитал заметку, Антон спросил:

— Ну, как?

— Умный старик, ничего не скажу, — улыбнулся Говорков. — Нашего Зайцева надо заставить, чтобы он эту статью наизусть выучил и на работу её с собой носил. Он хоть и здорово наловчился в последнее время рычагами орудовать, а всё-таки и у него бывают зевки. Правильно Василий Егорович пишет, спасибо ему...

С тех пор Яшка перестал хмуриться и даже о Клаве высказывался без зависти. Наоборот, он открыто и несколько вызывающе гордился ею.

Антон объяснял эту перемену в Яшкином настроении тем, что отношения его с Клавой, вероятно, понемножку наладились, а может, окончательно определились. Сам он, правда, об этом избегал говорить, но Антон о многом привык догадываться без слов, по Яшкиным глазам и по некоторым другим признакам, знакомым ему со школы.

Придя с работы, Говорков обычно тщательно умывался, надевал новенькую гимнастёрку и хромовые сапоги, затем на час-полтора садился за книги, положив перед собой часы. Истекало время, и он уходил, предварительно обрызгав лицо одеколоном. Возвращался поздно и утром, сонно потягиваясь, долго стоял перед окном, чему-то улыбаясь. Антон, не желая показаться не в меру любопытным, ни о чём Яшку не спрашивал. Лишь однажды, заметив, что Говорков никуда не собирается уходить и вот уже полчаса с задумчивым видом лежит на койке, он спросил:

— Ты чего это такой скучный сегодня? Опять с Клавой поссорился, что ли?

— Нет... а что? — настороженно произнёс Яшка, поворачиваясь на бок.

— Да так... Ничего, — усмехнулся Антон и подсел к Говоркову на постель. — Часто с ней видишься?

— Нет, не особенно часто, — охотно ответил Яшка, которому, как видно, давно не терпелось поделиться своими новыми переживаниями, переполнявшими его. — Сам знаешь, то у меня ночная смена, то у неё что-нибудь. Вот и приходится дома сидеть.

— Значит, сошлись всё-таки характерами? Ну, и как?

— Да так, — пожал Яшка плечами и улыбнулся. — Обыкновенно. Сначала, конечно, мне с ней трудно было приходилось. Она, оказывается, девушка серьёзная, ну, а я, известно, люблю пошутить. Скажешь сгоряча что-нибудь лишнее, потом и самому неловко, а она сердится... Или я ей про войну начну рассказывать, а Клава мне такой афоризм преподнесёт: «Ты лучше скажи, как ты работаешь, и я скажу, как ты воевал». Понял, брат? Что бы ты ей ответил?.. Ну, теперь-то мы понимаем друг друга с полуслова, будь спокоен. — Яшка спустил ноги на пол, придвинулся к Антону вплотную, тихо добавил: — Знаешь, Тошка, я бы с ней на любое дело сейчас пошёл. Хоть в разведку, честное слово! Твёрдый у неё характер. Что сказала, то и сделает. Видал, какие рекорды показывает?

Антон, однако, посмотрел на Говоркова серьёзно и ответил не сразу.

— Тут дело не в рекордах, Яша, тут главное — метод, для других пример. По её методу и другие по пяти-шести норм дают, вот что важно. Я смотрел недавно на её работу — залюбуешься. А раньше как было? Одному каменщику пять подносчиков раствор доставляли. Из рук в руки — через час по ведру — на второй этаж. Клава всё это дело механизировала, людей на свои места расставила. А ведь лебёдка, которую она применила, в мусоре валялась. Её когда-то ремонтировали да так и бросили. Видал, как бывает? У Клавы, брат, многому можно поучиться. Она душу вкладывает в свою работу и других к этому приучает. Взять ту же лебёдку. Сколько людей мимо неё прошло, и никому она

не была нужна, Клава увидела, заставила из мусора вы-
тащить и в дело пустила. Слыхал, небось, о чём она сейчас
мечтает? О том, чтобы дома строить вовсе без лесов.

Антон помолчал, потом спросил:

— Какого она сейчас мнения о нашей бригаде, не
знаешь?

— Откровенно сказать, Тошка, сперва неважное мне-
ние было, но сейчас Клава на нас надеется и даже
очень,—не без удовольствия сообщил Говорков. — А как
узнала, что мы триста замесов дали, не поверишь —
чуть меня не расцеловала.

— А может, расцеловала-таки? — усмехнулся Антон.

— Допустим... А Мельникова, наверно, рвёт и мечет,
как думаешь? Всё-таки обогнали мы её. И Коновалова
всё равно перегоним...

— Трудно придётся, по перегоним. Посмотрим, как
он за нами тянуться будет. Он ведь привык, чтобы за
ним тянулись.

Говорков окончательно оживился. Тормоша Беску-
рова за рукав, возбуждённо сказал:

Знаешь, Тошка, это всё равно, как на фронте.
Наступаем не хуже, чем в сорок четвёртом, помнишь?
Дух захватывает, ей-богу! Давай дадим завтра триста
пятьдесят, а?

— Надо с ребятами потолковать.

— А чего с ними толковать? У них и так теперь
настроение на все четырёста, я же знаю. Некоторые уже
о механическом поговаривают, — дескать, помочь бы и
там, а то у них что-то неважно дело идёт.

— Сдадим литейный — поможем. А пока здесь ра-
боты хватит. — Антон опять помолчал. — А насчёт Мель-
никовой ты зря сказал, Яша. Вовсе она и не думала
злиться. Вчера, как смену сдавали, она первая меня
поздравила. Да ещё знаешь, что сказала? «Не зазнавай-
тись, говорит, завтра мы ваш результат превзойдём».

— Да? Скажи, пожалуйста! — удивился Яшка. — Ну,
это ещё на воде вилами писано, так ли будет. А между
прочим, настойчивая она, Мельникова-то твоя. Не хуже
Клавы, верно?

— А ты как думал?

— Да, признаться... Ну, да я же говорю — не хуже.
Как у тебя с ней?

— Ничего, не ссоримся, — рассмеялся Антон. — Обе-

щала даже по математике со мной заниматься, чувствуешь?

Они понимающе переглянулись. Затем Яшка, надев на босые ноги комнатные туфли, предложил:

— Выйдем на свежий воздух, покурим.

Бескуров кивнул, и они вышли в коридор. Уже на крыльце, внезапно остановившись, сказал:

— Да, всё забываю спросить: как же насчёт должности? Помнишь, ты в госпитале о ней говорил? Подыскиваешь?

— Эка, что вспомнил! — поморщился Говорков. — На кой черт мне должность, без неё забот много. — Он протянул Бескурову папиросу, смеясь, прибавил: — Слышал поговорку: от добра добра не ищут. Ясно?

18.

Синючков волновался: только что сообщили с литейного, что Коновалов обещал сегодня дать минимум триста пятьдесят замесов. У комсомольцев последний результат был всего на десять замесов меньше, однако комсorgh и этот небольшой разрыв представлялся нетерпимым. Он был уверен, что ребята использовали ещё не все возможности, и считал себя обязанным им об этом напомнить. Неужели успокоились?

Синючков недобро посмотрел на вошедших в комитет Зою и Бескурова, зачем-то прикрыл за ними дверь, тихо спросил:

— Что вам необходимо, чтобы обогнать Коновалова?

Антон и Зоя переглянулись.

— По-моему, всё необходимое у нас есть, — сказала Зоя, глядя на комсorgh с некоторым недоумением. — Люди все налицо, механизмы исправны, задание известно. Остаётся ещё раз проверить, всё ли в порядке.

— Механизмы, задание... — Синючков поморщил лоб, иронически усмехнулся. — А Коновалов всё-таки впереди, а?

— Должен же кто-нибудь быть впереди, — улыбнулась Зоя.

— Ну, конечно! — перебил Синючков. — Но надо, чтобы впереди были комсомольцы! Неужели непонятно? Дать слово — и плестись в хвосте. Куда это годится? Во всяком случае, на комсомольцев это не похоже.

— Мы своё слово сдержали, Синючков, — нахмурилась Зоя.

— Знаю. Триста замесов вы дали. И даже больше вчера дали, тоже не отрицаю. Но ведь Коновалов взялся сегодня дать триста пятьдесят. Зря он обещать не станет, вы сами знаете. Сказал — значит сделает. Необходимо дать решительный бой Коновалову. Я считаю положение ненормальным, когда комсомольцы отстают. По вам должны равняться остальные, вот тогда будет всё в порядке. Понимаете?

— Ясно, — кивнул Антон. — Этого мы и добиваемся.

— Тогда давайте обсудим, чего нам ещё недостаёт, — сразу переходя на деловой тон, сказал Синючков. — Присаживайтесь... Кстати, вы по какому делу ко мне зашли?

— Да всё насчёт того вечера, — сказала Зоя. — Ты говорил с партгором?

— Говорил. Встречу молодых стахановцев обязательно организуем, и не позднее следующего воскресенья. Времени осталось мало, готовьтесь. А теперь давайте поговорим прямо: чего вам нехватает? Почему Коновалов может, а вы не можете?

— Да откуда это видно, что мы не можем? — сердито заговорил Антон. — Вспомни, с чего мы начали. А сейчас? Ведь то, чего мы достигли, никто из нас не считает пределом. Это только начало.

— Верно, — удовлетворённо подтвердил Синючков. — Значит, решено: Коновалова вы перегоните. Тогда, я думаю, дело на литейном пойдёт ещё лучше. Между прочим, с песком и гравием теперь перебоев нет?

— С этим дело наладилось. Штабели всегда полны, — ответила Зоя.

— За карьеры я теперь спокоен, там тоже комсомольцы, — улыбнулся Синючков. — Ну, а с водой как?

— Из-за воды задержек не бывает.

— Ну, что ж, желаю успеха. Завтра увидимся на площадке.

19.

Хотя Синючков внешне и выказывал беспокойство, в душе он был вполне доволен комсомольцами. Борьба за досрочное окончание строительства разгоралась на

всех участках, но особенного напряжения достигла, несомненно, на литейном. А ведь, это, как сказал Бескуров, только начало.

Комсорг верил в своих ребят, ведь он всегда и везде был с ними, знал их неиссякаемую энергию и готовность преодолеть любые трудности, раз это было необходимо для общего дела. И всё же вполне быть спокойным за них он не мог. Рабочий день у Синючкова заканчивался обычно за полночь. Однако времени ему нехватало. Нередко комсорг уставал до предела, но удовлетворение сделанным, охватывавшее его после прожитого дня, всякий раз придавало ему свежие силы, наполняло гордостью и неистребимой жаждой работать так, чтобы не только идти в ногу с жизнью, но и опережать её. Да и как было Синючкову не гордиться? Комсомолка Клава Семейкина укладывала теперь до пятнадцати тысяч кирпичей в смену, и уже многие догоняли её. Каменный и песчаный карьер, усиленные посланной туда молодёжью, полностью обеспечивали стройку песком и гравием. Водопровод и электростанция, взятые под контроль комсомольских постов, ни разу не подвели бетонщиков. Ото всюду приходили известия о новых и новых успехах молодых строителей.

На следующий день, рано утром, едва бригада девушек приступила к работе, Синючков явился на площадку литейного. Он молчал и ни во что не вмешивался — просто стоял и смотрел, кивком отвечая на приветствия. С первых же минут девушки взяли хороший темп. Синючков по часам проследил, за сколько времени производится один замес. Оказалось полторы минуты. «Что ж, для начала неплохо».

После обеда неожиданно пошёл дождь. Всё небо заволокло тучами. Ребята, уже одетые, столпились у окна и молча следили, как струи дождя собирались на земле в шумливые ручьи.

— Вот уж действительно — не было печали, так ангелы подвели, — с сердцем сказал Говорков, отходя от окна.

— Неужели не перестанет? — ни к кому не обращаясь, тоскливо спросил Хомяков и, морщась, попытался подняться с койки. Нечаянно опрокинутая тачка повредила ему ногу, и теперь он, видимо, досадовал не столько на дождь, сколько на свою беспомощность.

— А ты что беспокоишься? — насмешливо отозвался Яшка. — Тебе ведь на литейный не идти, лежи да похрапывай.

— Не твоё дело, — сразу повысив голос, отпарировал Хомяков. — Я не за себя беспокоюсь, а за бригаду. Да и за тебя опасаюсь, как бы не раскис под дождём.

— Ах, чорт! — вспыхнул Яшка. — Я-то не раскисну, а вот ты, было дело, раскис. Забыл?

— Что ты этим хочешь сказать? — бледнея, спросил Хомяков и встал.

— То, что сказал. Лежи, лежи, не вставай. Без тебя обойдёмся, — смеясь, ответил Яшка и добавил: — Ишь, сказывается, ты какой приткий. Ведь хромой, больничный лист имеешь, а всё-таки петушишься. Я бы на твоём месте спал да спал, раз такое дело. Под дождик, знаешь, как спится.

— Ну, и спи, кто тебе мешает. Бери вот мой больничный лист и ложись, а я пойду на работу. — Заметив, что ребята улыбаются, Хомяков окончательно разгорячился. — Честное слово, пойду! Нечего тут... Не нужен мне этот лист, и я его не просил, понятно? А что я один здесь буду делать? Мух ловить? Нет уж, спасибо.

— Ну, хватит, — сказал Чечулин строго, хотя эта неожиданная стычка развеселила его. — Пошутили, и довольно. На работу, Хомяков, не пойдёшь, или я сейчас же отправлю тебя в больницу. Зря горячишься. Ну?

Хомяков неохотно присел на койку, буркнул:

— Ладно...

Дождь не ослабевал. В комнате наступили почти сумерки.

— Обидно, Тошка, что такой ливень пошёл, — сказал Яшка Бескурову. — Как же работать будем?

— Не беспокойся. Где это было, чтобы из-за плохой погоды наступление прекращалось. Я что-то не помню. Работают же при дожде девчата...

— А сколько они дали? Кто ходил на литейный?

— Я ходил, — сказал Чечулин. — Но я был там ещё до дождя. Триста замесов у них уже было.

— Триста? — изумлённо переспросил Бескуров. — Выходит... Выходит, что обгонять придётся теперь не Коновалова, а девчат. Здорово!

— Выходит, так, — улынулся Чечулин. — Молодцы всё-таки девушки. Шутить, друзья, с ними не приходится, а то, чего доброго, возьмут они нас на буксир.

— Ну, это ты, Виктор, зря, — обиделся Яшка. — Кто же до этого допустит?

— А дождь, ребята, кажется, сильнее пошёл. Настоящий ливень, — распахивая окно, сообщил Фёдоров.

— Пускай, — решительно заявил Подольский. — Зато работать будет нежарко.

★ ★ ★

Темно и чуточку жутко в опустелой комнате, но Хомяков нарочно не зажигал огня. Так и не раздевшись, лежал он на койке, курил одну папиросу за другой и слушал докучливый шум дождя. Этот шум раздражал Хомякова, и он думал с тоской: неужели так будет до утра? Можно с ума сойти! Уснуть невозможно, — в этом Хомяков вполне убедился, выкурив подряд шесть папирос и раз десять перевернувшись с боку на бок. Беспокойство его росло с каждой минутой. Выполнят ли ребята своё обязательство? Лежать и, главное, ничего не зная, не видеть, как идёт работа на литейном, — что может быть нелепей и мучительней?

Случись это на фронте, ему, понятно, никто не стал бы угрожать больницей, но там, правда, и обстановка была другой. Впрочем, и здесь он не имел права покидать своё место в строю. Ушиб не может служить ему оправданием. Ведь в бригаде каждая пара рук на счету, и отсутствие одного человека лишней тяжестью отзовётся на остальных. Конечно, ребята выдержат, но всё-таки, как нестерпимо лежать, когда на литейном идёт борьба за первенство.

Чорт бы взял эту ногу! Из-за неё кое-кто, наверно, посмеивается: дескать, повезло Хомякову. Он ведь давно собирался отдохнуть, вот и сбылось его желание. Повезло бы другому так! Неделю назад он, возможно, и обрадовался бы отдыху, но теперь, ожесточённо раздавив окурок, Хомяков приподнял с подушки голову, прислушался. Дождь шумел весело, даже вызываяще, словно дразнил Хомякова. Комната показалась ему невыносимо душной. Нет, надо пойти на литейный и узнать, как там идут дела. Тогда, может быть, удастся уснуть.

Ни разу в жизни Хомяков не чувствовал себя так скверно. Ребята, конечно, забыли о нём, а если и помнят, то потому лишь, что кому-то из них пришлось вы-

полнять его работу. Но о нём вспомнят все, когда кончится смена, и Чечулин подведёт итоги. «Могли бы дать больше, если бы Хомяков был на месте», — подумает каждый, и они будут правы. В последнее время Хомяков работал не хуже других и даже был уверен, что скоро кое-кому придётся его догонять.

Интересно, почему всё-таки нога так распухла? Удар ведь был не особенно сильным, и вчера Хомяков без помех доработал до конца смены. А теперь даже встать больно.

Надо всё же попытаться...

Хомяков решительно поднялся с койки, твёрдо встал обеими ногами на пол, прошёлся взад и вперёд по комнате. Боль оказалась сильной, но ходить всё-таки было можно. В крайнем случае, если уж нельзя возить песок, он возьмёт лопату и станет нагружать тачки. Как он не подумал об этом раньше?

Решившись, Хомяков заторопился. Накинув на плечи брезентовую куртку, он вышел под дождь и направился к литейному.

20.

В полночь на стройку позвонил секретарь райкома комсомола Ловин, позвонил от нетерпения: кто же выйдет победителем в соревновании—комсомольцы или Коновалов? Кому из них выпадет честь уложить на литейном последний кубометр бетона? Он решил сам пойти на стройку. Уже одетый, вернулся к столу, чтобы выключить настольную лампу, но рука снова невольно легла на телефонную трубку. На этот раз ему ответил сам Солодовников.

Ловин изумлённо спросил:

— Пётр Ефимович! Я думал, вы давно уже дома.

— Думал, а звонишь,—загудел в трубку голос парторга. — Задержался вот с делами, а теперь уж не уйду до утра. А что?

— Да вот, хотел узнать новости с литейного. Я слышал, сейчас там работает бригада Чечулина. И как раз такой дождь! Как у них дела?

— Неплохо, неплохо, — сообщил Солодовников. — Ребята задают тон. Не беспокойся, дождь их не оста-

новит. Я сейчас собираюсь пойти на литейный, посмотреть. Куда тебе позвонить?

— Не звоните. Сейчас я буду у вас.

— Да, да, приходите. Кстати, завтра утром соберём митинг по поводу окончания бетонных работ на литейном. В цехе останутся одни монтажники, чувствуешь?

— Очень рад. А бетонщики теперь куда же? Что они сами говорят?

— Они говорят: одна ступень взята, будем брать следующую,

— Значит, переходят на механический? Я так и знал. Ну, так я приду непременно. Спасибо за вести.

— Пожалуйста. По правде сказать, я уж привык к хорошим вестям, а вот радуюсь им всякий раз по-новому. Ну, ты понимаешь, о чём я говорю. Приятно и в будни работать по-праздничному.

— Понимаю, Пётр Ефимович. Очень хорошо! Ну, бегу к вам.

★ ★ ★

На литейном шла упорная борьба за бетон. По настилу, тускло освещённому фонарями, быстро и безостановочно проносились с тачками подвозчики. Многие из них, несмотря на непогоду, без курток. Мокрые лица и волосы, блестящие от воды мускулистые руки, приглушённый перестук кованных каблуков по доскам.

Хомяков с минуту постоял на краю настила, следя за пробежавшими мимо ребятами. Его никто не замечал, и это лишний раз убедило его в том, что бригада сегодня работает напряжённее, чем вчера. Но лишь опытный глаз мог заметить это напряжение — настолько слаженными и непринуждёнными выглядели все движения бетонщиков. «Вот это класс!» — горделиво подумал Хомяков, пробираясь туда, где нагружали песок. И здесь его увидел Бескуров.

— Ты зачем сюда пришёл? — набросился на Хомякова группорг. — А ну, сейчас же отправляйся домой, слышишь!

— Не пойду, — повысил голос и Хомяков. — Не пойду, что хочешь делай. Лучше сяду здесь в лужу и буду сидеть, пока не кончится смена. Дома я с ума могу сойти, понял?

— Как у тебя нога? — уже тише спросил Антон, кивая на забрызганную грязью галошу.

— Лучше. Почти не больно. В общем чепуха, пройдёт. Я стану на песок, Антон, а ты перебрось кого-нибудь на укладку. Как тут у вас?

— Ничего, справляемся, — улыбнулся Антон. — Сам видишь. Нет, в самом деле, шёл бы ты домой, а? А ну, как совсем распухнет нога, тогда что?

— Не пойду, — ещё раз повторил Хомяков. — Что ты меня гонишь? Провинился я, что ли? Сколько уже дали?

— А сколько бы ты думал? — сощурился Антон.

— Сотню дали?

— Маловато кладёшь. Сто двадцать замесов за два с половиной часа! Понимаешь?

— Угу, понимаю, — рассмеялся Хомяков. — Значит, порядок? Ну, я пошёл.

— Гляди, осторожнее там, не то сразу в больницу, — крикнул Антон вслед, но Хомяков, махнув рукой, не ответил.

Вскоре к бетонщикам пришёл парторг. Сопровождал его Синючков, сияющий и взволнованный. Он уже успел ввести парторга в курс событий и теперь спешил ещё раз убедиться, что ребята работают, как надо.

Опередив Солодовникова, Синючков побежал искать бригадира. На том самом месте, где за полчаса до него стоял Хомяков, Пётр Ефимович остановился и внимательно смотрел на работающих комсомольцев. В каждом из них он замечал ту или иную перемену: этот как будто вырос и стал шире в плечах, тот и глядит веселее и тачку держит увереннее, а третий, пробегая мимо парторга, так и просит взглядом, чтобы на него обратили внимание, дескать, видите, как ловко мы работаем, а раньше как было?.. Пётр Ефимович, широко раздвинув густые брови, машет ребятам рукой, улыбается в усы, и все знают: парторг доволен, они оправдали его доверие. Из пелены дождя внезапно появились запыхавшийся Бескуров. Брызги сырого бетона, смываемые дождём, серыми полосками растеклись по его брюкам.

— Здравствуйте, Пётр Ефимович. Вот уж не ждали, что придёте. Такой дождь...

— Он очень мешает вам? — спросил Солодовников.

— Не очень, Пётр Ефимович. Темпы нарастают. Мы уже дали полтораста замесов. Думаем к концу смены забетонировать крышу и завтра перейти на механический.

— Думаешь, успеете? — усомнился парторг.

— Обязательно успеем. Ребята так и сказали: Коновалов литейный начал, а мы кончим.

— Ну, если ребята сами сказали, значит, успеете... А какова махина, а? Глазом не охватишь! — Пётр Ефимович поднял голову, глядя на окружённые лесом стены литейного.

Хотя там и горел свет, но сквозь густую сетку дождя нельзя было разглядеть, где кончаются стены. Казалось, они вздымались до самых облаков, медленно плывших из-за реки на запад.

— А ведь дождь скоро перестанет, — заметил парторг, показывая на блеснувшую меж облаков звезду. — Видите, ветер начинает разгонять тучи.

— Да, — кивнул Антон. — Коновалову, значит, завтра легче будет работать. Его смена с утра.

— А ведь он, пожалуй, опять вас обгонит, — искоса взглянув на Бескурова, проговорил Солодовников. — Я его давно знаю, упорный мужик.

— Что ж, — улыбнулся Антон. — Пусть попробует. Мы не собираемся кому-либо уступать.

— Да, борьба у вас разгорелась серьёзная, что и говорить. Надо полагать, механический вы закончите в более короткий срок, чем литейный. Ну, а потом куда, Бескуров?

— Понимаю, к чему клоните, Пётр Ефимович, — потряхнув мокрыми волосами, сказал Антон. — Планы у меня большие, об институте вот мечтаю, а пока — завод и десятилетка. Я ведь до войны не успел её закончить.

— Закончишь теперь, всё в твоих руках. Трудно будет — поможем, не беспокойся. Ну, не буду задерживать, до свиданья. — Солодовников протянул Антону руку, напомнил: — Не забудьте, в шесть утра митинг. Придётся и вам выступить, рассказать о своём методе.

— Ну, какой там у нас свой метод... — смутился Антон, но, вспомнив вдруг Хомякова, быстро добавил: — Вот о ребятах я, пожалуй, рассказал бы, а о методе пусть Коновалов говорит. Это ведь он научил нас работать по-настоящему, ему принадлежит и первое слово.

— Пожалуй, ты прав. И знаешь, почему? Потому, что Коновалов радуется вашим успехам так же, как, например, Синючков, и будет говорить не о своём или твоём методе, а о методе, который называется стахановским, ибо на литейном, Бескуров, вы поработали действительно по-стахановски.

— Не знаю, Пётр Ефимович, — мгновение подумав, сказал Антон. — Может, и по-стахановски, со стороны видней. Скажу только, что достигнутое нами не предел. Вот перейдём на механический, добьёмся ещё лучших результатов. От имени всех ребят обещаю, товарищ парторг.

Быстрым движением Антон набросил на голову мокрую фуражку и побежал по настилу к машине.

Дождь стихал...

СТИХИ

В. ДЕМЕНТЬЕВ

Знаменосец мира

Просчитались там, за океаном,
Главного в расчётах не учли,
Что сильнее энергии урана
Воля всех простых людей земли,
Тех, кем бомб разрывы не забыты,
Кто прошёл военную страду,
Тех, кто вопреки всем уолл-стритам
К коммунизму всё-таки придут.
Мы гранита твёрже, твёрже стали,
И пускай войною нам грозят.
Знаменосец мира — мудрый Сталин —
Значит мир народы отстоят.

Убийц к ответу

Лишь только тревожный и грозный
Рассвет облака озарил, —
Летят на Пхеньян бомбовозы
Заморских убийц и громил.
И рушатся мирные кровли
В Пхеньяне в квартирах жилых.
Горячею детскою кровью
Обрызгана пыль мостовых.
Одни у фашистов повадки:
Поднявшись с заправочных баз,
На школы, сады, детплощадки
Бросать за фугасом фугас.
Но близится время расплаты.
Придёт над убийцами суд.
На юг Ким Ир Сена солдаты,
На юг к побережью идут.

Солдат армии мира

(Отрывок из поэмы)

Вершины деревьев слегка заалели.
В низинах туман предрассветный густой.
Недвижны, задумчивы синие ели,
И крепок смолы и калины настой.
Доносится глухо сквозь хвойную дрёму,
Как дятлы в лесу за делянкой стучат.
Идёт лесоруб по тропинке знакомой —
Косая сажень от плеча до плеча.
Идёт он спокойно. Лицо от загара,
От выюжных ветров задубело давно.
Не меч богатырский, как в присказке старой, —
Огнём отливает пилы полотно.
... Ударили шкворнем о рельсу три раза,
Над лесом, над этой делянкой поплыл
Торжественный звук, замирая, и сразу
Раздался уверенный рокот пилы,
И брызнули струйки сосновых опилок
На травы, на зелень брусничных кустов.
И медленно раннее утро вкатило
Багровое солнце на гребень лесов.
Соседних деревьев грабастая ветви,
На землю обрушилась грузно сосна.
— Начало рабочего дня на рассвете
Встречает родная моя сторона!
Янтарной смолою на срезах сверкая,
По вагам катилось бревно за бревном,
Скрипели лебёдки. И, всё нарастая,
Трелёвочных тракторов слышался гром.
И в этом кипенье могучей работы
Терялся щелков и малиновок свист.
... Смахнув бисеринки горячего пота,
Пилу в древесину врезал моторист.
Но, скрежет услышав в стрекочущем гуле
(Как будто в железо вгрызалась пила),
Взмахнул топором — и свинцовая пуля
Весомо к нему на ладони легла.
С усмешкою, верным охотничьим глазом
Окинул рабочий находку свою:
— Американская пуля... и сразу

Лицо посуровело, словно в бою.
Припомнилось снова: лютуют метели.
Январскою ночью деревни горят.
В лаптях и опорках, в дырявых шинелях
Тропою идёт партизанский отряд.
От дальних пожаров снега багровеют,
Идут партизаны. Позёмка шуршит.
Но в лютую стужу их ненависть греет,
И ненависть эта врага сокрушит.
И падают на смерть сражённые янки.
Тела их засыпало русской пургой.
... Стоит лесоруб на широкой делянке,
За мир во всём мире боец рядовой.
Глядит лесоруб за моря-океаны,
Где злобен в ночи поджигателей вой,
Где, вынув из сейфов военные планы,
Считают доходы от будущих войн.
Но встали стеною за мир миллионы,
Они не страшатся заморских угроз,
Их символы мира горят над землею —
Рубины кремлёвских немеркнущих звезд.

Миру—мир

В летней горнице
С позапрошлого лета
Над старинным комодом
Висят два портрета...
Ты сынов проводила
На фронт в сорок первом
До заветной,
Серёжки осыпавшей вербы.
Треугольнички писем
От сержантов пехоты
Стал тебе приносить
Почтальон до работы.
И всегда ты встречала,
Как лучшего гостя,
Честь-по-честь его...
Но однажды под осень...
Не к добру,

Тронул за сердце
Крик журавлиный, —
Больше не было писем
От старшего сына,
Больше не было писем
От первого сына.
У крыльца одиноко
Шумела рябина,
И поблёкшие листья
На этой рябине,
Как виски твои,
Выбелил утренний иней.

.
Никому
Материнской не выдала боли.
Чуть заря наметнется,
А ты уже в поле.
Месяц горсть серебра
В заводь тихую бросит,
Ты ещё на лугах,
На колхозном покосе.
Было сердце надеждой
Всё время согрето:
Младший сын
Присылал фронтовые приветы.
Но под небом венгерским
Весной на рассвете
Умер младший от ран
В полевом лазарете.
Так погибли два сына
За счастье народа.
Их портреты висят
Над старинным комодом.
... Нынче митинг идёт
В полеводческом стане,
И белеют листы
Со Стокгольмским воззваньем.
Подымают свой голос
Мастера урожая
Против тех,
Кто планете войной угрожает.
И великая честь тебе

В нашем народе:
Самой первой к столу
Ты сегодня подходишь.
Взяв перо,
Сыновей своих вспомнила снова:
— Я хочу
Попросить у собрания слова.
... Ещё высохнуть слёзы мои
Не успели,
А уж там, за морями,
Весь мир на прицеле.
Ещё боль не утихла
От горькой утраты,
А в Корее посевы
Жгут чужие солдаты.
Рвутся бомбы.
Звонят над селеньями пули...
За себя,
За сынов, что с войны не вернулись,
На листах
Под Стокгольмским воззванием вправо
Я за нашу семью
Три фамилии поставить.
На войне сыновья мои
Мир защищали,
Нам, живым,
Этот мир
Отстоять завещали!
И пускай
За морями
Вражья злобствует стая,
Мира требую
Я, мать, крестьянка простая!
... В летней горнице,
Где с позапрошлого лета
Над старинным комодом
Висят два портрета,
Встала ты,
Как солдат под гвардейское знамя,
В строй защитников мира
С двумя сыновьями.

Моя Москва

Может это не песня,
А так — на рассвете —
Просто к сердцу пришли,
Подступили слова...
Хорошо, что на нашей
Огромной планете
Есть такая столица — Москва!

... Вечер,
Звёзды горят в вышине голубые.
Я возьму на вокзале
Плацкартный билет.
Поплывут мимо окон
Просторы России,
И на полке заснёт
Беспокойный сосед.
На рассвете
Сквозь дымку мелькнёт Подмосковье
И меж сосен
Слегка красноватая даль.
Я, согретый великой
Сыновней любовью,
В это утро
Сойду на московский асфальт.
Мне навстречу —
Лицо обжигающий ветер,
Но, подхваченный сразу
Лавиной людской,
Я подумаю:
Счастья нет выше на свете —
Быть в Москве,
Жить единым дыханьем с Москвой.
Я влюблён в эти лица
И в воздух морозный,
В эти улицы, в парки
И ширь площадей.
Я влюблён в эти
Самые ясные звёзды,
Чьи лучи согревают
Миллионы людей...
У кремлёвской стены

Островерхие ели
Мне напомнят за Вологдой
Наши леса,
Заметённые первой
Декабрьской метелью.
Есть в них та же
Понятная сердцу краса.
Я иду вдоль Кремля,
Замерев от волненья,
Припорошены плиты
Хрустящим снежком.
И мне кажется:
В самое это мгновенье
Сталин встал у окна
В кабинете своём.
Он в грядущее смотрит
Сквозь время и годы,
В необъятные дали
Советской страны.
И он видит на нашей земле
Все народы
И, быть может,
Меня у Кремлёвской стены.
... Это даже не песня
А так — на рассвете —
Просто к сердцу пришли,
Подступили слова:
— Хорошо, что на нашей
Огромной планете
Есть такая столица — МОСКВА!

Ребята — что надо

Шумят тополя
Августовской листвою.
У бабки Аксины
Изба над рекою.
Дубовые скамьи,
Скоблёные стены,
Под вечер
Кипит самовар непременно.
В избе-пятистенке

Всё вымыто чисто,
У бабки Аксиньи
Живут трактористы.
Два дюжие парня,
Два парня — что надо!
Работает с ними
Вторая бригада.
Они, трактористы,
Вчера у гумна
Намолотили
Тонн тридцать зерна.
... Восходит луна
Над темнеющим краем.
Сидят трактористы
У бабки за чаем.
На блюдечки дуют,
Беседуют чинно
О свойствах магнето,
О новых машинах.
Хорошие парни,
Ребята — что надо!
И бабка несёт им
Малины из сада.
А где-то гармошка
За тихой рекою
Не даст до рассвета
Девчатам покою.
Да что им покой,
Да какой он, покой,
Коль есть гармонист
На деревне такой.
Кричит коростель
Под ракитовой сенью.
С кирилловской ходят
Ребята гармонью.
Прощаются долго
С подружкой-зазнобой
Друзья-трактористы,
Влюблённые оба.
На зорьке ворчаньем
Их бабка разбудит:
— Давно уже выспались
Добрые люди. —

Товарищ товарищу
Скажет: — Пора! —
Спецовки возьмут
И — айда со двора.
Горячее время —
Пора обмолота,
И в каждой бригаде
Спорится работа.
Дрожит молотилка,
В пыли от мякины,
И, грузно осев,
Отъезжают машины
По пыльным,
По солнечным
Дальним дорогам,
И сам бригадир,
Улыбнувшись немного,
Промолвит:
— Работает крепко бригада,
У нас трактористы —
Ребята — что надо!

Стихи о коммунисте

Ещё дрожала, сползая,
 Земля в окопах сырых,
 Когда от края до края
 Пехота пошла в прорыв.
 Царица полей, пехота!
 Сражаясь в твоём строю,
 Парторг пулемётной роты
 Был ранен в этом бою.
 Он первым среди отважных
 Рванулся в огонь и дым.
 И цепью к окопам вражьи
 Солдаты пошли за ним.
 Взлетело мощным раскатом
 Над полем «Ура!..».

Но вот,
 Парторг, взмахнув автоматом,
 Упал головою вперёд.

* * *

Доктор в белом халате
 Тихо встал у кровати.
 Руки на одеяле
 Дрогнули и упали,
 Вздулись синие вены.
 Больной прохрипел врачу:
 «Доктор... Я жить хочу!»...
 И покачнулись стены,
 И поплыл куда-то пол,
 Синие окна, стол —
 Всё, что было в палате,
 Всё пошло кувырком...
 Доктор в белом халате —
 Над раненым большевиком.

* * *

Не умер, не сдался, выжил!
 Лежит, не смыкая глаз,
 И чувствует — ближе, ближе

Выздоровления час.
Ну, а пока в постели
Медленно жизнь течёт,
В вынужденном безделье
Томиться ему ещё.
И, может быть, здесь впервые
Он вспомнил дела былые.
В памяти год за годом
Придирчиво перебрал...
Всю жизнь с трудовым народом,
С партией он связал.
Кулак в него из обреза
Бандитскую пулю врезал,
Прицелясь из-за угла.
Не выдюжить, — думал, — крышка.
... А память, словно по книжке
Дальше его вела.
Вот они, жизни вехи!
Запомнились навсегда
Радостные успехи
Общественного труда...
Строительство новой школы,
Потом борьба за ликбез...
Потом поход комсомола
На заготовки в лес...
С каждым годом чудесней
Новая жизнь была,
И новые пелись песни
Жителями села.
По долгу себя считая
Всегда на передовой,
Он, новое утверждая,
Рвался туда, где бой.
И жить не хотел иначе,
Не прозябал в тиши.
Во всём частица горячей
Партийной его души...
Да, не цветами выслан,
Был его трудный путь.
Он прожил жизнь коммунистом —
Не за что упрекнуть.
Трепали его метели,
Хлестали его дожди...

Встать бы скорей с постели:
Ведь столько дел впереди!
Ведь он же за всё на свете,
Как коммунист, в ответе.

★ ★ ★

Он дома...
В горле слёзы комом.
Что ж... Значит радость велика.
Над площадью, возле райкома,
Как бы простёртая в века,
Вождя гранитная рука,
Здесь всё, как было. Всё на месте:
Бульвар с аллеею берёз,
Киоск, витрина для «Известий»
И клумбы в блеске тёплых рос...
Так гулко сердце застучало,
Как будто в стену кулаком...
Куда пойти ему сначала? —
По старой памяти в райком.
... Райком. Неверною походкой
За дверь шагнул он и застыл.
Волнуясь, нарочито чётко
Ладонь широкую к пилотке
По-молодецки приложил.
«На пополнение! Пехота
Пришла... Берите на учёт».
А секретарь к нему: «Изотов!..
Живой!..» — И обнял горячо.
Кузьме не удержать волнение,
Дорога новая ясна.
«Вернулся, значит, старина?..
Из боя, стало быть, в сраженье!».

★ ★ ★

Давно не грохочут пушки.
Всё меньше следов войны.
И пахнут смолою стружки
На стройках моей страны.
Но память хранит походы
Да жарких сражений дым.
... Немало за эти годы
В реке утекло воды,

Не раз сады уронили
Цветы свои по весне.
Не раз журавли трубили
В родной моей стороне.
Счастьем большой работы
На благо страны, родной
Живёт коммунист Изотов —
Партии рядовой.
Не тают, а крепнут силы
В его золотых руках.
... Он возводил стропила
На новых больших домах.
С бригадою палисады
Он выстроил вдоль села,
Чтоб труженикам наградой
Красивая жизнь была.
На стройке плотины

звонкий

Изотова пел топор,
И над родной сторонкой
Не гаснет заря с тех пор.
И нынче к колхозному току
Через поля, через лес
Шагнули строем высоким
Столбы от колхозной ГЭС.
Не гаснет, горит задорный
В глазах Кузьмы огонёк,
Как будто под бровью чёрной
Сверкающий уголёк.
Каждый в колхозе знает
Глаз его доброту...
Вот он, Кузьма, шагает
С трубочкою во рту,
От яркого шурясь света,
Так пристально смотрит он
На клевер, солнцем пригретый,
На нежно цветущий лён, —
Как будто сегодня впервые
Он видит эти поля.
Шумят перед ним яровые,
Колосьями шевеля.
А за его спиною,
Там, за рекой, в дугах

Скирды встают стеною,
К небу растут стога.
Люди в лугах с рассвета.
Время летит, не ждёт...
С московской свежей газетой
В бригады Кузьма идёт.
Там ждут его, будут рады...
И снова, словно в бою,
Идёт он сейчас в бригады,
Как будто в роту свою.
Колхозники сложат косы,
Усядутся в тесный круг.
Сколько разных вопросов!..
На все не ответишь вдруг.
Присядет Кузьма к стожару,
И спросит его бригадир:
«Как люди земного шара
Встают на борьбу за мир?
Что делается в Китае?».
Кузьма блокнот развернёт,
И мыслей волна крутая
Всего его захлестнёт.
И станет он вдруг моложе
На целый десяток лет:
На свете всего дороже
Ему народный привет.
Он скажет: «К счастливой жизни
Открыт нам широкий путь!
Строители коммунизма
Мы сами — не кто-нибудь!
Взгляните! — Кузьма рукою
Вокруг себя поведёт. —
Что было вчера мечтою —
Сегодня уже живёт.
Ходить далеко не надо, —
Окиньте широким взглядом
Деревни, луга, поля —
Преобразилась земля!»
... Летят по тракту машины,
Трактор вдали пылит,
На речке гребень плотины
Белой пеной покрыт.
Журчит ручеек беседы:

Считает свои победы
И радуется народ.
Снова, снова и снова
Кузьмы партийное слово
Зовёт земляков вперёд!

Общее наше дело

Знает рабочий, пришедший в цех,
 Помнит колхозник, глядя на пашни:
 — Борьба за мир — это дело всех,
 Твоё,
 Моё,
 Наше!
 Речь — не про мой да соседский дом.
 Нет, мы на дело смотрим шире.
 Подписью,
 Словом,
 Ударным трудом
 Боремся мы за мир во всём мире.
 Мы, как скала, на своём стоим.
 Знамя правды над нами рдеет.
 Наглым захватчикам мы
 говорим:
 — Руки прочь от Кореи!

Кружевницы

Пока лютует стужа —
 Теплей топить вели,
 Чтобы побольше кружев
 Девчата наплели.
 Ах, что в дому творится,
 Как в зимние деньки
 Сойдутся мастерицы
 И сядут за станки!
 Остыли с чаем кружки
 В беседе круговой.
 Лишь прыгают коклюшки
 За ниткой снеговой.
 И сам мороз дивится,
 Сквозь стёкла кинув взор:

Какой сплели девицы
Затейливый узор!

Он сам начертит смело
Узор на окнах вдруг.
Да кто сумеет сделать
Искусней женских рук?..

На рыбинском море

С речными баржонками споря,
Вся злого упрямства полна,
Сегодня на Рыбинском море
Высокая ходит волна.

По сизым взъерошенным водам,
Конечно, не плавал «Варяг».
Но ты на посту плотовода
Стоишь, как заправский моряк.

Пусть глухо оплотные цепи
О мокрые брёвна скрипят.
Сидят бескозырками кепи
У вставших на вахту ребят.

Не спросят — с каких мы флотилий,
Но нашим гордятся трудом.
Мы гонки надёжно сплотили,
И мы их в Москву приведём!

Цветут сады в колхозах

Насытив мёдом воздух,
Издалека видны,
Цветут сады в колхозах
Заречной стороны.

И как при снегопаде —
Весь в белом каждый дом.
Уже о винограде
Мы разговор ведём.

Стоит, дымком окурен,
Садище в две версты.
Вот где, старик Мичурин,
Порадовался б ты!

В бригаде лесорубов

Звенит и стонет на рассвете синем
Увязнувший в сугробах древний бор.
В пропахшую смолою древесину
Впивается глубоко мой топор.

И, в дерево вгрызаясь строевое,
Опилки веет электропила.
Могучий ствол трясёт угрюмо хвоей,
Изласканный морозом добела.

Немало лет он выстоял на свете
И падает, цепляясь за друзей.
И на лету подхватывает ветер
Тяжёлый хруст заснеженных ветвей.

А пилы голоса — одна, другая,
И перебранка топоров жарка,
И всюду сосны падают, роняя
С высоких крон сыпучие снега.

Здесь на работе пой, шути и смейся.
Под песню труд и легче и спорей.
Мне хорошо, что я в одном семействе
Дерущихся за лес богатырей.

Дыша глубоко воздухом морозным,
Смотрю, как брёвен штабели растут.
Вот эти мною спиленные сосны
В строительство великое пойдут.

Я расправляю молодые плечи.
На лютой стуже руки горячи.
Всплывающее солнце мне навстречу
Протягивает зимние лучи.

И тает иней, лёгший мне на губы.
Приятна сердцу снега белизна...
На всю отчизну славой лесорубов
Шумит, шумит лесная сторона.

Учитель

И мёрз, и мок я по сырым окопам.
Шагал по сёлам, выжженным дотла.
По автострадам и безвестным тропам
Нас фронтовая молодость вела.

Я видел много крови и пожаров,
Пронёс Знамена Славы до конца,
И мне страна доверила недаром
Застенчивые детские сердца.

Я прохожу взволнованный по школе,
Весёлой окружённый детворой,
И радуюсь своей счастливой доле,
Горжусь моей завидною судьбой.

Сейчас мои армейские погоны
С пилоткой вместе в сундуке лежат,
Меня встречают девочки поклоном,
И мальчики приветствовать спешат.

Я больше, чем отец, за них в ответе,
И если вновь поднимут нас «в ружьё»,
Со мною встанут нынешние дети —
Мечта моя! Бессмертие моё!

Над ученической тетрадью

Тетрадей ученических листы
Перебираю бережно, с волнением.
Большие, благородные мечты
Рассыпаны по детским сочиненьям.

Простые, но сердечные слова,
Из каждой строчки, неуклюжей фразы,
Как из-под снега вешняя трава,
Стремится к солнцу чистый детский разум.

Летя сквозь годы мысленно вперёд
И взгляд бросая на огни былого,
Ребёнок с дрожью в голосе зовёт
Любимого Олега Кошевого.

Как брату, что не видел с давних пор,
Матросову протягивает руки

И, словно после долгих лет разлуки,
Ведёт с бессмертной Зоей разговор.
Как он хотел бы, чтоб среди живых
Они сейчас дышали, жили тоже!
И как хотелось бы ему на них
В своей грядущей жизни быть похожим!
Свой ясный путь предвидя впереди,
Ребёнок смотрит в славное былое.
А у него у самого в груди
Олега бьётся сердце молодое.

Молодая ткачиха

На её лице росинки пота.
Ткацкий цех безумолчно гудит.
Девушка-ткачиха за работой
У станка любимого стоит.
Нитка к нитке плотно лечь стремится,
Словно к строчке песенной строка.
И скользит заботливо по ситцу
Лёгкая проворная рука.
Уважение и почёт Наташе!
В цехе лучше мастерицы нет.
Золотистой рамкою украшен
В клубном зале девушки портрет.
Снятся ей далёкие дороги.
В ней мечта высокая горит,
И недаром в школу на уроки
Вечерами девушка спешит.
В светлом классе непривычно тихо.
Вдохновенно, с циркулем в руке,
Школьница, прилежная ткачиха,
Чертит мелом схемы на доске.
И настанет славная минута:
Жизнь шагнёт стремительно вперёд,
К долгожданной двери института
Девушка с волнением подойдёт.
А потом, когда промчатся годы,
Инженером видным где-нибудь,
Словно песню в боевом походе,
Вспомнит она молодости путь.

Ранняя весна в колхозе

Островками засверкала озимь...
Ледохода дни недалеки —
За деревней, в кузнице колхозной
Застучали хлёще молотки.
Триера разговорились бойко
Возле склада в золотой пыли.
Уж не в сани — в новую двуколку
Мерина сегодня запрягли.
Председатель, гордо улыбаясь,
Ласково гнедого потрепал:
«Скоро в плуг. Немного дней осталось.
Ну и чорт — каким здоровым стал!».
Тракторист, прослушав стук мотора,
Посмотрел на статного коня:
«Ничего, таких, пожалуй, сорок
Заменяет трактор у меня!».

В бой за хлеб

Вот поднят первый сноп над головой
С тяжёлыми колосьями пшеницы
Заботливой хозяйскою рукой
Счастливо улыбающейся жницы.
Он, золотой, купается в лучах
Разбрызганного над землёю солнца.
Он — первый сноп, которым бой начать
Пришли бригады сельских комсомольцев.
А впереди — куда-куда ни глянь —
В полях хлеба бушуют, налитые,
Как необъятный жёлтый океан,
Богатство наше, пажити родные.

От радости и слов не подобрать,
Лишь по глазам любого вы поймёте,
Как он сейчас невыразимо рад
За весь колхоз и за свою работу.

Минутная, как праздник, тишина...
И молодёжь, и жнейка наготове.
Знак председатель подаёт с коня —
И в бой за тонны веского зерна
Идут они!

За урожай! За новый!

Сын

Он шалун,
 смеётся звонко.
И, обычно, после сна
Возит по полу в трёхтонке
Зайца, тигра и слона.
Он красив
 и страсть бедовый
В шесть неопытных годов.
Он за час с братишкой Вовой
Строит десять городов.
И растёт,
 как гриб,
 парнишка,
Не по дням,
 а по часам,
Чтоб скорее сесть за книжку
И сказать:
 — Читаю сам!

★ ★ ★

По лужам хлещет крупный дождь,
Кипит и пенится вода,
А сын на моряка похож,
Пускает в плаванье суда.
Он даже с компасом знаком,
Плотину строит в ручейке
И скоро будет вожаком
В географическом кружке.
А там, мечтая и творя,
Он, русокудрый человек,
Сроднит великие моря
Рукопожатьем синих рек.

Дипломант

Глухая ночь. И ветер за окном
Швыряет хлопья снега над домами.
Но он не спит, — склонился над столом —
И перед ним — эскизы с чертежами.

Часы ведут секундам быстрый счёт,
Мигнула лампа. Ярче нить накала...
И прядь волос его, скользя на лоб,
Ещё светлей, чем в самом деле, стала.

Рука тверда, и циркуль не дрожит.
Секут кривые белоснежный ватман.
Отбросив сон, дипломник-выпускник
Проект любовно чертит, аккуратно.

И линии пунктирные, кружась,
Вдруг ожили перед его глазами.
И он увидел ясно в чертежах,
Как брызжет цех полночными огнями.

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ

В. ГАРНОВСКИЙ

На Худом озере

Охотнику всегда грезятся леса и болота с непуганой дичью и зверем. Именно по этой причине Африкан и я, обливаясь потом, брели моховым болотом к таинственному Худому озеру, где, по заверениям Африкана, нога человечья сто лет не бывала.

— Что-то ты перехватил, Африкан Ильич,—усомнился я. — Если там сто лет никто не бывал, то от кого же ты узнал, что там уток много?

— А вот добредём до озера, тогда сам увидишь...

Итти было невесело и трудно: белёсый мох, чахлые, словно закопчённые снизу кривые сосенки, зной, духота страшная.

— Вот и Дозорный остров, — заявил Африкан, показывая на гряде елей впереди нас. — Местечко высокое, сухое. Там и отдохнём.

Добравшись до острова, мы с наслаждением растянулись в тени огромных елей.

— Скажи, Африкан Ильич, почему озеро, к которому мы идём, Худым называется?

— Это со старинного времени пошло, — ответил старик, сладко позёвывая, видимо сморило его. — Со старинного времени, говорю... В ту пору по нашим местам паны-грабители с войском бродили, великое разорение народу было. Да. А тут наше войско стояло, панов подстерегало, дорогу им перерезать надо было. На этом островке дозор был, и прозвали островок — Дозорным. Ну вот и подкараулили наши панов. Пошла битва. Наши одолели, всех панов побили. Дело зимой было — надо могилы копать, а земля стылая. Вот своих-то убитых наши в земле честь по чести схоронили, а с убитыми панами возиться некогда. Пробили тогда наши в озере, во льду прорубь да туда всех врагов и спустили, ракам на радость. Стой поры озеро Худым называться стало...

Под вечер добрались мы до озера. Последний переход был особенно тяжёлым, приходилось перескакивать с кочки на кочку, обходить зловещие зыбуны, ржавые медлительные ручьи, топи. А дичи действительно было много, — то и дело взлетали утки, трава была изборождена утиными тропками.

Нам повезло. На берегу озера нашли мы сухой участок, поросший мелким ивняком. Солнце уже садилось, и мы, решив отложить охоту до утра, стали устраиваться на ночлег. Собирая сушняк для костра, я наткнулся на ветхий челнок. С осторожностью на нём всё же можно было плавать, — это совсем устраивало нас.

Я вернулся к костру. Африкан разулся, курил и вообще наслаждался заслуженным отдыхом. Усевшись у огонька, и я с удовольствием протянул усталые ноги.

— Как же так, Африкан Ильич, — сказал я. — Ты говорил, что на этом озере сто лет никто не бывал, а вон, смотри, человек берегом ходит.

Пропустив мимо ушей первую часть моей речи, как недостойную внимания, Африкан посмотрел на берег.

— Гм! И верно, кто-то ходит! Чем же это он занимается? Вроде нашего брата-охотника. Вишь, ружьё у него и палки какие-то. А ведь он однорукый.

Человек, действительно, вёл себя довольно странно. Воткнув одну палку в землю, он отошёл от неё, воткнул вторую палку, поменьше, положил на неё ружьё, прицелился, но не выстрелил. Потом, отойдя в сторону шагов сто, повторил те же приёмы с палками.

Любопытство Африкана было затронуто. Приложив ладони трубкой ко рту, он закричал:

— Эй, охотничек! Иди к нам чай пить!

★ ★ ★

— От чаю не откажусь. Признаться надо, ещё вчера вечером сюда пришёл, а хлеба маловато взял, не рассчитал, что работы много будет. И хуже того — табак кончился. Не угостите ли табачком?

Перед нами сидел молодой человек в поношенной гимнастёрке с рукавом, подколотым булавкой.

— Охотничаешь? — спросил Африкан.

— Нет. По другому делу. Ружьё у меня за особый инструмент отвечает.

— За какой инструмент?

— Уровень местности им узнаю. Поставлю рейку с разметками, отойду от неё на сто шагов по компасу, потом вторую рейку устанавливаю, ружьё на неё пристрою с отвесиком на нитке и прицеливаюсь через ствол. Так постепенно разницу в высоте и узнаю.

— А зачем тебе это надобно?

— Требуется. Впрочем, это дело не тайное, рассказать можно.

— Ну-ка, Расскажи. Да бери кружку с чаем и рыбака кусок потолще.

— Рассказ мой простой. Я из колхоза «Заря». Это отсюда пять километров. Небольшой колхоз, хозяйств двадцать. Живём, как говорится, ни шатко, ни валко, середка на половину. Конечно, хлебом обеспечены, скотинки порядочно, перед государством в долгу не бываем. Как будто и всё хорошо. а на деле не то выходит — нет нам простора вперёд идти. На месте стоим. Молоктилку новую купить — и то денег мало, а что-нибудь большое заводить уж и не думай.

— В маленьком колхозе и завсегда так, — подтвердил Африкан.

— Совершенно справедливо. Ну, однако, дело теперь должно измениться. Хотим с соседними колхозами, — они тоже не крупней нашего, — в один объединиться. Тогда и севооборот настоящий развернём, и машин прибудет, и вообще большой размах наша жизнь примет.

— Справедливо, друг, справедливо. Значит ещё не объединились пока?

— На днях вопрос решится. Все колхозы на это согласны.

— Хорошо и сделают.

— Вот когда пошёл разговор насчёт объединения, и у меня мысли прибыло, прямо скажу — размечтался. Я, товарищи, в колхозе счетоводом работаю, мне все цифры видны. К соседям сходил, у счетоводов тоже отчёты да сметы просмотрел. И думаю — колхоз большой будет, хорошо бы нам свою электростанцию... Всем народом стройку поведём. А вот где строить — это вопрос, Течёт мимо нас речка, да очень мелководная. В старину, говорят, по ней даже барки сплавляли, а сейчас прямо смотреть не на что — не речка, сырое место.

А начало речка берёт из Худого озера, вот из этого. Меня и заинтересовало: а много ли из озера в речку воды поступает, нельзя ли её поприбавить? Надо посмотреть. Сходил раз, вижу — истока почти нет, весь он зарос кустами, разной болотной дрянью. Подтопило озеро свои берега без этого истока, заболотило их. А когда-то здесь чудесные луга были, трава по пояс. Значит, есть в озере лишняя вода. Потом недалеко отсюда, с полкилометра, второе озеро есть, Сорожье. Тоже, по моему, ключевое озеро, и воды в нём в избытке. И ежели из этих озёр сток воды сделать в речку — будем мы и с электростанцией и с хорошими лугами.

Шлёпая босыми ногами по лужам, подошли два паренька, лет двенадцати. Один из них нёс корзину, накрытую полотенцем.

— Ой, а мы думали, нам и не найти тебя будет, Иван Васильевич, — заговорил один. — Нас председатель к тебе послал с хлебом. И молоко тут, и табак есть, и спички. Председатель говорит: «Снесите еды нашему водяному инженеру, он там наверно обо всём позабыл, кроме своей заботы». Мы и пошли.

— Да ты, наверно, не семейный? — спросил Африкан.

— Одинокий пока, — смущённо улыбнулся счетовод. — Вот колхоз обо мне и заботится. Ну, спасибо председателю, что не забыл обо мне. А всё-таки я своего добыюсь — расчистим исток речки, будет и у нас электростанция. Тогда и озеро не Худым, а Хорошим назовём.

— А пусть старое название, — заметил Африкан. — Врагам нашим на память, чтобы помнили, каково в русскую землю забираться.

— Мы им и без того крепких зарубок на память наделали. Не должны забывать, коли ум есть. Нет, надо будет озеро переименовать.

Мечтатели

Осенние ночи известны — темень, хоть глаз выколи. До полуночи ещё далеко, а колхозники спят уже. На улице тихо, только сторож Данила ходит от амбаров к дворам и обратно.

Заглядывает он и на ближнее гумно, от которого сладко пахнет дымком и тёплой соломой. Радостен этот дымок крестьянскому сердцу. Осень! Хлеб убран, осталось только картошку докопать. Весь день народ в поле днём крепко поработает, зато и сон крепок.

Подошёл сторож к гумну, остановился у риги, прислушался. Из риги доносились глухие голоса.

— Опять у Степана дружки сидят, картошку пекут, спорят, мечтают, — усмехнулся сторож. — И ведь, почитай, каждую ночь они собираются.

Данила закурил, перекинул старенькую берданку на другое плечо и опять побрёл к амбарам.

★ ★ ★

Дрова горят ровно, без искры, без треску. Сушильщик Степан своё дело знает, — тысячи снопов высушил он на своём веку! Рига закопчена до блеска, наполнена сухим жаром, запахом сохнущего хлеба.

У огня—трое, сам Степан и его неизменные друзья—кузнец Фёдор Ильич и пастух Пал Палыч — «завстадом», как он любит себя именовать. Кузнец, как и Степан, к теплу привык, а пастух огню рад. В его деле всячинка бывает — и холодный ветер, и пробивной до костей дождь.

Друзья едят печёную картошку, обжигаются, дуют на пальцы.

— Добра нынче картошка, рассыпчатая — хороший фрукт, — говорит Пал Палыч.

Кузнец с усмешкой смотрит на него:

— Разве картошка — фрукт? Плодоовощь это.

— Ну, плодоовощь, — соглашается Пал Палыч, выгребая из горячей золы ещё пяток картофелин. — Я говорю — хороша, сахарная.

— Фрукт — это яблоки, вишни, ну... и арбуз, — поясняет кузнец.

Степан, поправляя дрова, вмешивается в беседу:

— А вот читал я, что колхозы под Москвой стали арбузы и дыни выращивать. Значит, и у нас эта, как его, овощь этот, ну фрукт, что ли, вырастет.

— Руки с уменьем приложить — у нас, может, и не то вырастет. Была бы охота.

— Ну, арбузы, дыни пока нам ещё не так интересны, а вот яблоки и вишни надо бы свои заводить. Я вот не

так давно в Череповце был, заходил к знакомым. Дивно! У них и яблоки растут крупные, сладкие, и вишня есть. А ведь до Череповца от нас и двухсот километров не будет.

— Надо бы как-нибудь на правлении об этом потолковать. Сад бы. А? — мечтательно говорит Пал Палыч.

— Яблоней бы так на двести, на триста. Красота! — подхватывает Степан. — Был я в гражданскую войну и на Кубани и в Воронежской губернии. Ах, какие там сады! Картина!..

— Это и у нас выйдет, — отвечает кузнец. — Только бы дело начать, а наша земля всё даст, и климат позволяет. Конечно, надо от души потрудиться...

Они долго сидят молча, и каждый вспоминает то, что пришлось видеть в своей жизни. Степану кажется, что опять он, молодой красноармеец, идёт со своим полком воронежскими равнинами, — и вот село в яблоневых садах...

Кузнец — тугодум, но и по его лицу видно, что встаёт перед ним полузабытым видением нечто очень хорошее. Вот он — далёкий Крым, где пришлось ему ещё подростком быть с отцом на заработках. Мечтает о чём-то и Пал Палыч.

— Да! — шумно вздыхает кузнец. — Сады, сады! Всё это в наших руках. Думалось ли нам когда раньше, что по сто пудов хлеба с гектара получать будем. А теперь этому не удивимся. На ещё большее прицел держим. Или коровы наши — три сотни литров молока за год бывало давали, а теперь — тысячи. Опять же огороды взять, — огурца вырастить путём не умели. А нынче у каждого кадушка с солёненькими. Или коней взять — красота! Ещё война помешала, а то у нас бы и сады, и другое...

— Так в чём же дело? — удивился Степан. — Сады, сады! И сады будут. И кони другим на зависть есть, а вот автомашину нашему колхозу давно пора иметь. Может и не одну. И чего правление думает?

— Средства для этого надо, — замечает Пал Палыч. — А деньги на многое колхозу требуются и без машин. Вот осень, пора скот под крышу ставить. Конечно, дворы у нас неплохие, а всё-таки не по всей науке. Корова не только тепла требует. Ей и чистоту надо и воздух. Ты вот, Фёдор Ильич, удои похвалил, тысяч-

ные, говоришь. Да ведь не от каждой коровы, а на круг считаем. А надо, чтобы каждая по две да по три тысячи литров давала. Про костромскую породу читал? То-то же. Нам бы вот таких коров завести. Тогда и автомашины будут.

— Ах, братцы, братцы! — Кузнец даже встал. — Всё это верно. Главная-то сила в нас, колхозниках. И сад бы неплохо, и автомобили, и дворы по всей науке, и породистые коровы. Всё, говорю, в наших руках. Ну и не молчи, коли хорошее придумал, настаивай на своём.

В низенькую дверь сушила громко постучались.

— Эй, старички-домовички! Пустите погреться, — крикнул кто-то с улицы.

— Костя это мой, — сказал Степан, откидывая крючок дверцы. В неё один за другим, сгибаясь в три погибели, пролезли три паренька.

— Вот где жарынь-то! Да как вы тут терпите? — заговорил один из них.

— Терпим, — ответил кузнец. — Это кто? Костя, Васька мой и Семён, никак? И как вам охота, ребята, в такую темень по улицам бродить! Откуда идёте?

— Из села. С комсомольского собрания. Слышим в риге голоса, вот и завернули к вам. А картошка печёная есть?

— Посидите с минутку, и картошкой угощу. Вторая порция печётся, — отозвался Степан. — Что на собрании решили, коли не тайна?

— Тайны нет, — ответил Костя. — Первое — решили мы, комсомольцы, этой осенью в каждом колхозе яблоневый сад заложить. Это раз.

— Слыхал? — подтолкнул кузнец Степана.

— Второе — нашему колхозу да «Орешному» по грузовику дают. На курсы шофёров двух человек посылать надо. Василий уже заявление подал.

— Словно они наши разговоры слышали! — удивился Пал Палыч.

— Ну, ну, ещё чего?

— Много ещё чего решили. Всего сразу не вспомнишь. Я тоже послезавтра в город поеду, в командировку.

— Что за командировка?

— С председателем. Надо там разговор вести в «Сельэлектро». За техником едем. Окончательно решено

электростанцию на нашей речке строить. Не только в каждом доме, у каждого стояла на дворе лампочки будут. И машины током ворочать будем. Вот меня и посылают на монτέρα учиться.

— И моё вышло! — воскликнул Пал Палыч. — Ах, ребята, ребята! Вам-то всё это простое дело, а нам, старикам, очень удивительно. Только помечтаем, как в сказке, а оно уже и есть.

Клад

В сумерках добрались мы до охотничьей избушки, построенной кем-то чуть не сто лет назад. Впрочем, крыша не протекала, а нам это было особенно дорого — осенний дождь разошёлся не на шутку.

Африкан, мой неизменный спутник, занялся приведением избушки в порядок, а я отправился за дровами. Скоро в печке-каменке запылали сосновые смолистые поленья, и, хотя дым ел глаза, всё-таки было приятно чувствовать себя в тепле и под крышей, — очень уж угрюмо шумел за стенами избушки чёрный лес, и всё моросил и моросил затяжной дождь поздней осени...

— А вот и ещё ночлежник идёт, — воскликнул Африкан. — Кто бы это мог быть? Да никак Илья Гаврилович из Заозерья. Он самый.

Илья Гаврилович, сухонький старичок в каком-то допотопном сером армячке, вскоре появился в избушке.

— Мир на стану, полеснички! Ишь как я угодил на готовое тепло, — заговорил он. — Африкану Ильичу привет! Здравствуй и ты, товарищ, — не знаю, как вас звать, величать. Ах, хорошо, тепло у вас!

Старичок бережно поставил в угол новенькую двустволку-бескурковку и присел у огня. Африкан, хвативший в это время порядочную порцию дыма, кашлял, чихал, даже ногами топал со злости и не сразу ответил на приветствие.

— Уф! Ах! Тьфу ты! Здорово, здорово, Илья Гаврилыч. Милости просим к общему чайнику.

Началась неторопливая беседа. Из неё я узнал, что Илья Гаврилыч ходил в районный центр с каким-то по-

ручением от колхоза, а обратно пошёл лесными тропами, да вот стемнело, припоздал, совсем было хотел под елью ночевать да об избушке вспомнил...

— А верно говорят, что ты в прошлом году клад нашёл, Илья Гаврилыч? — спросил Африкан, разливая чай по кружкам.

— Правильно, нашёл ещё по осени. Раскапывал барсучью нору за речкой Иводой, на Федосовых буграх, да и наткнулся на горшочек медный. А в горшочке — серебряные копеечки, вот не больше ногтя на мизинце, Весь вечер их дома считал, больше трёх тысяч оказалось. Написано что-то на них, да уж больно мелко, не смог я и в очках прочитать. Против надписи на другой стороне — воин на коне нарисован и с копьём.

— Куда ж ты этот клад приспособил?

— Куда? — Илья Гаврилович неторопливо добыл из кармана берестяную тавлинку, подцепил из неё изрядную понюшку табаку и затем расчихался и раскашлялся минут на десять, к великой досаде любопытного Африкана.

— Где ты только эту пакость достаёшь, Илья Гаврилыч? Кажется, теперь и не нюхает никто, кроме тебя.

— Привычка! От табачного дыма больше вреда и себе и людям. А тут только один нос страдает. Апчихи! Крепко!

— На доброе здоровье! Куда, спрашиваю, клад пристроил?

— Нашёл место и кладу. К слову сказать, ты Якова Тарабарина помнишь? Из Киселёва? Хромой такой старик был, борода веником?

— Ну, как не помнить. А что?

— Вот он тоже клад нашёл. Это ещё задолго до революции было. Обрадовался, как же. Бедно жил, а тут сразу богатство. Принёс этот клад купцу Качалову. Тот деньги взвесил и говорит: «Полагается тебе за этот клад казённая цена — восемнадцать рублей. Одна треть тебе будет выдана — шесть рублей. Ты мне два с половиной должен — зачитываю, а на остальное товару в моей лавке можешь взять. Сверх того дарю тебе бутылку водки, выпей за моё здоровье».

— Ловко!

— Чего ловче! Яков водку выпил да с пьяных глаз по дороге все покупки потерял. Вот тебе и поправился!

— Нашёл к кому сунуться — к купцу! А ты, верно, клад в банк отдал?

— Сначала тоже так думал. На государственной земле найден, значит, надо государству и вернуть. А тут учитель Иван Никанорыч посмотрел мой клад и говорит: «Сдай ты его лучше в музей, для науки вещь нужная».

— Значит в музей сдал?

— Туда. Поехал по зиме в город, сбрую для колхоза закупать и клад с собой захватил. Замечательное место этот музей — и старина всякая показана с объяснением, и природа наша, звери, птицы, растения, и где в каких колхозах интересное есть, ну одним словом — три дня смотри и то времени мало будет.

— Сколько же тебе за клад заплатили?

— Полагалось мне сто десять рублей. «А зачем мне эти деньги, — говорю, — клад сдаю для науки, да и на государственной земле он найден. А я в жизни своей всем обеспечен — и от колхоза, и сын-полковник помогает. Не надо мне денег!».

— Правильно!

— А ты до конца слушай, Африкан Ильич. Вот в том музее в одной комнате увидел я разные земли, пески, глины, камни. Над ними — объяснение: есть, мол, все эти полезные ископаемые (Илья Гаврилыч с явным удовольствием и неторопливо произнёс эти, видно, ещё новые для него слова) в наших местах, а употребляются они на такие-то дела, значит, все эти глины и пески. Посмотрел я на них и вижу: нет там нашего розового песочку с максимовского косогора. Знаешь ли ты этот песочек? Даже сразу и не поймёшь — не то песок, не то глина такая интересная. Прибыл я домой, весны дождался — и на максимовский косогор за этим песочком. Хороший паёк в ящик отсыпал, свезу, мол, музею, пусть и наша земля там красуется.

— Свёз? Приняли?

— Ты слушай. Приехал я в музей, показываю эту землю. Директор её внимательно осмотрел, потом снимает телефонную трубку и звонит куда-то. «Прошу, мол, срочно приехать, интересную землю посмотреть». Ждём. Подкатывает легковая машина. Выходит из неё инженер.

— Инженер?

— Да. Инженер. С завода. Здоровается с нами и сразу за мой песочек. Давай спрашивать, где нашёл, сколько этого песку имеется. Отвечаю: «Этого песку у нас в косогоре на километр длины, да в ширину, пожалуй, не меньше. Заулыбался инженер: «Прекрасно! Это же не просто песок, а формовочная земля. Она очень нужна при литье чугуна. Из этой земли формы делают. Возим мы её издалека, большие деньги на это тратим, а земля-то у нас, оказывается, почти рядом. Хорошую вы находку сделали, Илья Гаврилыч. Это настоящий клад, и мы вас от завода за это премируем...».

— И премировали?

— А вон ружьё стоит в уголке. Это премия.

— Ну-ка, покажи, покажи!..

Африкан долго вертел ружьё, рассматривая на нём каждый винтик, заглянул в стволы, подул в них, ещё раз заглянул и наконец уважительно поставил его на место.

— Добрая, добрая премия! Удивительна нынешняя жизнь! Не золото, не серебро в цене, а такая вещь, которая всему народу полезна. За дело тебя премировали. А как бой у ружья?

Но Илья Гаврилыч, начинив свой нос новой порцией табачного зелья, чихал так, что избушка вздрагивала.

— Крепко стреляет, — решил Африкан.

Золотые луга

— Ну, брат, жарко! А дожди нет-нет да и перепадут, самые ростовые. Гляди, травы какие! Это очень даже хорошо! Нынче и у нашего колхоза в сенокосе приволье. Что удивляешься? Верно! Сенокосу у нас на три стада хватит, не то, что в прошлые годы. Да, я ведь забыл: ты в наших местах лет семь не был. Придётся тебе всё по порядку рассказать...

Максим Евсенч, старый мой приятель — колхозный пчеловод, — не любит, когда его о летах спрашивают. Седой, но угнаться за ним не каждый пешеход может, а сегодня и Евсенч от жары размяк.

— Ужо, брат, прохладный уголок найдём, посидим, покурим, — говорит он.

А местечка по его вкусу всё нет и нет: то под ёлкой у дороги сыровато, то под кудрявой берёзой обязательно муравьи должны быть, вишь, муравейник неподалёку, то под черёмухой любимое комариное пристанище...

— Давай-ко ещё с полкилометра протопаем, — предлагает Евсеич, снимая со стриженной головы рыжую кепку и ею же утирая пот с загорелого лица. — А то вот что — свернём-ка по этой тропиночке влево, шагов через сотню там доброе местечко есть. Там и отдохнём с полчасика.

Сто шагов оказались целым километром. Но старик знал, куда меня вёл, — лучшего места для отдыха нельзя было и найти. Сосновый бор круто сбегал по песчаным уступам к весёлой речке, скачущей с камня на камень в непролазной чаще ольхи, шиповника, черёмухи, смородины. А за речкой расстился ровный, без единой кочки и кустика, привольный луг. Там, далеко за лугом, сверкало озеро, и за ним опять чернела мохнатая гряда лесов.

— Узнаёшь место? — спросил Максим Евсеич.

— Кажется, Гридинское болото? — неуверенно говорю я.

— Не болото теперь, дружок, а луг! — горделиво восклицает старик. — А ну, помоги мне со спины ношу снять, кажись в ней больше пуда будет.

Помогаю Максиму Евсеичу снять какие-то тяжёлые пластины, бережно упакованные в тонкие доски и старые половики-дорожки. Спускаемся к речке, умываемся, с жадностью пьём чистую воду и лишь после этого устраиваемся на отдых.

— Племянника моего, Константина Иваныча, ты знаешь. Ещё при тебе, когда ты в нашем селе жил, он девять классов закончил, а в сорок первом на фронт ушёл. Ну, где и как он воевал, — рассказывать долго, а вернулся домой — три ордена, три медали на груди. Одно нехорошо — потерял Костя левую ногу по колено.

Рассказывает Максим Евсеич, не торопясь, посасывая трубочку...

— Так, слушай! Вернулся он домой в ту зиму, когда наши войска немецким фашистам под Сталинградом шею наcostыляли. Отдохнул Костя неделю, другую и по работе заскучал. «Ноги у меня нет — это ещё не великая

потеря, — говорит. — Пойду учиться на агронома. Выучусь — в свой колхоз вернусь».

— То да сё, и лето подошло. Костя сначала всё за книгами сидел, к экзаменам готовился, а тут правление колхоза к нему с просьбой: «Будь друг, поработай счетоводом, хоть временно. Наш счетовод, Марина, замуж в другой колхоз вышла. А ты парень грамотный».

Костя и от этого не в отказе. Дело повёл аккуратно, все им довольны. И вот заспорил он однажды с Андреем Квашниным. Ты его тоже знаешь. Вздорный старичонка, хвостун и сорвать лишнее любит. Но косы налаживать и отбивать мастер. Как сенокос, все к нему с поклоном. «Налаживай наш инструмент, Андрей Игнатьевич». Андрей и начинёт фокусы выкидывать: то у него спина болит, то глаза плохо видят. А всё к тому сведёт, что подай ему и мёду, и молока, и трудодни лишние ему насчитай...

«Кого ты, дядя Андрей, — это ему Костя говорит, — кого ты обдираешь? Свой колхоз. Постыдился бы!».

«Ах, так! — Андрей и шапку о землю. — Сам тогда косы налаживай!».

«И налажу, и отобью, а к тебе с поклоном не пойду. Несите ко мне косы».

Диву все дались, как хорошо Костя в порядок косы привёл. Ну, прямо, словно по чистой воде, а не по траве коса идёт.

Андрей фыркает:

«Ладно, ладно! Ужо посмотрю, как косы твоего боя на Гридинском болоте пойдут. Там раз по траве тяпнешь, а два — по кочкам».

Костя на это болото сам с косарями до солнышка выехал. Ты, ведь, знаешь, что это за болото было. Только лешим ноги ломать. Кочки высоченные, промеж них грязь да вода. И трава на кочках этих какими-то пучками росла, вот и тюкай косой по пучкам да потом каждую охапку сена на себе до сухого места выволакивай. Ка-торга — не работа!

Косы Костиной напрямки и здесь устояли. И отошла тогда честь дяде Андрею...

А Костя, побыв на болоте, на председателя насел:

«Почему у нас две косилки без дела стоят в такую пору? Площадей для них удобных нет? Так, что ли?».

«Так, Константин Иванович. Косилки мы в ход пу-

скаем только на уборке хлебов. А сенокосные угодья у нас почти все вроде Гридинского болота».

«Верно ни разу не подумали о том, чтобы сенокосы хорошими сделать?».

«Ну, это ты напрасно! Много раз об этом думали, однако дело не двигается. То со временем не управиться, то силёнок маловато...».

«Значит, не всё до конца додумали. Нет, больше такие сенокосы терпеть нельзя».

★ ★ ★

Осень пришла. Стали болота подмерзать, а мы в колхозе с большими делами справились, даже обмолот закончили. Костя на собрании выступает:

«Самое время, дорогие товарищи, за луга браться. Выйдем-ка на Гридинское болото, кочки срезать, кусты рубить. Земля простыла, ног не замочим, а зато легко тяпкой-шляхтой работать».

Предложение правильное. Подумали — согласились. на другой же день на болото все, кто мог, с топорами, со шляхами вышли. В ту осень раз десять так-то успели выйти, пока снег не запорошил.

Весна пришла — канав по болоту накопили по всем правилам. Из района девушку нам прислали, вот только должности не выговорить, одним словом, которая учёна тому, как болота осушать...

— Мелиоратор?

— Вот, вот! Планы она составила нам, где, когда и что делать. Видим — дело всерьёз закипело.

К сенокосу у нас чистого луга уже гектаров пятнадцать было. И трава на нём — по колено. Не осока, не белоус, а разная, самая скоту интересная. Костя в то время уже учиться уехал, но своего не забывал, в письмах писал, настаивал, чтобы не стояли у нас косилки без дела. Да нам и самим любо показалось, когда по Гридинскому болоту косилки пошли. Там, где раньше один стожок за день всем колхозом ставили, теперь на хорошем лугу да с косилками вдесятеро больше вырабатывать стали. Таким манером и стали из нашего Гридинского горького болота — золотые луга. За три года всё болото в порядок привели, весь скот сеном обеспечили с излишком. Теперь решили Онушинские болота осушить.

— Как же всё-таки до Кости вы сами не могли за болота взяться? Неужели он такой особенный человек, что сказал, — и все его слово во внимание приняли?

— Костя? Он особенный человек! — Максим Евсеевич долго морщил лоб, тряс рукой, пытаясь найти какое-то нужное слово, и наконец нашёл его:

— Организатор! Вот кто наш Костя. Человек партийный, серьёзный и главное — ор-га-ни-за-тор, — по слогам повторил старик это слово. — Таким людям цены нет.

★ ★ ★

— Ну, пора и в путь. Вишь, жара-то к вечеру похлынула.

— Учится Костя-то?

— А как же. Нынче свой институт кончает. Скоро в отпуск приедет. А ты помоги-ка мне ношу на спину закинуть, в ней, пожалуй, пуда полтора будет.

— Что это у тебя такое?

— Новые запасные ножи к косилкам. Теперь их у нас четыре штуки. А пойдём мы с тобой теперь не дорогой, а тропой через Гридинские луга, этак километра два выгадаем.

На дальний зов

На утренней заре старый лось выходил к озеру на водопой. Шёл зверь, не хрустнув и малым сучком, не стряхнув росы с ветвей. Долго стоял на берегу, настораживая уши, шевеля ноздрями, прислушивался, приглядывался — нет ли чего недоброго.

Столбами плыл, качался над озером туман, розовый и голубой в разлив зари. Высоко над туманом, в чистом небе летела чайка, и крылья её сверкали, как золотые серпы в лучах солнца, ещё не видимого отсюда, снизу. На середину залива выплывала старая хитрая гадгара. В еловой чаще, над ручьём-говоруном посвистывали рябчики, словно в серебряные дудочки. И лось спокойно входил в воду, погружался в неё по плечи, вздрагивал от наслаждения всей кожей, и пил, пил, зорко косясь на ближний мыс, на его непролазные заросли.

Так было и в это утро. Но, когда лось, напившись, вышел на берег, прошумел по лесу ветерок, принёс зверю запах человека. И лось, всхрипнув, метнулся в чащу, треща валежником, стряхивая росу с ветвей.

Этот же ветерок донёс тревожный запах и до медведицы, что учила своего медвежонка охоте на муравьёв. Она замерла на миг, потом злобно ощерила желтоватые зубы и чуть слышно заворчала. Однако железом и дымом не пахло, этих запахов не любят звери, медведица успокоилась, но всё же неслышной поступью торопко заковыляла прочь, в кустарник. И так же неслышно побежал, покатился за матерью и медвеженок, так же, как и она, время от времени останавливаясь, нюхая воздух.

... Белка сбегала вниз с вершины ели, где было её гнездо и в нём маленькие. Но вдруг она сердито зацокала и комком рыжего пламени взвихрилась обратно по чешуйчатому стволу, оттуда перепрыгнула на сухую берёзу, пробежала до нижнего сука, прилегла к нему и, с любопытством глядя вниз, зацокала ещё яростнее, забранилась по-своему на тех, кто помешал ей спуститься на землю, поискать птичьих гнёзд. На беличий крик прилетела сорока, зашныряла по елям, застрекотала на весь лес.

Утренний ветерок, беличье цоканье, сорочий стрёкот разбудили лежавшего под сосной Васю. Он долго протирал глаза, потягивался, но вдруг, вспомнив что-то, вскочил, и лицо его стало озабоченным, невесёлым. Федя и Венька ещё спали, поджимали босые озябшие ноги.

— Ребята, вставайте, пора! — затормошил их Вася. — Проспали и хватит. Вставайте, идти надо!

Они проснулись, с удивлением осмотрелись. Венька слезливо сморщился, задрожали губы и у Феди.

— Эх, вы! Хныкалы! — укорил их Вася, хотя и самому было невесело. — Не вздумайте реветь! Ну, что ж, вчера заблудились — сегодня дорогу найдём! Слезами горю не поможешь. Потом самим стыдно будет.

— Есть и пить хочется! — вздохнул Венька.

— Ишь ты! А потерпеть не хочется? Какой из тебя солдат будет! Пошли!

— Куда пойдём-то?

— Вон туда, — махнул Вася рукой на восток. — Солнце за нашим посёлком восходит, а лес к западу будет. Поняли? Ну, за мной!

Лес, лес и лес. То мрачные еловые чаши, где не растёт трава — заглушает её толстый слой опавшей, бурой хвои, то весёлые полянки с травой по пояс, с берёзками и осинками, то косогоры в курчавом можжевельнике, то песчаные бугры и на них величавые сосны, то ржавые болотца с чахлыми, словно обожжёнными снизу сосенками. Ещё только что встало солнце, ещё в обильной росе была трава, а уже лились, текли лесом потоки зноя. Тяжело гудели шмели, на солнечном припёке плясали дымными столбиками толкунчики. Словно море где-то зашумело мерной зыбью — запел, загулял в лесных вершинах летний ветер.

Вот и вчера таким же радостным, светлым, многошумным был этот лес, когда вошли в него три паренька, три друга, в поисках душистой лесной ягоды — малины. А ведь всем известно, что самые обильные малинники на старых гарях, на вырубках. Вася — за старшего, он бывал на Гришкиной ниве, знал по рассказам Клим Егорыча — заводского сторожа, первого охотника и рыбака в посёлке, что там малины возами не увезёшь. Пошли да и заблудились, заплутались. До ночи ходили лесными тропами, а лесные тропы обманчивы. Вот на топтана, набита тропа, словно по ней тысячи людей прошли, и вдруг ныряет она в кусты, и нет её...

Ночевали под сосной, жались для тепла друг к другу. Сны видели простые, домашние. А проснулись — не радует летнее утро. В одиночку каждый бы всплакнул да при товарищах стыдно нюни распускать.

Вася шёл впереди уверенным шагом человека, знающего дорогу, посвистывал, заговаривал с друзьями, покрикивал:

— А ну, не отставать!

— А вот что, ребята, — сказал он, когда выбрались они на какую-то горку и остановились под высоченными елями. — Заберусь-ка я на ёлку, с неё далеко видно будет, может деревню какую замечу.

Венька и Федя с уважением и некоторым страхом наблюдали за ловкой фигурой Васи, мелькавшей среди мохнатых еловых лап. Это тебе не дома на огороде на

черёмуху залезть, ель-то вон какая, за неё чуть облака не зацепляются. Вот Вася совсем скрылся, вот задрожала, закачалась верхушка ели, и донёсся Васин голос:

— Я — на верху!

— А что видишь? — перебивая друг друга, закричали Венька и Федя.

Ответа не последовало. Равномерный, мощный гул ветра, бегущего по лесным вершинам, заглушал их голоса. Крепко обняв руками покачивающуюся вершину ели, Вася жадно всматривался вдаль, но кругом под ним был только зелёный океан, темнеющий там, где на него падала тень плывущего облака, то жёлтоватый — там были болота, то ярко-зелёный, где шумели берёзовые рощи. Ни крыши человеческого жилья, ни серебряной ленточки реки...

Мерный рокот донёсся до Васи. Почтовый самолёт голубой стрекозкой мелькал под облаками. Вот он всё ближе, ближе, вот уже хорошо видны большие чёрные цифры на его крыльях.

Вася с завистью вздохнул. Лётчик, наверное, видит заводской посёлок. Ах, крикнуть бы лётчику: «Дядя, возьми нас!».

Но вдруг Вася свистнул и начал торопливо спускаться вниз.

— Слышали — самолёт летел? — крикнул он своим друзьям, спрыгивая на землю.

— Слышали. А что?

— Ведь это почтовый. Он каждый день над нашим посёлком пролетает в райцентр и обратно. Поняли теперь?

— Да ведь мы это знаем.

— Значит, не поняли! Он на посёлок летит, значит, и нам в ту сторону идти надо. Пошли!

Нашли полянку с черникой, поели немножко. Но голода этим не утолили. Ноги стали какими-то непослушными, вялыми, цеплялись даже за траву.

Обрадовались, выйдя на какую-то дорогу, но тут же поняли, что по этой дороге только зимой за дровами ездили, желтело на ней старое сено.

— Вы лучше глядите, — говорил Вася. — Не увидите ли где у дороги дрова или брёвна. Бывает, что

навалит возчик большой воз, и лошади не сvezти. Приходится несколько кражей сбросить.

— Ну и что же из этого?

— Эко не понимаете! Да ведь длинные кражи либо брёвна на сани комлём вперёд кладут. Вот если у дороги такие дрова будут, значит они комлём к деревне лежат.

Но скоро дорога уперлась в болото, такое непролазное, в чёрных яминах, залитых бурой заплесневелой водой, что ребята постояли, подумали и поплелись сухой окраиной леса.

Отдохнули, напились и умылись на берегу ручья-ворчуна в зарослях ольхи и красной смородины. Спелых ягод на ней было много, но поесть их не удалось,— там, в кустах, оказалось осиное гнездо, а воевать с осами из-за такого пустяка, как ягоды, не стоило.

Давно вдали что-то глухо постукивало, поварчивало, но ребята на это и внимания не обращали. Ахнули только тогда, когда в лесу внезапно потемнело и вихрь зашумел, засвистел в вершинах елей. Грозовая туча, вспыхивая молниями, нависла над притихшим миром...

Отсиделись под огромной земляной лепёхой-выскородью, которую вывернула своими корнями немалая ель. Видимо ещё недавно свалил её ветер, ещё не пожелтела, не осыпалась хвоя с этой ели.

Но как только ребята снова тронулись в путь — промокли насквозь. С каждой ветки, чуть только тронь её, сыпались водяные капли. Тёплый тонкий туман повис в лесу; невидимый в этом тумане, опять пророкотал самолёт.

Усталость всё более клонила ребят. Каждому мечталось об одном: о горбушке хлеба, посыпанной солью. Казалось, дороже этого нет ничего. Противно прилипала к телу мокрая одежда, начали зябнуть руки. Но ребята всё шли и шли.

Чтобы не унывалось, Вася всё время что-нибудь рассказывал, выдумывал. Но всё безразличнее относились его товарищи к этим рассказам...

— Стой! Тихо!—вдруг скомандовал Вася.—Тихо! — сердито повторил он, когда Федя кашлянул

Он прислушивался к чему-то очень долго. И, наконец, закричал:

— Слышите? Наш гудок, заводской. Ну, теперь-то мы дома! Пошли, пошли. Ну, только не шуметь — скоро второй будет. Значит — вечер, конец работы!

Действительно гудок запел ещё раз. Теперь он был хорошо слышен всем троим, и улыбки появились на лицах ребят. Забылись усталость, голод, ноги словно сами шли.

И вот гудок запел третий раз. Вася в удивлении пожал плечами.

— Почему он гудит опять? Уж не случилось ли чего? Не пожар ли?

Гудок пел очень долго. Вот перестал на несколько минут, и над лесом опять понеслось медное — «А-а-а-а!».

Резкий свист заставил ребят вздрогнуть и остановиться. Раздвигая кусты, навстречу им шёл Клим Егорыч с ружьём за плечами.

— Здорово, молодцы! — с усмешкой снял он перед ними шапку. — Где побывали и что повидали? Ах, вы, бродяжки несчастные! Мокрёхоньки, голоднёхоньки! Как вас ноги несут?

Обычно заводские ребяташки побаивались заводского сурового сторожа, но сейчас они так обрадовались ему, что хоть бы и раскричался на них — не страшно.

— Ах, потеряшки, красные рубашки! — подтрунивал старик. — Вот поплакали-то! И лешего, наверно, встретили!

— Ну, уж, нет. Мы не плакали! А встретили только вас, леших не бывает!

— То-то же! Ну, вот вам хлеб — ешьте. Наделали вы хлопот. Ищи вас!

— Мы гудок слышали, на него шли. Дяденька, а что на заводе случилось? Очень часто гудок гудит. Не пожар ли?

— Какой пожар! Директор приказал через десять минут гудки давать, чтобы вы слышали, догадались, куда идти. Ну, надо и мне свой сигнал дать, что нашлись вы, я не один вас ищу, а и другие охотники.

Он выстрелил два раза и, когда издалека донеслись ответные выстрелы, сказал, закуривая:

— Всё в порядке! Пошли домой!

Ночь в лесу

На развилке лесных дорог машина остановилась.

— Ну, дальше нам не по пути, — сказал шофёр, — мне налево, вам направо. Километра через полтора будет дом лесника, а оттуда рукой подать до Кужина.

Через минуту красный светлячок стоп-сигнала машины пропал за поворотом.

Непроглядная тьма окружила меня со всех сторон. Порывистый ветер раскачивал вершины деревьев, и шум их казался рокотом океанских валов. В лицо хлестал косой дождь. По временам из глубины леса доносилось глухое уханье, словно что-то рушилось.

Минут через десять одежда моя промокла насквозь. Чемодан, обычно такой удобный и лёгкий, сейчас нестерпимо оттягивал руку и бил по ногам. В сапогах хлопала вода. В довершение всего, я два раза упал, споткнувшись о невидимые во тьме коряги. Иногда лес озарялся бледными вспышками далёкой молнии. При одной из вспышек я заметил впереди человека, стоявшего у края дороги.

— Эге-гей! — бросился я к нему. — Скажите, где дом лесника?

— Подождите. Вода прибывает, — отмахнулся он раздражённо и вдруг, цепляясь за кусты, стал спускаться с дороги куда-то вниз.

«Какая там ещё к черту вода! Хорошо ему в дождевике, а тут... Занесла меня нелёгкая», — думал я со злостью.

Однако он вскоре вернулся и, коротко бросив: «Пошли», крупно зашагал по дороге. Я едва за ним поспевал.

Вскоре мы свернули на тропинку. Невдалеке приветливо затеплился огонёк жилья.

Через несколько минут я вошёл в просторную комнату с высоким потолком и огляделся.

На столе ярко горела большая керосиновая лампа, лежала книга Ажаева «Далеко от Москвы». Налево высилась свежепобелённая русская печь, направо — никелированная двуспальная кровать, рядом с ней комод, а между двумя окнами приютилась этажерка, с низу до верху набитая книгами.

Я опустился на табурет возле натопленной печи, и меня тотчас же охватила истома. Сквозь полудремоту я услышал доносившийся из соседней комнаты хрипаватый настойчивый голос.

— Пойми, не паникую, нет! Ты меня не успокаивай... Да ведь если размоет, вода пойдёт по оврагу на молодую посадку. Тогда что? Нет, нет. Давай лучше туда молодёжный пост с лопатами, и пока не вышлешь — не отстану. Ведь кровное наше там. Труда сколько! Высылаешь? Вот молодец.

Коротко звякнул телефон. Мой спутник вошёл в комнату.

— Теперь давайте знакомиться, — сказал он, приветливо улыбаясь и протягивая широкую ладонь. — Силантьев, лесничий, хозяин этого дома.

Он был невысок, кряжист, на висках — седина. Худощавое лицо сильно обветрено. В углах рта и на лбу — резкие, глубокие морщины. Но глаза... Светлосерые, с задорным блеском юности, они внимательно и чуть-чуть насмешливо смотрели из-под густых бровей, — глаза человека, который всю жизнь ищет нового и не боится никакого дела, как бы ни было оно сложно.

Я пожал протянутую руку и назвал себя.

— Значит, в Кужино? Ну, тут недалеко, утром дойдёте, а теперь располагайтесь, как дома. Старуха моя в Вологду в гости к родным уехала.

Он взял со стола лампу и, усилив пламя, переставил её на подоконник.

— Зачем это вы? — любопытствовал я.

— У нас закон такой. Ночью в каждом лесном жильё огонь должен гореть, как маяк на море. Мало ли что с человеком случиться может. Заблудится, допустим...

— Хороший закон для таких глухих мест.

— Как вы сказали? «Глухих!» — повторил он с обидой, выпрямляясь и доставая из печки чайник. — Да вы

хоть немного наши места знаете, что так о них говорите? И, безнадежно махнув рукой, предложил:

— Давайте пить чай!

Мне стало не по себе: неосторожным словом я огорчил человека, горячо любящего родной край.

Через полчаса я слушал Силантьева. Он ходил по комнате, куря трубку, и рассказывал:

— Суров наш край. Приезжему человеку, особенно южанину, спервоначалу просто жутко становится. Вот и вы, наверное, думаете: «Чорт знает куда попал: на Украине теперь арбузы созрели, всё живое от жары млеет, а тут возле печки греешься!». Ведь, признайтесь, думаете так?

Я невольно улыбнулся, а Силантьев шутливо погрозил мне трубкой:

— То-то ж! Сначала, конечно, страшновато может показаться здесь. Особенно, если махнёшь сюда прямо из Крыма или с Кавказа: северные леса — не виноградники. Только нельзя на природу нашу вскользь смотреть, а есть такие верхогляды. Едва приедут, как на другой день уже ноют: «Холодно, болота, лето короткое». Нет, наш край нужно видеть внутренним глазом — сердцем! Видеть и понимать его глубоко и всецело. Но до этого не сразу дойдёшь.

Силантьев замолчал. Он выколотил трубку, набил её вновь, закурил и с воодушевлением продолжал:

— Красивый наш край, богатый. Леса густые, сосна мачтовая огромная: голову закинешь посмотреть на вершину — шапка валится! Или озёра!.. Какая ведь это красота. Летом идёшь ночью... А у нас летом ночи короткие и светлые, — белыми их называют... Так вот, делая по лесу обходы, сосны кругом сплошной стеной, вдруг стена обрывается и впереди — озеро, чистое прозрачное. Лежит оно, словно красавица спящая. Иногда рябь по воде пробежит, будто вздыхает озеро во сне; камыши прошуршат, да сонная кряква где-то голос подаст, и снова тишина. Подойдёшь к берегу, наклонишься над водой, и видно, как рыба косяками стоит, спит... Рыболову тут есть где разгуляться. В каждом озере или речке рыбы столько, что хватит прокормить большой город. Охотой, наверное, не занимаетесь?

Я отрицательно покачал головой, а Силантьев хитро подмигнул мне.

— Здесь это первое дело. В наших лесах столько дичи, что в других краях, пожалуй, не сыщешь. Тетеревов, глухарей — тьма! Вот вы сказали «глухие места». Неверно это. В царское время действительно считался наш край чуть ли не концом света — заброшенной дикой стороной. Лесом мы, как стеной, от всего хорошего отгорожены были. Лучиной освещались. Про электрический свет никто и слыхом не слыхал. А сейчас, вы знаете, какими делами народ ворочает?..

Силантьев пытливо посмотрел мне в глаза, и в голосе его зазвучало искреннее волнение:

— Электростанцию кужинцы строят! Смотрите.

Он извлёк из книги, вложенный туда небольшой чертёж и горячо принялся объяснять:

— Вот два озера. Северное немного выше южного. Расстояние между ними метров триста. Если рыть канал, по которому вода пройдёт из северного озера в южное, то сколько кубов земли нужно выбросить?.. А вот в этом месте овраг. Чтобы соединить его вершину с северным озером, нужно прорыть канал длиной только в шестьдесят метров, а нижний конец оврага — всего лишь в тридцати метрах от южного озера. Соедини овраг с озёрами и, пожалуйста, ставь плотину!

Силантьев торжественно взглянул на меня.

— Рассказал я о своей думке председателю Кужинского сельсовета. Подсчитали мы, примерно, во что нам электростанция обойдётся, если приняться за неё методом народной стройки. Видим, по плечу нам такое дело! Поехали к секретарю райкома: коммунисты мы оба, да и без него как же такое дело начинать. Бюро райкома вынесло решение — строить! Направили в Вологду, от туда комиссия приехала, подробно обследовали район: насколько выше расположено северное озеро над южным, какой грунт, возможность стока избытка воды из южного озера. Составили проект, и в июне приступили мы к земляным работам. Северный канал уже почти закончен. Его отделяет от озера только перемычка...

Силантьев встал и прошёлся по комнате. Остановившись у окна спиной ко мне, он с тревогой сказал:

— А южный ещё только начали рыть. Если вода пойдёт по оврагу, а оттуда — на молодую посадку, то... вы понимаете, что получается?

Я вспомнил нашу встречу в лесу и отрывок из слышанного мною телефонного разговора.

В окно ослепительно блеснула молния. Грохнул оглушительный удар грома. И тотчас же кто-то отчаянно забарабанил по стеклу.

— Дядя Силантьев, дядя Силантьев! — донёсся снаружи приглушённый ветром мальчишеский возглас.

Силантьев приник к стеклу:

— Кто там?

— Я, Давыдов! Наш школьный пост возле насыпи! Звони скорей в Кужино, пускай подмогу высылают! Вода почти до верху перемычки поднялась.

— Сейчас приду! Кто там с вами?

— Елена Петровна!

Силантьев обернулся ко мне. У него было напряжённое лицо солдата, который сейчас же должен ринуться из траншеи в атаку.

— Ну, дорогой товарищ, — сказал он, переходя на «ты» и чеканя каждое слово, — выручай! Там на перемычке трое школьников с учительницей. Пока придёт подмога, каждый лишний человек дорог!

Он выбежал к телефону...

Услышав ребячий голос, я сразу понял, что Силантьев тотчас уйдёт, и тут же решил идти вместе с ним. Судьба будущей электростанции уже волновала и меня.

Через несколько минут, захватив с собой лопаты, мы быстро шли по тропинке, впереди Силантьев с зажжённым фонарём.

Дождь стихал, но ветер усиливался, и лес шумел, словно бурное море.

Мы пересекли дорогу и стали спускаться вниз по довольно крутому откосу, должно быть, того оврага, о котором говорил Силантьев.

Скоро под ногами захлюпала вода. Силантьев фонарём осветил ручеёк, бежавший по дну оврага, и тревожно сказал:

— Плохо.

Мы пошли вверх по оврагу и вскоре услышали протяжный женский крик:

— Ва-а-ля, быстрее-е-е!

Первым на перемычку взобрался Силантьев.

— Осторожно! — предупредил он, обернувшись.

При свете фонаря я увидел у самых ног угрожающее колыхание чёрной воды.

— Кто там?

— Я, Силантьев!

— Ох, Александр Степанович, скорей сюда! — торопливо-радостно крикнула женщина.

Мы подошли. Под напором поднявшейся воды большой кусок насыпи обвалился, образовав промоину. Какой-нибудь метр оставалось преодолеть воде, чтобы с рёвом устремиться в овраг.

Возле промоины копошилась женщина в одном платье, укреплявшая с внешней стороны нечто вроде плетня.

— Ребята землю носят... В двух местах уже засыпали... Там дальше ещё одна промоина... — волнуясь, пояснила она.

— Пошли скорей! — скомандовал Силантьев.

— Да, да, скорей! Я вам Колю Давыдова пришлю!

Вторая промоина была ещё больше первой.

— Эх, чорт, если через полчаса подмоги не будет — размост!

Силантьев поставил на землю фонарь и поднял валившиеся на перемычке носилки для переноски земли.

— Дядя Силантьев!

Я оглянулся. Сзади стоял парнишка лет пятнадцати с большой вязанкой хвороста за спиной.

— Вы землю, землю давайте, — говорил он, запыхавшись, — а я буду укреплять.

Я узнал его по голосу, — это с ним говорил Силантьев через окно.

— Смотри, в озеро не свались! — ответил Силантьев. И мне: — Это Коля Давыдов, сын председателя сельсовета.

В тоне его голоса я подметил горделивые нотки... Много раз мы с ним прошли взад и вперёд по скользкой от дождя зыбкой насыпи, перенося на носилках землю и ссылая её в промоину, где работал Коля по пояс в воде, устанавливая плетень.

Он работал сосредоточенно, не глядя на нас. А вода была холодная: конец сентября. Время от времени Силантьев, сложив ладони рупором, кричал:

— Елена Петровна-а-а! Как дела-а-а?

— Засыпа-а-ем! — был неизменный ответ.

Наконец, со стороны дороги показался свет фар двух автомашин.

— Едут, едут! — воскликнул Силантьев и в избытке чувств обнял меня.

— Еду-у-ут! — счастливо вторила ему Елена Петровна с другого конца насыпи.

В лесу замелькали фонари.

— Силантье-е-ев! — донёсся чей-то бас.

— Сюда!

Возле насыпи появились люди с лопатами и деревянными носилками.

— Звено Лютова — за фашинником! Звено Лебедева — носить землю! Громов, ты со своими будешь крепить! — загромыхал совсем рядом бас Давыдова. Силантьев отошёл, и я потерял его из вида.

Люди работали молча и быстро. Никто не стоял без дела. В напряжённом темпе работ чувствовался единый порыв, единое стремление спасти мечту, начавшую воплощаться в жизнь. Этот порыв захватил целиком и меня. Вместе с каким-то парнем я носил землю, потом помогал укреплять насыпь и, странное дело, не ощущал усталости.

— Плотнее, плотнее вяжи! Не жалея ивянку!.. Щебёнки давай сначала! — то и дело слышался бас Давыдова, руководившего работами...

Сколько времени это длилось — сказать трудно. Почти рассвело, когда Давыдов скомандовал:

— Кончай работу!

Работавшая неподалёку от меня девушка в мокром платье, плотно облегавшем её стройную фигурку, выпрямилась, погрозила озеру кулаком и задорно воскликнула:

— Не вышло? Подожди, мы тебя запряжём!

Это была учительница.

— Я знал, что вы пойдёте работать, — слышался за моей спиной голос Силантьева.

Я обернулся и снова увидел его юношески блестящие, как будто вымытые глаза.

Сойдя с насыпи, мы уселись на огромный замшевый валун и закурили.

Дождь прекратился; ветер почти утих, как бы поняв, что ему не превозмочь упорство человека; по светло-голубому небу бежали разрозненные кучевые облака.

В густом обрамлении сосен, теперь мирно плескалось озеро. Задымили костры: люди обсушивались.

— Вон Давыдов, — кивнул Силантьев в сторону насыпи.

К нам, широко улыбаясь, быстро шёл человек в армейской гимнастёрке, ростом ещё ниже Силантьева. Прямо не верилось, что он обладает таким громохатым басом. Мы познакомились. Давыдов присел рядом с Силантьевым и довольно загудел:

— Отстояли, Александр Степанович! Ох, и напугался же я!

— Брось! — отмахнулся Силантьев. — Тебя, пожалуй, напугаешь!

— Да говорю тебе, напугался! Людей подбадриваю, а у самого сердце холодеет: «Что если прорвёт?».

— Не сто́ит вспоминать.

— Нет, сто́ит! Я хочу Елену Петровну премировать. Мне сейчас Колька сказал, что она почти всю ночь по пояс в воде проработала.

— Да твой Колька тоже из воды не вылезал. Ты их обоих премируй обязательно! — убеждённо сказал Силантьев.

— Колька? Он такой... — Давыдов, не договорив, поднялся с валуна, привычным движением расправил складки гимнастёрки возле пояса и, улыбнувшись, добавил. — Она вчера у меня была, когда ты звонил. Говорит: «Пусть колхозники отдыхают, а я с ребятами подежурю!». Я отговаривал и так и этак, а она всё на своём стоит. Пришлось отпустить. И Колька с ней пошёл.

Подумав немного, Давыдов решительно сказал:

— Учительницу премирую! Ну, а сыну от себя фотоаппарат подарю: он днём и ночью им бредит. Значит вечером лекцию дадим в клубе? — обратился он ко мне. Я утвердительно кивнул. Давыдов пошёл к кострам. Вдогонку ему Силантьев крикнул:

— Акт на порубку кустарника сегодня пришлю!

— Ладно, присылай, подпишу! — прогудел Давыдов.

У костров весело засмеялись. Силантьев улыбнулся и сокрушённо развёл руками.

Из-за вершин деревьев брызнули первые лучи солнца, и мелкая рябь на поверхности озера превратилась в расплавленное серебро.

Я взглянул на часы — было ровно четыре часа утра.

Семёновна

В колхозный клуб прибежал Ваня Уткин, возбуждённый и радостный, но, увидев на сцене Зою Морозову, секретаря комсомольской организации, пробурчал:

— Ну, Зоя, не во-время же ты репетицию задумала проводить.

— А что случилось?

Ваня ловко прыгнул на сцену и протянул девушке большой букет черёмухи.

— Ты посмотри, что на улице делается. Черёмуха цветёт! Оба берега реки белы.

Электромеханик Ваня Уткин слыл в колхозе «Рассвет» любителем красот природы, поэтому Зоя и не удивилась его восторженному настроению. Ей и самой хотелось побежать в поле, подышать свежим весенним воздухом, пойти на зелёный луг к реке, где каждый вечер собирается молодёжь и заливается «хромка» Васи избача. Но сегодня вечером Зою ожидало большое дело: ей нужно срочно подготовить новый скетч.

Зоя поблагодарила Ваню за букет и только тогда спохватилась:

— А где Клава? Почему ты один?

— Разве она не приходила?

— Я думала, она с тобой.

— Значит уехала? — сокрушённо воскликнул Ваня.

— Куда уехала? — с тревогой спросила Зоя.

— За каким-то удобрением в Вологду. И чего ей только нужно? Вчера ходил с ней в поле. Лён на её участке и так лучше всех.

— Зря её отпустил! Кто же теперь её роль играть будет?

— А что мне было делать? — оправдывался Ваня. — Я и то ей говорил, что съездят и без неё, если надо. А она слушать не хочет. «Ездили, — говорит, — прошлой весной и привезли совсем не то, что требуется. А нынче не хочу два раза лошадей гонять».

Ваня хотел ещё что-то сказать, но на пороге появилась Дарья Ушакова, прославленная колхозная доярка, которую в колхозе все звали Семёновной.

Дарья неспеша расправила складки фартука и, закрыв рукой глаза от яркого света, громко заговорила:

— Добрый вечер! Что же это вы двое во всём клубе сидите, а четыре лампочки жжёте, электричество понапрасну расходуете?

— Зря вы, Семёновна, беспокоитесь, — бойко ответил Ваня. — У нас теперь своя электростанция, току на всё хватит.

— Ишь ты, расхвастался, — сердито оборвала его Дарья. — А о том не подумал, чтобы эти излишки света соседям передать? Ведь в «Ниве» и «Ударнике» всё ещё люди с керосиновыми лампами сидят. Да и у нас на дворе до сих пор электродойка не устроена.

— А ведь правду говорит Семёновна, — поддержала её Зоя. — Нам, Ваня, на очередном комсомольском собрании надо обязательно обсудить.

Пока комсомольцы разговаривали между собой, Дарья подошла к Доске почёта. На доске были красиво размещены семь фотографий. С одной из них смотрела на Дарью пожилая, но красивая круглолицая женщина с добрыми глазами и чёрными, расчёсанными на прямой пробор, волосами.

Вдруг Дарья резко повернулась к комсомольцам и взволнованно спросила:

— Вы, кажется, доской-то этой заведуете?

— Да, мы, — ответила, насторожившись, Зоя. — А что?

— Надо убрать мой портрет отсюда да поскорее.

— То есть... как это убрать? — переспросил Ваня и от удивления даже привстал со стула. — По какой такой причине?

— Не заслужила я этой почести.

Комсомольцы изумлённо смотрели на доярку.

— Нет, вы толком расскажите, что случилось? — допытывалась Зоя. — Ведь на Доску почёта мы вас по решению правления колхоза и партийной организации занесли. Без них и снять не можем. А притом ваш портрет и в районе перед окнами самого председателя райисполкома висит.

— Вот то и плохо, — заметила Дарья. — У нас как начнут кого хвалить, так и хвалят без конца. Не видят того, что за спиной этого человека другие люди выросли и давно все его рекорды перекрыли.

— Да о чём вы говорите?

— А о том, что Настя Светлова вторую декаду первенство в соревновании держит. В первую на тридцать шесть килограммов, а во вторую — на полцентнера больше от своего стада молока надоила. И я прошу вместо моего её портрет сюда поместить.

Дарья повернулась к двери, собираясь уходить, но Зоя задержала её.

— Пойдите, Семёновна! Через два дня в колхозе вечер будет... Передайте это своим товаркам.

— Какой вечер? — заинтересовалась Дарья.

— Вы ведь знаете, — сказала Зоя, — что у нас племенная свиноферма открывается, так вот правление колхоза пригласило на её открытие знатную свиначку страны, нашего депутата в Верховном Совете СССР Александру Евгеньевну Люскову.

— Александру Евгеньевну? — тихо переспросила Дарья. И вдруг заговорила взволнованно, — Да что мне раньше-то ничего об этом не сказали? У меня и в избе не мыто. Как же я её в гости приглашать буду?

— В гости?! А разве вы её знаете?

— Да я, милая, с ней, как сейчас с тобой, целую ночь разговаривала. Помнишь, зимой меня на курорт в Крым посылали?

— Конечно, помню.

— Так вот как раз мы с ней в один вагон и попали. Её в Москву в Сельскохозяйственную Академию вызывали. Лекции она должна была там академикам и студентам о свиноводстве читать, об опыте своём рассказывать. И о чём только в ту ночь мы с ней не переговорили. «И тебе не страшно, — спрашиваю, — перед учёными-то выступать?» «Да ничего, — говорит, — уж не первый раз, привыкла. А ведь и ошибусь в чём, — так поправят. Им ведь тоже приходится из-за нас, практиков, многие поправки в свои труды вносить». И такая она радушная, обходительная, до самой Москвы со мной проговорила. Про колхоз наш всё выспросила и про себя многое рассказала. Ведь она ещё до войны мировой рекорд по выращиванию свиней поставила,

англичанам и американцам в этом деле нос утёрла. Рассказывала и про то, как Сталина увидела в первый раз.

— Распрощались мы с ней в Москве, а я всю дорогу о ней размышляла. Подумать только, кем она была раньше? Простая крестьянка, неграмотная. А нынче академиком советы даёт, в Верховном органе нашего государства участвует. Нет, молодёжь, вам это трудно понять, потому что вы старой жизни не видали!

Дарья замолчала, потом посмотрела на Ваню, и лёгкая добродушная улыбка озарила её лицо.

— Пришла вон ваниюшкина сестра меня перед выборами агитировать, а я сама на каждом шагу заботу о себе со стороны нашей власти чувствую. Ну, и говорю ей: «Расскажи-ка мне лучше, почему твой отец только одну зиму в школу ходил, да где он спину надорвал? А на котором году от роду твоей матери шёлковое платье купили?». Не ответила она мне на эти вопросы, а я думаю — вы все обязаны это знать. Обязаны потому, что пяти лет вы уже галоши просите, а десяти — вам костюм шерстяной подай. А об учёбе и не говорю: каждый в институт метит. Ну, ладно, заговорила я тут с вами, а мне через час надо коров кормить. Расскажи-те-ка, как вечер-то думаете проводить?

— Ах, да... — спохватилась Зоя, вставая со скамейки. Она так заслушалась Семёновну, что забыла и про репетицию.

— Видите ли, Семёновна, — объяснил Ваня, — вечер самодеятельности мы решили устроить. Пляски и песни у нас готовы, но вот с пьеской загвоздка получилась, артистка наша Клава в Вологду уехала.

— Обожди, Ваня, — перебила его Зоя. — Идея мне в голову пришла.

Зоя взяла за руку Дарью.

— Семёновна, милая, выручи нас, пожалуйста!

— В чём?

— Сыграйте Клавину роль.

— Что ты, милая! Какая же я артистка? Коров доить или корм скоту приготовить — это могу. А на сцене сроду не приходилось представлять.

— Ничего, Семёновна, у вас хорошо выйдет. — Зоя увлекла женщину на сцену. — Вот увидите, выйдет. Роль-то как раз к вам подходит: тоже доярку надо

сыграть, и по годам она должна быть немолодой. Вам и гримироваться не надо. Что же это мы, Ваня, раньше с тобой не додумались? Ведь Семёновна сама на курорте была и обстановку тамошнюю знает.

— Обожди радоваться-то, — возразила Дарья. — Расскажи толком, что это за доярка, которую я представлять должна?

— А такая же, как вы, колхозница. Действие происходит на одном из курортов Черноморского побережья, где эта доярка отдыхает. Я вам сейчас прочту весь скетч, тут всего три листочка.

Зоя поднялась на сцену и возвратилась оттуда с репертуарным сборником. На его коричневой обложке Дарья прочла крупные белые буквы: «Клубная сцена».

Зоя стала читать скетч. Ваня начал мастерить из синей бумаги абажур к электрической лампочке. Дарья сначала рассеянно слушала, но по мере развития действия заинтересовалась, подсела ближе к Зое и жадно ловила каждое слово.

Скетч назывался «Беспокойная». В нём рассказывалось, как одна доярка, отдыхающая на курорте, беспокоилась о своём стаде, ухаживать за которым осталась молодая девушка. Тревожные думы довели доярку до того, что она просит доктора отпустить её домой раньше срока. Доктор противится.

«А добром не отпустите, — я шкodu сотворю!» — выразительно читала Зоя.

— Какую «шкodu»? — перебила Зою Дарья.

— По-моему, доярка хочет скандал устроить, так как дальше написано, что она пол-литра водки собирается для этой цели выпить.

— Ну, девушка, тут что-то не то, — решительно заявила Дарья. — Что за доярка, если она хулиганством думает на курорте заниматься. И как у неё язык-то на такие слова повернулся: «шкoda», «пол-литра».

Зоя многозначительно посмотрела на Ваню. Он сложил свою работу и тоже внимательно слушал скетч.

— А ну, читай дальше, — попросила Дарья.

— А дальше доярка говорит, что её тогда непременно выпишут, потому что в правилах санаторных написано: «За появление в палатах в нетрезвом виде — пошеям из санатория».

— Так и написано «по шеям?» — с удивлением переспросила Дарья.

— Да. Всё это выражение даже в кавычках стоит. Видимо, в самом деле такое правило на курорте было.

— Неправда это! — гневно запротестовала Дарья. — А ну-ка покажи, кто это выдумывал такое?

— Леонид Ленч — известный мастер маленьких рассказов.

— Ну, жалко, что я не могу увидеть этого «мастера». А то бы прямо ему в глаза сказала: «Врёте вы без всякого стыда в этом скетче, уважаемый Ленч. На каком это вы советском курорте такие порядки наблюдали? Да я сама целый месяц на курорте отдыхала и слова грубого ни от кого за это время не слыхивала. И врачи и обслуживающий персонал чуть не на руках там тебя носят. Так зачем же про них такую напраслину писать?».

Дарья от волнения встала. На покрасневшем её лице отражались гнев и обида. В прищуренных глазах загорелись огоньки, и вся её фигура вдруг стала стройнее и ещё величавее.

— Вот начало у него правильное, — уже спокойнее продолжала Дарья, — тут ничего не скажешь! Я даже сидела и думала, не про меня ли ему кто-нибудь рассказал. Я ведь тоже там беспокойная была, особенно за Зорьку боялась: она в ту пору последние дни тяжёлая ходила. А вот насчёт «шкоды» и порядков курортных, как они описаны, я в корне несогласна и потому эту роль играть отказываюсь... Ни за что не буду, и не просите!

Несколько минут длилось тягостное молчание. Наконец, Ваня, с уважением поглядывая на раздумывавшееся лицо Дарьи, сказал:

— Мне кажется, Семёновна справедливо критику навела на этот скетч.

— Так что же нам с ним делать? — спросила растерявшаяся Зоя. — Что же мы на вечер дадим?

— У меня такое предложение есть, — после некоторого молчания сказал Ваня. — Скетч, как не выдержавший критики и отчасти не соответствующий действительности, исключить из программы. А вместо него попросить Семёновну рассказать о том, как она на курорт ездила. Тема от этого не изменится, да и содержание, на

мой взгляд, не пострадает. По крайней мере, героиней будет наша колхозница, да и рассказ пойдёт в её исполнении.

Зоя посмотрела на Ваню, потом обратилась к Дарье:

— А вы, Семёновна, принимаете это предложение?

— Как вам сказать? Втянули вы меня в эту историю, теперь и отказаться неловко. Так и быть, расскажу. Только ведь я складно говорить не умею.

— А вы как можете, так и говорите, — уговаривала её Зоя. — Чем проще, тем лучше.

— Ну, видно придётся согласиться, — заулыбалась Дарья.

Через пять минут они вышли на широкую колхозную улицу.

Хороша была родная деревня в этот тихий вечерний час. На высоких столбах ярко горели фонари. Мягкий электрический свет поблёскивал на камнях шоссе, играл в зелёных листьях молодых берёзок, в душистых гроздьях цветущей черёмухи и сирени. Светло было на сердце шедших по улице людей.

Первая нарушила молчание Дарья.

— Ну, молодёжь, вы погуляйте, а мне бурёнушек своих кормить пора.

— До свиданья, Семёновна! — Зоя и Ваня с уважением подали Дарье руки. — Не подведёте нас?

— Не беспокойтесь. Всё будет в порядке. — Пожимая руку Зое, Дарья поглядела ей в глаза. — А перет мой вы далеко не убирайте: он ещё пригодится.

— Да мы его и снимать с доски не будем, — твёрдо заявила Зоя, — А настин портрет рядом с вашим поместим.

Когда Дарья скрылась за поворотом, Зоя, улыбаясь, спросила Ваню:

— А мы куда теперь?

— Я думаю — на луг, к реке. Там ещё гуляют. Слышишь, Василий наигрывает?

Ваня указал рукой под гору, на сверкающую огнями электростанцию. Оттуда доносились весёлые девичьи голоса, звонкие переборы гармошки и шум падающей с плотины воды.

Золотое дно

1. Заглянем в летописи

... Белозерск! Тринадцать веков стоит он на берегу богатейшего озера. От него он получил своё звучное красивое имя, ему он обязан своей славной историей и своим существованием.

Ровесник древнего Киева, Белозерск не раз упоминается в летописях русской старины. Вместе с Олегом плавали белозерские воины на своих легкокрылых ладьях в Царьград; вызволяя родимую Русь из-под ненавистного ига золотоордынцев, бились они смертным боем на поле Куликовом, причём, как свидетельствует летописец, их дружина «костью полегла», защищая правое дело. Позднее дрались белозерские ратники со шведом, а когда наступила лихая година польского нашествия, то, встав под знамёна всенародного ополчения Минина и Пожарского, белозерцы, вместе со всем народом русским, громили и гнали за рубежи отчизны чванную польскую шляхту.

Не единожды подвергался город опустошительным набегам иноземных захватчиков, а в смутные времена княжеских междоусобиц его брали приступом «на копье» завистливые на чужое добро ватаги соседних удельных владык, — уж больно лакомый был кусок! Не раз и не два выгорал город чуть не до тла, не миновали его и «чёрный мор» и другие напасти, но всякий раз город оживал, отстраивался заново и становился ещё краше, ещё богаче!

Да это и понятно. Озеро манило к себе всех: и богатых людей торговых и «перекати-поле» голь-голытьбу. Кто сочтёт, сколько беглых холопов, «утеклецов», спасавшихся от вечной кабалы и боярского произвола, искало себе в ту пору приют и пропитание на берегах этого чудесного, «кормного» озера! В глухих, дремучих лесах по

берегам озера тьма-тьмущая зверья всякого и птиц. Тут и меха драгоценные, и мёд, и грибы, и ягоды, а про рыбу и говорить не надо — черпай её из воды чуть не руками.

Шли века. Давно истлели в земле кости первых удалцов, поселившихся на берегах Белого озера. Не припомнят и старцы, когда отступили от воды и по-теслились дремучие леса, освободив для лугов и пашен плодородную землю. Изменились и люди — по-иному стали рыбачить они, по-иному и песни петь. И лишь ты одно, бескрайное Белое озеро, остаёшься попрежнему неизменным в суровом своём величии и красоте!..

Тяжёлой и безрадостной была жизнь белозерских рыбаков до революции.

В одном журнале за 1901 год помещена заметка «На Белом озере в XVII столетии». В заметке сообщалось только о зимнем лове рыбы на озере. Но и эти краткие, отрывочные сведения, заимствованные из приходо-расходных книг Белозерского Рыбного Двора за 1661—1667 гг. и из бумаг, хранящихся в министерстве юстиции в Москве, проливают яркий свет на поистине каторжные условия, в которых приходилось трудиться рыбакам Белозерья триста лет назад, когда уже все богатейшие рыбные угодья прибрала к своим загребушим рукам царская казна.

Вот что писал безымянный автор:

«Зимние ловли начинались в эти годы на Белом озере около 6 декабря. Но уже с первых чисел октября начальство Рыбного Двора озабочивалось объявлением условий на право производства этих ловель и с этой целью рассылало по всем окрестным деревням особых глашатаев, которые выкрикивали собравшемуся народу условия.

По этим условиям вся выловленная рыба непременно представлялась на досмотр, и ранее досмотра никто не имел права её распродавать на сторону. Нарушители этого и других правил строго наказывались крупным штрафом, или даже нещадно бились батогами.

Оброк брался с невода. В начале XVII столетия за каждый невод брали по полтине, да по 17 штук крупных судаков и щук. Кроме того, на ловецком населении лежало ещё вознаграждение низших агентов Рыбного

Двсра и выборных целовальников, отправлявших товар для продажи в Москву и Димитров». Невозбранно ловили лишь монастыри, «чтобы было чем братии и трудникам кормиться».

Государево рыбное хозяйство в Белозерске, однако, не ограничивалось сбором рыб в виде оброка, но оставляло за собой ещё самые рыбные места, именовавшиеся заповедными, ловля на которых уже лежала на обязанности тяглого населения дворцовых волостей.

Все имевшие ловли на озере ловцы образовывали из себя артели, из которых каждая состояла из «ватамана», двух «жердников» и 8—15 ловцов. Кроме того, необходимое лицо в такой артели составлял «тонный знатец», — человек, знавший наиболее уловистые места на озере и получавший вознаграждение с тони. Всех, принимавших ежегодное участие в этих ловлях, насчитывалось до 2500 человек.

Самым важным продуктом белозерских ловель был славившийся тогда и теперь снеток, или «моль», как его называли. Его вывозили в большом количестве в Москву и прилежащие города, а также на ярмарки в Череповец и Весьегонск, куда съезжались отовсюду купцы и покупатели. Снеток этот продавался сушёным и мороженым. Сушеные его входило также в состав оброка за лов. Особенно много снетка шло ратным людям на жалованье».

Даже из этих скурых записей видно, как туго приходилось рыбаку. Дело не только в том, что за каждую промашку ловца «нещадно били батогами», одолевали штрафами, оброком и всевозможными поборами. В не меньшей мере страдал рыбак и оттого, что выловленную рыбу некуда было сбывать. Не повезёшь же её легком в телеге за сотни вёрст! Да и зимой тоже не легче — не у всякого рыбака есть своя лошадь. К тому же, ведь, и зимой ловить надо! Некогда разъезжать! Поневоле приходилось отдавать рыбу за бесценнок перекупщикам. Купцы наживались, а рыбаку оставалось одно: тянуть свою постылую лямку, мёрзнуть в осеннюю непогоду под дождём и зимой в стужу, пока, рано или поздно, его утлую лодчонку не захлестнёт волной внезапно налетевший шторм. Редкий из рыбаков умирал в ту пору своей смертью. Много, ой как много рыбацких жизней погасило озеро Белое в своих седых волнах!..

2. Золотое дно

«Золотое дно!» — так любовно отзываются колхозные рыбаки о своём озере сейчас, когда все сто девять тысяч гектаров необъятного озёрного зеркала отданы и закреплены государством на вечное пользование за прибрежными рыболовецкими артелями.

И это действительно золотое дно. В 1939 году колхозные рыбаки выловили и сдали государству более ста тысяч пудов рыбы. И какой рыбы! Тут и жирнейшие полупудовые судаки и щуки, и широченные лещи, и, наконец, знаменитый серебристый белозерский снеток. Но стотысячный улов — это далеко не предел! Промысловые запасы рыбы в озере поистине неисчерпаемы.

Как утверждают специалисты рыбного дела, Белое озеро — идеальный водоём для выращивания рыбы. У него замечательный кислородный режим: множество разных притоков и истоков позволяет соблюдать в озере правильный водообмен. О заносах же корма для рыбы и говорить нечего: так называемых «бентоса» и «планктона», а проще говоря — всевозможных рачков и ракушек, червячков и микроскопических водорослей, составляющих излюбленную рыбами пищу, в Белом озере хоть отбавляй.

Испокон веков на Белом озере рыбу ловили по одному, ещё пращурами заповеданному способу — мерёжей! Лишь иногда рыбаки баловались острогой, выезжая в тёмные ночи с пылающим смольём на носу челнока накалывать под берегами озера уснувших щук.

Вместе с колхозами пришли более эффективные способы лова. Что раньше было не под силу одному или небольшой кучке рыбаков, то теперь стало по плечу хорошо оснащённому орудиями лова крупному рыбацкому колхозу. Всё меньше и меньше становится зависимость рыбака от погоды, всё чаще и чаще выдвигает он на первый план такие требования, как необходимость чёткого планирования рыбодобычи, тщательной промысловой разведки мест скопления рыбы и быстрой переброски туда рыболовецкого флота, приобретения новых, совершенных орудий лова и всемерной механизации труда.

На глазах одного поколения в корне изменился весь уклад жизни рыбаков Белозерья. Уже нигде сейчас не

увидеть выдолбленных из осины «дуплёнок», рыбаки нынче выезжают в озеро на надёжных, крытых парусных «двойках» и на моторных катерах. Они имеют компас и подробно составленные лоции, а некоторые—даже и тщательно выверенную карту.

Однако и сейчас ещё среди рыбаков Белозерья бытуют кое-где вредные традиции «бить наудачу». В таких колхозах всё построено в расчёте на массовый вылов рыбы в течение короткого времени.

Одним из таких видов лова, при котором ни один рыбак не может сказать, что его ожидает — удача или полный провал, является так называемый зимний «околоток».

Впрочем и сейчас ещё кое-кому удаётся поднять ятву в тысячу пудов и даже больше, но, повторяем, — всё здесь построено на случае.

Вот как это бывает.

3. Ятва

Проехав немного по бечевнику, наша полуторка круто повернула от канала вправо и по чуть заметной на снегу колее побежала прямо по льду озера.

Невысокие строения Белозерска быстро потонули в сероватой свинцовой мгле. Слившись с небом, линия горизонта стала неразличимой. Иногда где-нибудь далеко-далеко замелькает чёрным пятном одинокая рыбацкая подвода, и тогда кажется, будто плывёт она в воздухе.

Минут через сорок впереди резко обозначилась чёрная цепочка тянущих невод людей. Взяли курс прямо на них.

— Скоро поднимать будем, — в самый раз спелели, товарищи, — приветливо встретил нас председатель рыболовецкого колхоза «Красный рыбак» Никанор Мишкин.

Заканчивались последние приготовления. У дальней полыньи, какой-то шустрый старичок, видимо бригадир, в сапогах выше колен и в чёрном прорезиненном фартуке, громко командует запуском невода. Вот уже весь невод, на всю свою трёхсотсаженную длину ушёл под лёд. Медленно сползает в воду и его широкая мотня, рассчитанная на тысячепудовый улов.

Все уже знали, что судьба рыбы предрешена. Загнанная с огромной, многокилометровой площади на этот узкий квадрат озера, огороженный со всех сторон доходящими до дна сетями — «обносом», рыба не могла уже никуда податься. Но сколько её здесь будет? И есть ли она вообще? Не обнесено ли сетями пустое место?

Подходят решающие минуты. Став друг за другом и зачалив суковатыми клюками верёвки, рыбаки вытягивают из дымящейся проруби последние метры невода.

Старичок в фартуке уже здесь. Нагнувшись к самому краю «выемки», он разбирает голыми руками выползающий из-под льда мокрый невод и командует:

— Правая — ровней тяни! Левая — не отставай!..

И вот, наконец, последний захватывающий миг: в горле полыньи что-то зарыбило, затрепетало. Подпёртая неводом к самой поверхности воды, рыба, как в огромном котле, дико закружилась, забурлила. Обезумевшие судаки, щуки и окуни беспомощно бьются друг о друга, извиваются и высоко выплёскиваются вверх, но всё напрасно — спасенья нет!

Ловко орудуя большими плетёными верёвочными сачками, рыбаки дружно вычерпывают рыбу из проруби прямо на лёд. Через десять минут всё вокруг уже забалено горами бьющейся рыбы. А снизу, из-под льда, её всё подпирает и подпирает!..

— Так сколько же полагаете сегодня поднять? — не выдержав, спрашиваем мы старого бригадира.

— А кто ж её знает, — уклончиво отвечает тот. — Только ещё начали черпать, а под водой-то ещё целая мотня — вглубь три метра да двадцать в окружности. Тысячу пудиков, думаю, за один заброд возьмём, да столько же за второй поднимем...

Обманулся старик! Как мы узнали к вечеру, выловили только семьсот пудов. Конечно, и это неплохо, но ведь и то сказать — почитай два месяца всем колхозом готовили этот завершающий день, сколачивая рыбу в одно место. Награда за этот труд могла бы быть и увесистей!..

Повторяем: зимний околоток — дело неверное, ненадёжное.

4. Снеток тронулся

Весеннюю путину или, как говорят, лов по открытой воде, начинают обычно раньше всех крупнейшие на озере рыболовецкие колхозы Ковжа и Орлово. Только сюда к ним в устье реки Ковжи заходит нереститься прихотливый снеток. Он идёт так дружно, что в короткий срок, за пять-семь дней, забивает собой всё. Рыбаки с ног валятся от усталости, едва успевая опоражнивать свои поставленные перед самым устьем реки ловушки. А снеток всё идёт и идёт.

Нынешней весной нам посчастливилось побывать на снетковом лову в Орлово. Это незабываемое, ни с чем не сравнимое зрелище.

... На рассвете наш катер пришвартовался к далеко выступившим в реку свайным мосткам Ковжинского рыбоприёмного пункта. Несмотря на ранний час, здесь было ужелюдно. Шла погрузка рыбы в баржу, предназначенной для отправки в Вологду.

Десятка два девушек торопливо подкатывают к барже по гнущимся сходям битый лёд, рассыпая его ровным слоем по днищу баржи. После этого на лёд спускают в трюм трёхпудовые корзины со снетком.

Весовщик едва успевает записывать отпущенную рыбу. Но, как он ни торопится, всё же погрузка отстаёт. С озера, на вёслах и парусах, к мосткам рыбопункта подходят низко осевшие, наполненные до краёв серебряным снетком рыбацкие лодки. Начинается приёмка нового улова.

Рыбаки — народ азартный, самолюбивый. Успех или неудача соседа каждому не безразличны. Но о своей собственной удаче на лову большинство из них не любит распространяться.

С одним из таких внешне невозмутимых рыбаков, лучшим стахановцем колхоза Орлово, Михаилом Алексеевичем Колыниным, мы и выехали в озеро выбирать рыбу из поставленных ловушек.

Ехать пришлось недолго: почти сразу же от устья реки поднялся над водой густой лес кольев. Между ними, во всех направлениях, уже бороздили широкую грудь озера многочисленные рыбацьи лодки.

Казалось просто непостижимым разыскать здесь свои, скрытые под водой ловушки. Но лодка Колынина уве-

ренно лавирует в частоколье и, наконец, круто заворачивает к плавающему, ничем не выделяющемуся от других буйку, неожиданно останавливается.

Женщины-рыбачки из звена Колынина «сушат» вёсла, а сам Колынин, сидя на корме, неспеша докуривает папироску и рассказывает:

— Вчера мы перегнали ковжинских. Посмотрим, как-то сегодня будет: рыба-то на нашу косу бросилась. Похоже, и правду говорят старики: «Чей бережок, того и рыбка!».

... Погода на озере стоит, как на заказ: тёплая, солнечная, безветренная. Отягчённый икрой снеток идёт «стеной». Но где и как лучше всего поставить ловушки — всё это дело опыта и смекалки. Михаил Алексеевич именно такой опытный и удачливый промысловик. Вчера за день его звено выловило и сдало государству 13 центнеров рыбы.

Перегнувшись через борт, Колынин ослабляет верёвки снасти, слегка приподнимает из воды «чупу» — острый конус резца, — и сразу же стало видно, как в ловушке зарыбило от набившейся туда рыбы.

— Поднимать! — командует звеньевой и, довольно усмехнувшись, сообщает: — центнера два набежал!

Дружно, слаженно идут дела в звене Колынина. Подведя лодку кормой к горловине резца, Колынин с одной рыбачкой поднимают из воды обруч резца за обручем, стряхивая на дно ловушки набившуюся в ячейки рыбу. Конечно, снетка попало столько, что поднять весь улов сразу невозможно. Снасть не выдержит тяжести. Тогда, развязав чупу, рыбачки начинают осторожно небольшими сачками вычерпывать рыбу на дно лодки.

Растёт, бьётся и трепещет в лодке гряда живого серебра. Низко, с пронзительным криком, проносятся над водой смелые, дерзкие чайки, выхватывая выпавшую из снастей рыбёшку. Колынин стоит на корме удовлетворённый: начало сегодня удачное.

Ловушки у Колынина поставлены попарно: одна — «на струе», другая — «против воды». Во втором резце, поднятом минут через десять, рыбы, по словам звеньевого, оказалось тоже «центнеришко добрый». А когда осмотрели все остальные — всего их в звене восемь, Ми-

хаил Алексеевич признался: «Хочется сегодня за один утренний подъём тонну сметки налить в лодку!»...

... На приёмный пункт возвращались медленно, с трудом выгребая против быстрины. Михаил Алексеевич молчит, но по всему видно, что его волнует успех путины не только в своём звене, но и во всём колхозе:

— Только бы ветра не было, — рассуждает он, — а то, как в прошлый год, налетит «косовал» — всю рыбу размечет, а ведь колхозу больше тысячи центнеров поднять надо за весну!

... На мостках приёмного пункта не протолкнуться. Заканчивается погрузка рыбы в баржу. Девушки из цеха переработки дружно катят по рельсам платформу, нагружённую корзинами с рыбой. Снеток здесь идёт и для сушки, и для маринада. Не переставая, стучит молотком бондарь, подготавливая тару. У весов вконец выбился из сил приёмщик. Ему бы и отдохнуть и перекусить пора, но некогда: из пристающих к мосткам лодок всё несут и несут рыбу, устанавливая перед весами в три яруса наполненные свежей рыбой корзины.

Сдал свой утренний улов и Михаил Колынин. Вытянуло без малого тонну. Всего нескольких килограммов нехватило для ровного счёта!

В сущности, к тем тридцати центнерам, что сдал Колынин за первые три дня путины, можно было бы приплюсовать уже и сегодняшнюю тонну. Но Колынин не спешит. Потолкавшись среди рыбаков у «Доски показателей вылова», он заметил, что у его извечного «соперника», лучшего ловца колхоза Ковжа, также сдано почти тридцать центнеров. Да и неизвестно ещё, сколько сегодня сдаст этот первейший рыбак — Николай Павлович Захаров. Он тоже не любит зря выезжать в озеро.

Но Колынин уверен в себе. Обернувшись к своим товаркам по звену, он хитро подмигивает им и, показывая на доску показателей, говорит:

— Ну, что ж, бабоньки, потягаемся, что ли с ковжарями, оставим их за кормой?

— Потягаемся, Михаил, как не потягаться! Надо вот только обязательно крайние резцы на глубину переставить. Рыба-то, слышь, на глубину перекинулась!..

— На глубину, так на глубину, — соглашается звеньевой и, сильно ударив кормилом, уверенно выводит лодку на чистую воду.

5. Опыт крючкового лова

Летом уже не жди косяков, как это бывает весной, когда, нерестуя, рыба чуть ли не сама в руки идёт. Бесчисленными стаями жирует она на придонных пастбищах. И здесь её надо искать, разведывать. Словом, лето — время активного лова. Летом надо ловить рыбу умеючи. Не отчаиваться после первой же неудачи, а готовить различные снасти для любой погоды.

Подует, например, с севера «зимарь» — на белозерской стороне у рыбаков уныние: всю мусть сюда ветром пригонит. Зато вашкинские ловцы, где-нибудь в Киснеме или в Липином Бору, торжествуют: у их берега вода очистилась, посветлела. Значит нужно быстрее снаряжать лодки с мутниками и выезжать на ерша.

Только глупый ёрш и попадает в такую нехитрую снасть, как мутник. Берут рыбаки небольшой, частый неводок и привязывают к его крыльям толстые жгуты из старых, отслуживших свой срок порванных сетей. Укрепив невод на якорь, рыбаки объезжают небольшой круг, волоча за собой жгут по дну озера. Жгут взмучивает воду. Ерш боится этой мути и пьётся от неё назад... прямиком в невод. Таким способом рыбаки вылавливают к вечеру и по два и по три центнера ерша, а то и больше.

Куда интересней и прибыльней крючковый лов! Этот замечательный способ добычи рыбы был на Белом озере непростительно забыт. Но, к счастью, в последнее время нашлись всё же и здесь смелые, предприимчивые люди, которые на собственном примере доказали преимущества крючкового лова. Во главе похода за возрождение этого способа рыбодобычи встал Никанор Васильевич Микшин, председатель колхоза «Красный рыбак».

Способ его агитации за использование крючковых снастей на лову был очень прост и доступен. Выехав сам с первой лодкой, снаряжённый десятком «веков» (так называются здесь почти километровые перемёты) он к утру вернулся с четырьмя центнерами судака. Вслед за ним вышли звенья коммуниста Фёдора Антонова и лучшего стахановца Михаила Микшина. Они привезли уже по полутонне каждый. Вскоре все девять звеньев «Красного рыбака» переключились с малоэффективных в эту пору ставных сетей на крючки.

Короче говоря, за небольшой срок годовой план колхоза в 400 центнеров был перекрыт почти в полтора раза и притом самой ценной рыбой — отборным судаком. Только за одно полугодие колхоз получил чистой прибыли 132 000 рублей. А звену Михаила Микшина было выдано за сданную рыбу 20 центнеров муки, 12 тысяч рублей, 20 килограммов масла, 50 килограммов сахара, много крупы, мыла, чаю и других продуктов и товаров.

После такой «наглядной» агитации уже во многих колхозах принялись готовить крючковые снасти. Особенно горячо пропагандирует крючковый лов Михаил Микшин.

Он выступает на слётах рыбаков и совещаниях с горячими речами в защиту крючков, выезжает в другие колхозы, практически показывает, как «строить» перемёты, как добывать и использовать наживу и т. д.

— Конечно, выезжать с крючками нелёгкое дело! С вечера до утра надо выпустить и опять собрать до десятка километров перемётов. Не легко отмахать на вёслах двадцать километров, да ещё, случается, против ветра! Но ведь без труда не вынешь и рыбку из пруда! Потрудишься — и вот она, награда, — судаки-то, что поленья, лежат в лодке!.. К тому же есть и ещё у крючков одно важное качество: ими можно ловить почти во всё время открытой воды, пока озера не скуёт мороз ледяной бронёй... Даёшь крючковые снасти! — так обычно заканчивает свои горячие речи приверженец крючкового лова Михаил Микшин.

В нынешнем 1950 году Михаил Микшин блестяще доказал эффективность крючкового лова на Онежском озере, куда колхоз «Красный рыбак» посылал весной свою экспедицию.

6. „На широкой улице“

Когда же повиснут над волнами тяжёлые свинцовые тучи и гневно зашумит озеро, вспенённое застойными осенними ветрами, тогда особенно людно и оживлённо становится на «широкой улице», как в шутку прозвали рыбаки центральную часть озера.

Не только в шестикратный бинокль, но даже и невооружённым глазом из окна директорского кабинета рыб-

завода можно насчитать на горизонте десятки парусов. Это, пользуясь свежим, почти штормовым ветром, тралят рыбу колхозные парусники-«двойки».

Когда траление идёт особенно удачно, бывает, что эти большие, приспособленные к дождливой, холодной погоде крытые лодки не возвращаются домой по трое-четверо суток. В озере рыбаки и ночуют и варят себе пищу. На двойках для этого есть и койки, и печурки с котлом, и запас дров. Случись какое несчастье, на такой лодке можно продержаться долго.

Выпустив траловые сети, рыбаки на двойках спокойно идут по ветру через всё озеро. Выловленную же рыбу они сдают на том приёмном пункте рыбозавода, к которому ближе всего вынесет ветер к концу рейса.

Если летом ветер — помеха, в особенности для таких видов лова, как мутниковый лов ерша, то осенью — он первый друг и помощник рыбака.

Но жизнь не стоит на месте. И то, что вчера ещё было совершенством, сегодня уже начинает не удовлетворять. Вот почему даже эти надёжные и удобные рыбо-ловецкие суда, каким раньше позавидовал бы любой рыбак на Белом озере, нынче уже вызывают досаду у ловцов-колхозников. Уж слишком мало приходится пользоваться двойками в течение года — всего со середины осени до ледостава, пока ветры дуют почти непрерывно. То ли дело — моторный катер! Ему любая погода нипочём! Траль хоть с самой весны, всегда будешь с рыбой!

Глядя на бригады ловцов государственного лова, бороздящих моторными ботами озеро, колхозные рыбаки теперь сами не жалеют средств на приобретение моторных судов. Нынче уже не только рыбозаводские «Ураган» или «Вихрь» тралят рыбу в озере, но и колхозная «Победа» и «Колхозник» появляются в озере с траловыми неводами.

На катерах уже совсем иной порядок. Тут и равномерное, по часам, несение вахты, и строго установленное время отдыха людей.

В кубрике «Урагана», на котором нам приходилось выезжать далеко на озеро тралить рыбу, мы видели не только опрятно заправленные постели и хорошо оборудованную плиту, но и шашки, и домино, и умело подобранную библиотечку. В ней были такие книги, как «Чапаев» Фурманова, «Воскресение», «Война и мир»

Льва Толстого, отдельные томики сочинений Горького, Алексея Толстого и многие другие замечательные книги.

Нет, по-иному теперь живут рыбаки на озере Белом, да и Белозерье давно перестало быть краем непуганных птиц. Как и во всей нашей необъятной стране, здесь произошли великие социалистические преобразования.

* * *

Не случайно белозерские рыбаки назвали своё озеро «Золотым дном». Белое озеро должно давать половину всего улова рыбы по области. И естественно, что к такому богатейшему водоёму сейчас приковано всё внимание.

Недалёк тот день, когда колхозные рыбаки Белозерья будут пользоваться услугами катеров специально создаваемой для них моторно-рыболовецкой станции, когда вся выловленная рыба будет бесперебойно транспортироваться в промышленные центры области: зимой — на автомашинах, а летом — в специальных холодильных судах-рефрижераторах. Уже запланирована и начата постройка новых, хорошо оборудованных мариновальных, сушильных и копильных цехов на рыбоприёмных пунктах. Не за горами то время, когда, заглянув в магазины, вологжане увидят там на полках ряды прекрасных, доброкачественных рыбных консервов марки Белозерского рыбоконсервного завода.

Белозерские консервы! — это звучит неплохо.

„Алёна Фомина“

«Женщины в колхозах — большая сила».
(И. Сталин).

Всё зримее ощущаются в сегодняшней жизни черты и приметы завтрашнего коммунистического общества, и в творчестве советских писателей всё настойчивее звучит тема победного движения советского народа вперёд, к коммунизму.

Больших успехов добилась советская литература в изображении военной и послевоенной колхозной деревни. Во многих произведениях, появившихся после войны, звучит мотив возвращения фронтовика в родной колхоз к мирному труду, решается проблема борьбы передовых сил деревни с зазнайством, косностью, с людями, утратившими чувство нового. В авангарде этих передовых сил часто выступает советская женщина, как активный строитель новой жизни.

В годы Отечественной войны со всей силой проявился самоотверженный, мужественный характер русской советской женщины, на плечи которой «безмерная тяжесть... легла». Огромную роль советской женщины в разгроме фашизма отмечал товарищ Сталин. «Незренимые заслуги в деле защиты Отечества, — говорил товарищ Сталин в 1944 году в первом майском приказе, — имеют советские женщины, самоотверженно работающие в интересах фронта, мужественно переносящие все трудности военного времени, вдохновляющие на ратные подвиги воинов Красной Армии — освободителей нашей Родины».

Ярким поэтическим воплощением этих слов нашего вождя было стихотворение М. Исаковского «Русской женщине», появившееся в 1945 году. Скупое, но просто и проникновенно рисует поэт образ русской женщины.

Советская поэзия достигла значительных успехов в раскрытии характера женщины с различных сторон: и как любящей матери, жены, невесты, самоотверженно переносивших все трудности военных лет, и как женщины, волевой активной строительницы коммунистического общества.

Образ женщины, стоящей в передовых рядах советских людей, всё чаще стал появляться и на страницах больших прозаических произведений. Таковы, например, Груня Васильцева, Фрося Русанова в романе Е. Мальцева «От всего сердца», Ирина, Глаша в романах С. Бабаевского. Советские писатели в различных жанрах воплощают в художественные образы мудрые слова товарища Сталина: «Женщины в колхозах — большая сила».

Показывая жизнь самых различных колхозов нашей страны: кубанского или алтайского, смоленского или вологодского, подчас даже решая общие проблемы, раскрывая сходные ситуации и конфликты, писатели создали типические образы советских женщин и вместе с тем образы индивидуальные, далеко не похожие друг на друга. Но всегда положительным является тип новой крестьянки, активно участвующей в строительстве коммунизма, верной дочери народа, воспитанной нашей партией.

Облик такой женщины, председательницы одного из вологодских колхозов, рисует в своей повести в стихах «Алёна Фомина» наш земляк, лауреат Сталинской премии Александр Яшин.

«Алёна Фомина» — это итог творческих поисков поэта в изображении духовного облика советской крестьянки.

Уже первые стихи молодого поэта отличались самобытными чертами русской национальной поэзии, своеобразным северным колоритом, богатым народным языком северной колхозной деревни, преобразованной социалистическим строительством.

«Я считаю своей особой поэтической удачей,—пишет А. Яшин,— что таким моим любимым местом на земле оказался Север, Вологодская и Архангельская области. Здесь много своеобразия в природе, в производственной жизни людей, в их быте и языке. Через свой родной Север мне легче было почувствовать мощь нашей великой Родины и её великого русского народа...».

Тематика произведений А. Яшина определилась ранним его знакомством с жизнью северной колхозной деревни. Но постоянный интерес поэта к советской деревне был почти всегда связан с раскрытием образа передовой колхозной женщины. Одна из ранних книг А. Яшина так и называется — «Северянка». Показу облика крестьянки, раскрытию её психологии поэт посвящает и поэму «Мать и сын».

Образ Алёны Фоминой, передовой женщины советского села, давно волновал поэта. Её он делает героиней некоторых стихотворений, поэтически подчёркивая её трудолюбие, внешнюю и внутреннюю красоту. Это же имя Яшин оставил и для своей центральной героини повести в стихах — «Алёна Фомина».

О том, что повесть является итогом в разработке образа новой крестьянки, говорит и тот факт, что в неё вошло много черт и мотивов из ранних стихотворений, и не только мотивов, но и целых стихов. Так, например, целиком вошло в новую повесть написанное ещё в 1939 году, стихотворение «Сватовство», в котором рассказывается о свадьбе Алёны, о том, как её жених приезжает к ней в колхоз. Так отдельные мотивы из ранних произведений об Алёне заняли своё место в биографии новой Алёны Фоминой, развёрнутой на страницах повести. Вошли целиком в повесть и такие стихотворения, как «Подростки», «Встреча», «В конторе колхоза», написанные в 1945 году, «Без просыпу льют дожди» (1944).

Но если в ранних произведениях, посвящённых Алёне, А. Яшин брал характер женщины с одной стороны, то в повести он раскрывается шире, глубоко вскрывается психология, показывается формирование советского руководителя, женщины нового типа, устремлённой вперёд. Главное внимание переносится на раскрытие силы воли, стойкости советской женщины, поэтому не случайно центр тяжести сюжетного строения повести падает на основной конфликт: показ борьбы Алёны Фоминой с отсталыми взглядами на жизнь Козлова.

Проводив мужа на фронт, сменив председателя колхоза Козлова, Алёна в дни Великой Отечественной войны самоотверженно руководит сельскохозяйственной артелью. Она всё отдала ей, «сна не знала» и, несмотря на трудности, недостаток рабочих рук, добилась значительных успехов. Руководимый ею колхоз «сумел использовать даже войну, чтобы шагнуть вперёд», и, прежде всего, потому, что Алёна в своей повседневной работе опиралась на коллектив советских людей, вместе с ними не успокаиваясь на достигнутом.

Покою, верно, не даёт —
Ни дня без нового наряда,
Но ты ведь знаешь наш народ.
Ему бы всё вперёд, вперёд,
А Фоминой лишь то и надо.

Так говорит колхозный кузнец вернувшегося с фронта бывшему председателю Козлову, которому Алёна хочет передать дела, чтобы уехать учиться в Москву. Но война не изменила Козлова, он остался предельщиком, «тихоходом»: и до войны жил неторопливо, привык к поклонам, считал себя незаменимым, и теперь ищет спокойной, тихой жизни, считая, что фронтовые заслуги дают ему право на отдых. Даже жена Козлова не без упрёка говорит ему:

«Ты отдыхай,
А мне в страду нельзя,
Мы здесь не воевали,
Не устали».

Столкнувшись с Козловым из-за постройки колхозной электростанции, Алёна Фомина отчётливо почувствовала, что он не хочет двигаться вперёд, что он живёт ещё довоенными достижениями, успокоился на них. Козлов не мыслит по-партийному, по-государственному, он не смотрит в будущее, тогда как Алёна Фомина, как и всякий передовой советский деятель, руководствуется постоянным движением вперёд, готовится к будущему, строит его.

Убедившись в отсталости взглядов Козлова, Алёна Фомина твёрдо решает не уступать ему руководства колхозом. Следуя совету секретаря райкома партии Михалёва, Алёна проверяет бывшего председателя на работе. Должность кладовщика, которую дали Козлову, задевает самолюбие фронтовика, но гордость не позволяет ему попросить у Алёны другой работы. Он недоволен собою, своими поступками, но всё-таки продолжает во всём пере-
чить Алёне.

Безделье, скука приводят Козлова к пьянке с заблудшим инвалидом Никитой Седых, у которого, как говорит народ, «не нога — душа отбита». И тут Козлов ещё раз понял, что он пошёл не по тому пути. Так, не найдя себе покоя, начиная осознавать свои ошибки, но не желая в то же время «покориться», Козлов едет в райком партии, чтобы попросить назначения в другой колхоз.

Как с близким другом беседует с ним секретарь райкома, и Козлов осуждает себя.

Он словно жизнь яснее видеть стал
И больше сил почуял за плечами,
В своих глазах заметно выросстал,
И мелочи вдруг стали мелочами.

Секретарь райкома Михалёв внушает Козлову, что ни одна работа на благо Родины не зазорна. Он советует ему снова стать в первые ряды, читать и заботиться в первую очередь не о себе, а о народе:

«Учись, читай и — как тебе сказать? —
Не о себе заботься — о народе».

Вернувшись в колхоз, Козлов все силы отдаёт работе. Читатель верит, что он будет передовым строителем коммунизма. Так, под воздействием всего коллектива и его передовых представителей внутренне обновляется, формируется настоящий советский человек, чуждый самовлюблённости, замкнутости, ложного стремления к

почестям, покою, человек, счастье, вся жизнь которого—в его повседневном труде на благо народа, в близости его к коллективу. Так показывает А. Яшин и роль партии в формировании социального характера советского человека.

Под непосредственным воздействием партии росла и Алёна Фомина. Путь Алёны Фоминой — это путь советской женщины, воспитанной социалистическим строем. Она ещё в бытность комсомолкой руководила лучшим звеном, известным всему району. Партия подготовила её для руководства колхозом. Алёна — это мужественная, волевая женщина-патриотка, сильная, цельная натура, одна из тех, о которых Некрасов писал: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт». А. Яшин так описывает стремительное появление Алёны в начале поэмы:

Словно вихрь перед грозой
Закружил на полосе.
За Алёной Фоминой,
Замерев, следили все.

О русской женщине Некрасов писал, что она «румяна, стройна, высока», «с красивою силой в движениях, с походкой, со взглядом цариц», «она улыбается редко, ей некогда лясы точить». А. Яшин пишет об Алёне Фоминой:

Училась, незаметно подросла,
И все старухи ахнули:
«Царевна!».
Густую косу туго заплела,
И вот, как по согласью, вся деревня
«Алёнушкой» Олёнку назвала.

На протяжении всей повести поэт напоминает о внешнем сходстве Алёны с некрасовской женщиной: «Стройна... Коса густая», «за плечи косу кинула сердито», «высокая и крепкая, она сняла косынку — и коса слетела, рассыпалась вкруг плеч, расплетена», она горда, не выскажет своего горя на народе и т. д.

Это внешнее сходство Алёны с русской женщиной, нарисованной Некрасовым, вместе с тем подчёркивает её глубокое внутреннее отличие: духовно выросла русская крестьянка, горькую её долю сменила счастливая жизнь и коренным образом изменила её внутренний облик. Алёна Фомина — это уже новая советская женщина, полновластная хозяйка жизни, поэтому, не морозовоеда «обходит владенья свои», а председатель колхоза Алёна Фомина, покоряя природу:

... объезжает свои владенья,
Нет ли какого где упущенья,
Всюду ли дела хорошо идут?

И, как бы переключаясь с Некрасовым, рассказавшим о горькой доле крестьянки и мечтавшим о том дне, когда книга войдёт в жизнь деревни, А. Яшин пишет:

«Где она — лапотная,
Глухая,
Старая Русь,
Уездный застой?
Книги читают наперебой,
Тысячи курсов — и мест нехватает,
Ленин и Сталин в избе любой.
Окна открыты,
И шелест клёна,
Шелест рябины слышен в избе.
С карандашом, с тетрадкой Алёна
Читает «Историю ВКП(б)»...

Обращая главное внимание на показ женщины нового типа, женщины-руководителя, организатора, Яшин не забывает и другие качества своей героини. Раскрытие психологии Алёны, описание её личной жизни, делает образ гораздо жизненнее. Так, читатель проникается личным горем любящей жены Алёны, когда она тяжело переживает отсутствие вестей с фронта от своего мужа Петра Фомина. Несмотря на то, что даже отец предлагает ей снова выйти замуж, Алёна верит в возможность возвращения Петра и сохраняет верность мужу.

Вся эта сцена разговора Алёны с отцом-пчеловодом ведётся в форме шуточного использования сказки Пушкина. Это позволяет Яшину, не снижая образа отца, ярче вскрыть всю силу любви Алёны к мужу, непоколебимую верность ему.

Напряжённо ожидает Алёна мужа. С наименьшей поэтической силой показана и её радость по поводу неожиданного возвращения Петра Фомина, служившего в партизанском отряде.

Переживая своё личное горе во время отсутствия мужа, Алёна не забывает о больших задачах, стоящих перед руководимым ею колхозом. Она все силы направляет на решение этих задач. Поэтически тонко, не впадая в декларацию, поэт умеет передать сочетание личного и общественного в образе новой советской женщины. Поэтому у Алёны черты нового общественного деятеля не заслоняют собой облика любящей дочери и жены, желающей стать матерью.

Образ новой советской женщины, её духовная красота раскрывается вместе с показом коренных преобразований, происшедших в деревне за годы советской власти. В повести показывается, на-

сколько далеко ушла вперёд советская деревня. Ясно ощущаешь, как стирается грань между городом и деревней, как вырастает из среды колхозников новая советская интеллигенция, призванная оснастить сельскохозяйственные артели новой техникой, внедрить в жизнь новые агротехнические достижения, радиофицировать и электрифицировать село.

Повесть построена так, что, всегда оставляя в центре внимания образ Алёны, Яшин одновременно создаёт типические образы простых советских тружеников. Несмотря на то, что второстепенные образы женщин проработаны в повести недостаточно широко и ярко, они как бы дополняют образ Алёны, точнее раскрывают слова товарища Сталина, что «женщины в колхозах — большая сила».

Об этом говорит и образ комсомолки, а затем кандидата в члены партии Мани Лыковой, смело управляющей сложной сельскохозяйственной машиной — комбайном, образ скромной рядовой колхозницы Дуни Козловой. Вернувшись с фронта, Козлов не увидел в ней прежней «тихони», слепо выполняющей волю мужа. Воспитываясь под руководством женщины большого государственного ума, Алёны Фоминой, Дуня научилась трезво, правильно смотреть на жизнь. Она не перестала любить мужа, но она уже не может молчать, когда Козлов начинает противопоставлять себя коллективу, когда он порочит её трудовую честь, когда он ошибается в больших делах, в которых она кровно заинтересована, как и всякий советский человек.

В протесте против Козлова, из-за оскорблённого самолюбия не желающего работать, Дуню поддерживает её сын Васютка, который трудится в кузнице так же самоотверженно, как и его мать в поле. Васютка горячо любит отца, с гордостью извещает весь колхоз о его возвращении с фронта. Показывая «взрослые» рассуждения Васютки в его разговоре с отцом, Яшин не нарушает детской непосредственности. Сейчас же за серьёзными рассуждениями Васютки о том, что он трудится для победы, следуют вопросы: привёз ли отец автомат и гранаты.

Но когда отец кладёт позорное пятно на семью, начинает пьянствовать, общаться с потерявшими честь людьми, вести праздную жизнь, Васютка со всей детской серьёзностью выговаривает ему:

«Ты бы маму не срамил
И меня не подводил!..».

Обращает на себя внимание эпизодический, но содержательный, характерный образ отца Алёны, знатного пчеловода. Это передовой советский старик, с хорошей хитрецей, народной смекалкой. На

народе он высказался против избрания своей дочки Алёны председателем колхоза, но в душе он гордится ею. Одна у него претензия к дочери — родить ему внука, «чтобы род не перевёлся». Не в поисках лёгкой работы переходит отец Алёны на пасеку. За два-три года знатный пчеловод стал давать колхозу крупные доходы. Он с гордостью говорит дочери о своём труде, когда она предлагает в помощь ему Козлова:

«Загляни в мою контору,
Сколько там учёных книг,
Посмотри, какую гору
Их осилил твой старик.
Обижаешь: пчеловодство —
Не забава для ребят,
Не курорт
(Отсталый взгляд!) —
Пчёлы тоже руководства
Настоящего хотят!».

В повести есть почти не раскрытые образы фронтовиков Жукова, Якова Розанова, который хочет «мельницу сделать комбинатом». Безымённым остался простой русский человек — «содержательный» «старик в ватнике», колхозный счетовод, желающий превратить Север в цветущий сад. Он разбил около дома не огород, а целую плантацию. Диктуя свою волю климату, он то фруктовое дерево посадит, то цветник разобьёт. Война подняла «старика в ватнике» с родных мест. Он был из «дального угла: из разорённой области, сожжённого села», от немецких бомбёжек погибли две его дочери, он схоронил свою жену прямо в поле. Потеряв всех родных, советский человек не остался одиноким. Дружный коллектив советского колхоза заменил ему семью, и «старик в ватнике» с гордостью отвечает Козлову:

«В селе я не на выделе:
Свой брат,
И власть своя,
И службой не обидели.
Выходит, здешний я.
Под старость всё меняется,
Но что на жизнь пенять:
В итоге получается —
Семьей живу опять».

Так при помощи эпизодических персонажей Яшин создаёт целую галерею людей из народа, показывает дружный коллектив

колхоза, новое отношение людей к труду, их патриотизм, выросшее социалистическое сознание.

При поддержке такого народа, под руководством партии трудится Алёна Фомина, и она хорошо понимает, что одна она не могла бы многого сделать. Алёна никогда не отделяет себя от народа, она повседневно опирается на большой коллектив советских людей, названных в повести и оставшихся безымёнными, как «старик в ватнике». О некоторых мы узнаём только из дневника Алёны Фоминой, в котором ярко отражаются люди колхоза и их дела.

Дневник Алёны — это мечта советского человека о будущем, стремление приблизить его, сделать реальностью. Дневник раскрывает внутренний мир героини. Поэт словно оставляет читателя наедине с Алёной и позволяет прочесть её сокровенные мысли.

Дневник, как и вся повесть, пронизан ощущением приближающегося коммунизма — «уже нам в глаза коммунизм глядит», «нам первыми в будущее входить», «даль до границ чиста и светла». Так тема недалёкого коммунистического будущего, черты которого проявляются в нашей сегодняшней жизни, органически входит в повесть. Алёна Фомина ставит задачу:

Что надо сделать нам в селе
Для новой жизни,
Чтобы наступило скорей на земле
Время коммунизма?

Она считает, что, прежде всего, на самих себя надо «поглядеть с новой точки зрения». Алёна говорит о борьбе за изобилие продуктов в нашей стране, об устойчивых урожаях, об электрификации села, о росте его культуры...

Дальше...
И слов нехватает даже.
Дальше товарищ Сталин подскажет.

И так всегда образ вождя встаёт перед Алёной Фоминой. Как и все советские люди, она каждый день ощущает близость товарища Сталина, нашей партии к народу, их направляющую роль в строительстве коммунизма.

Большим достоинством повести Яшина является простота её, доступность, богатство народной речи, творческое использование различных форм русского национального фольклора.

«Мне посчастливилось с детства, — пишет А. Яшин, — познакомиться с богатым русским фольклором и не из книг, не из

лекций и сборников учёных фольклористов, а, так сказать, из первоисточников...».

А. Яшин не механически привносит богатство русского фольклора в свою повесть, а творчески использует традиционные фольклорные приёмы, подчиняя всю сумму поэтических средств главной задаче — полнее, точнее раскрыть и донести до читателя идейный смысл «Алёны Фоминной», раскрыть у своих положительных героев черты русского народного характера.

Смело пользуясь фольклорными мотивами, Яшин часто употребляет русские пословицы и поговорки («чтобы с ней поговорить, надо зубы наострить», «не любо, говорят, не слушай», «что было — сплыло», «только б кость была цела, нарастёт и тело»), фразеологические народные обороты («ни в грош не ставишь свою жизнь», «скатертью дорога», «как бы торная дорога лебедой не заросла», «любо поглядеть», «аж сердце запоёт»), приёмы тавтологии («стёжка-дорожка», «сватов-хватов», «дымом-порохом»).

В текст повести вводятся песни и частушки советской деревни:

Подходили ко мне трое,
Я зараз дала отказ:
От танкиста боевого
Письмецо дороже вас.

С фронта дролечка вернётся:
«Здравствуй, милая моя!»
Дома все его наказы
Перевыполнила я.

Но Яшин не только вводит частушки в текст повести, в ритме деревенской припевки написаны целые места поэмы, диалоги отдельных героев. Так, например, в первой главе речь комбайнерки Марии Лыковой построена в ритме частушки:

«Край у неба даже есть,
Зря шуметь — не дело здесь,
Если техники не знаешь,
Не резон на стенку лезть!».

Песенная народная ритмика используется в речи и других персонажей. Так, например, Алёна Фомина говорит на собрании колхоза:

«Лучше нет на целом свете
Масла вологодского».

Народный строй речи характерен не только для героев повести Яшина, но и для стиха самого поэта. Так по принципу фольклорного зачина начинается сама повесть («Только солнце — из-за леса,

только месяц — за леса...» и т. д.). В девятой главе используется в авторской речи традиционная сказочная присказка:

Чтобы с суженым опять
Вместе жить да поживать
И в ладу и в счастье...

Часто встречаются в повести характерные для народного строя речи ласкательные суффиксы «ушк», «юшк», «онк», «енк». Например:

... От зари до зорюшки
То в лесу, то в полюшке,
На новинах, на лугу,
На заречном берегу.
А в кладовке у Козлова
Ни забот, ни горюшка,
Вольная волюшка.

Уже в приведённом примере используется типичный для устной народной поэзии приём повтора предлога. Ярче это обнаруживается в следующих строках:

Зовёт к прямому проводу
По случаю, по поводу,
По хлебу и покосу,
По срочному вопросу
По важному, текущему,
По делу по насущному.

Большое значение придаёт Яшин выбору ритма. Так, например, показывая спор Козлова с Алёной Фоминой, поэт прибегает к разговорной интонации; другой же ритм, быстрый, прерывистый, помогает передать ухарство, зазнайство Козлова в начале повести. Выбор ритма подчинён у Яшина наиболее точному раскрытию идейного содержания той или иной главы.

Кроме того, поэт часто меняет строфику, чередует рифмовку. В поэме можно встретить обычное четырёхстишие с кольцевой рифмовкой и разнообразно рифмующиеся шестистишья и восьмистишья. Характерно для повести Яшина использование смысловой паузы и беглого ударения: «Без огня, без кузнеца не стояла кузница»; «Как у девушки, коса вьётся ниже пояса»; «Луговина высока и на ней пáсека» и т. д.

Встречается в повести звукозапись. Так, например, Яшин передаёт кудахтанье кур, убегающих от лошадей:

Куры кинутся к плетням:
— Кто-кто-кто так скачет?

И несётся по пятам
Вой и лай собачий.

Часто обращается поэт к сравнению некоторых явлений мирной колхозной жизни с фронтовой обстановкой. Алёна Фомина, например, «ведёт на жатву, словно в бой», а Козлов, только что вступивший на должность инспектора по качеству, видит, «как на ладони, посевные рубежи». Так фронтовая лексика переносится у Яшина на явления мирной жизни. Фронтовик Яков Розанов, например, зовёт «межу — границей, реку — водным рубежом»:

Отдуваясь и стреляя,
Словно танк на рубеже,
Трактор, пашню подымая,
Пробивается к меже.
На току, за баней чёрной,
Барабан гудит-ревёт,
Словно это двухмоторный
Бреет землю самолёт.
А овины, словно доты.
Жди, сейчас взгремит «ура»!
И стучат, как пулемёты,
У амбаров триера.

Такое восприятие послевоенной колхозной действительности одним из героев повести отражает настроение самого автора, желающего передать в своём произведении боевой, наступательный характер жизни колхоза и всей нашей действительности, когда весь народ, руководимый большевиками, устремляется в будущее.

Однако, как уже отмечалось в печати, повесть не лишена недостатков. Она многословна, в некоторых частях растянута.

Повесть впитала в себя богатый художественный опыт русской классической литературы. Яшин нередко обращается к интонациям, образам Некрасова, Пушкина. Но «Алёна Фомина», как и всякое достижение социалистического реализма, — новаторское произведение, рождённое нашей сталинской эпохой. Яшин рисует исторически конкретную действительность в её революционном развитии, смело заглядывает вперёд и находит в настоящих днях ростки будущего. «Отбирая лучшие чувства и качества советского человека, раскрывая перед ним завтрашний его день», Яшин вместе с тем показывает «нашим людям, какими они не должны быть», бичует «пережитки вчерашнего дня, мешающие советским людям идти вперёд». (А. Жданов).

„Светлана“

Издание отдельной книжкой поэмы Сергея Орлова «Светлана» является крупным событием в культурной жизни нашей области.

В последнем сборнике стихов «Поход продолжается» (1948 год) Орлов ещё не раскрыл достаточно полно и отчётливо тему героического труда советских людей. Герой этих стихов ещё живёт памятью великих сражений Отечественной войны и, возвращаясь в родной Вологодский край, весь отдаётся чувству восхищения природой, любит вологодским пейзажем.

В поэме «Светлана» Сергей Орлов сумел показать действительное «продолжение похода» советских людей, которые и в труде проявляют героизм, равный героизму наших воинов в дни Великой Отечественной войны. Эта поэма — свидетельство растущего таланта нашего поэта-земляка.

★ ★ ★

Новый облик советского села, идейный и культурный рост наших колхозников в последние годы неразрывно связан с борьбой за сплошную электрификацию колхозов.

В послевоенном сталинском пятилетнем плане об этом только три строчки: «обеспечить дальнейшее развитие электрификации колхозов, МТС и совхозов. Развернуть строительство в сёлах малых гидростанций...».

Но в этих скупых словах—смелый взлёт большевистской мысли, чудесная перспектива развития советской деревни, мощного подъёма её экономики и культуры.

О борьбе за новый, коммунистический уклад жизни в колхозной деревне и говорит Сергей Орлов. Колхоз «Светлана» не выдуман поэтом. Он — пусть под другим названием — существует. Таких колхозов в нашей стране тысячи. В одном из них, в передовом колхозе Вологодской области, Сергей Орлов был. Там возник замысел поэмы. Поэт знает людей, о которых пишет, ему близки и понятны их мысли, творческие порывы, живые дела.

Внимательное, глубокое изучение социалистической действительности, партийность в отношении автора к жизни, любовь к родному краю придали поэме ряд ценных качеств. Поэма волнует страстной убежденностью автора в победе коммунизма, чувством любви к большевистской партии, правдивым изображением трудностей на нашем пути и энтузиазмом героев поэмы, преодолевающих эти трудности.

Автор приводит читателя в колхоз «Светлана» в страдную пору борьбы за высокий урожай. Из слов председателя колхоза Степана Ипатова мы узнаём о проекте соединения каналом двух рек — Челексы и Россохи для постройки мощной гидростанции. Он рассказывает и о том, что его отец, Трофим Ипатсв, выступает против этого проекта:

«Не по плечу, — кричит, —
и рановат
Проект. Куда нам двести
киловатт...
Хозяевать умеет мой старик,
А вот к масштабам новым
не привык».

Трофим стоит за постройку небольшой электростанции, которая сможет удовлетворить только бытовые нужды колхозников, тогда как его сын, а с ним и все колхозники, выдвигают проект мощной ГЭС, энергия которой пойдёт и на мельницу, и на фермы, и на гумно, и на другие участки. Колхозники знают, как трудно будет построить такую гидростанцию, но они знают и то, что им, советским людям, прошедшим двадцатилетний путь колхозной жизни, теперь «любой большак по плечу». Они думают не только о том, что будет нужно завтра.

«Ибо так мы на свете
Строим, праждане, и живём,
Что о нас непременно дети
Скажут детям своим потом,
Что шли мы по путям
нехоженным
И несли всем врагам на страх
Груз работы, сынам положенный,
А не только свой на плечах».

Автор сумел в ярких художественных образах и сценах раскрыть ведущую вдохновляющую роль большевистской партии в народном строительстве. Когда Трофим робко замечает:

«Ведь это всё мечты одни...

Я, как хозяйственник, гляжу», —

в ответ ему звучит пламенное слово коммуниста Степана Ипатова:

«А ты, как коммунист, взгляни,

Как коммунист!

Оно верней —

Точнее взгляда нету,

Увидишь дальше и ясней

Судьбу земли-планеты.

Вот Сталин, с трубочкой во рту,

На боевом своём посту,

Орлиными глазами

Глядит через хребты труда,

Закаты и рассветы...».

И тихо встал Трофим тогда

Перед его портретом.

И вслед за ним через года

В открывшиеся дали

Взглянул Трофим туда,

куда

Глядит товарищ Сталин.

Взгляд великого Сталина, смелое предвиденье партии, ведущей народ к коммунизму, вдохновляет колхозников на новые подвиги, рождает небывалый в истории человечества трудовой героизм. Образ великого кормчего нашего государства помогает и Трофиму Ипатову взглянуть дальше, смелее, «за всей работой срочною» разглядеть завтрашний день своего колхоза.

Правдивостью, свежестью отличаются сцены, в которых автор показывает, какой ценой добивались колхозники осуществления своего плана.

Заключительная глава, написанная сжато и убедительно, является как бы поэтическим выводом из всего произведения. Поэту удалось создать верную политически и сильную художественно картину радиопереклички колхозов, рапортующих райкому партии о ходе своих работ. Орлов раскрывает здесь стиль партийного руководства, требовательного, чуткого, умного.

Руководители колхоза «Горка» в оправдание того, что им «плотину не поставит в срок», «сылаются на уборку. И секретарь райкома партии сурово, принципиально критикует парторга колхоза:

Голос всё суровей и сквозь

свисты,

Треск разрядов, как металл,

звонит:

«Сколько на постройке
коммунистов?
Как, скажи, работают они?
Партия уборку и плотину
Спросит с вас, ведь вам народ
ведсти,
Ты ж на самотёк работу кинул,
Трудно стало, руки опустил...».
А парторг молчит у телефона,
Что ж, парторг, не скажешь
ничего?..
Коммунисты по всему району
В этот миг краснеют за него.

Радует в поэме действенное, активное начало, которое проявляется и в образной ткани произведения, и в самом характере метафор и сравнений.

И уже, над землёй вставая,
От избы до другой избы,
Целью движутся, наступая,
Электрические столбы.

Пейзаж в поэме проникнут чувством творческого отношения советского человека к жизни. Слова поэта —

Мне кажется, земли краса
Вся — дело человеческих рук —

близки своим деятельным духом советскому читателю.

Образ подлинного хозяина колхоза, коммуниста, создан поэтом в лице Степана Ипатова. Его наиболее характерной чертой является большевистская принципиальность, умение мыслить государственными, а не только местными масштабами.

В образе сельской учительницы Валентины поэту удалось показать представительницу новой колхозной интеллигенции, преданной своему народу и большевистской партии. Правдиво изображает поэт её участие в жизни колхоза, её работу агитатором. Для молодой учительницы мир не ограничен школьным порогом.

Серьёзным недостатком поэмы является слабость композиции, незавершённость изображаемых событий. Порой поэма напоминает цикл стихов, связанных между собой лишь единством темы. Поэма станет художественно более убедительной и яркой, будет производить более целостное впечатление, если поэт укрепит её сюжет, устранив незавершённость отдельных глав, пронизав всю поэму единством действия.

Орлов часто в поэме обращается к образу действующего, работающего времени. Порой образ этот (предстающий в поэме в разных формах) удачен и подчёркивает наступательный характер поэмы. Но иногда поэту изменяет вкус, и он создаёт либо затрёпанные, банальные штампы вроде: «ночь на крыльях своих летит», либо же — совершенно не представимые, ложные, с точки зрения поэзии и жизни, образы:

В горизонт, как алмазом врезан,
Сух до звона стеклянных вод,
Чернозёмом, пылью, железом
День грохочущий отдаёт.

Сергей Орлов — поэт смелый, талантливый. Тем более досадно, что в ряде случаев он, как бы не доверяя себе, использует чужие интонации.

Читатель вправе требовать от него и большей взыскательности к своему слову. Ряд метафор и сравнений, из-за непродуманности их поэтом, воспринимается чуть ли не в пародийном плане. Так, в главе девятой встречаем следующие удивительные сведения о солнце:

Стало так тихо, что все услышали,
Как за Роосохою дятлы стучали
И по орбите светило текло.

Есть в поэме вычурность («Потрясены голубого неба башни») и некоторые другие недостатки.

Долг поэта — доработать своё произведение, которое при всех своих недостатках, не может не радовать советского читателя серьёзностью и глубиной поднятой темы, партийностью в изображении жизни, свежими и своеобразными описаниями северной природы, светлым поэтическим чувством.

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ НАШИ ПИСАТЕЛИ И ПОЭТЫ

С. Морозов готовит к печати повесть «Простые люди». В ней рассказывается о людях колхозной деревни.

В. Дементьев работает над поэмой «Солдат армии мира», а также над циклом стихотворений «Миру—мир!».

В. Гарновский сдал в печать сборник «Лесные сказки» и пишет повесть «Путём искателя».

«Звезда над Соколом» — так называется сборник очерков Н. Шумилова, над которым он заканчивает работу.

П. Кустов сдал в печать сборник стихотворений «На земле колхозной».

К. Гуляев работает над повестью «Земляки». В повести рассказывается об организационно-хозяйственном укреплении колхоза.

В. Железняк подготовил к печати популярно-художественный очерк о нашем земляке, выдающемся художнике В. Верещагине.

Н. Бриш работает над повестью «Сорокса». Тема повести—внедрение новых методов труда на лесозаготовках.

Н. Болотова готовит к печати поэму «От Октября до Мая», в которой раскрывается жизнь советских школьников.

А. Власов работает над новыми баснями.

Н. Угловский пишет повесть «Всегда вперёд!». Тема повести — жизнь и работа учащихся ремесленных училищ.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Вологодское областное издательство «Красный Север» выпустило в 1950 году следующие книги по разделу художественной литературы:

А. В л а с о в. Басни. 20 стр. Цена 1 р. 50 к.

Е. И л ь и н а. Четвёртая высота. 216 стр. Цена 6 р. 50 к.

В. Д е м е н т ь е в. Друзья. Стихи для детей. 16 стр. Цена 1 руб.

С. О р л о в. Светлана. Поэма. 40 стр. Цена 2 р. 50 к.

В. Г а р н о в с к и й. Полесники у костра. Рассказы. 44 стр. Цена 1 р. 75 к.

А. Я ш и н. Алёна Фомина. Повесть в стихах. 160 стр. Цена 7 руб.

К. К о н и ч е в. Деревенская повесть. Книги I и II. 520 стр. Цена 15 руб.

Н а п о т о ч н о й л и н и и. Сборник очерков. 40 стр. Цена 1 р. 75 к.

Л ю б и м ы е с к а з к и. Сборник русских народных сказок для детей. 44 стр. Цена 1 р. 50 к.

С. В и к у л о в. Хозяева земли. Стихи. 48 стр. Цена 2 р. 50 к.

В. С о р о к и н. Счастье. Стихи. 32 стр. Цена 1 р. 75 к.

КОНКУРС НА ЛУЧШИЙ РАССКАЗ

В целях повышения творческого мастерства молодых писателей и привлечения новых авторов областное издательство «Красный Север» объявляет
ОТКРЫТЫЙ КОНКУРС НА ЛУЧШИЙ РАССКАЗ

В рассказах могут быть затронуты любые стороны жизни области лесозаготовки, организационно-хозяйственное укрепление колхозов, культурное строительство, животноводство, строительство электростанций и т. д.

Основными требованиями к присылаемым на конкурс произведениям являются показ нашей социалистической действительности, раскрытие типичных черт коммунизма в сознании советских людей, чёткость изображения действующих лиц, точность и красочность языка.

В конкурсе могут участвовать все желающие.

Произведения, получившие положительную оценку, будут опубликованы в областном литературно-художественном сборнике. За лучшие рассказы, кроме гонорара, устанавливаются три премии:

первая — 1000 руб.

вторая — 750 руб.

третья — 500 руб.

Рассказы следует посылать по адресу: Вологда, Урицкого, 2, книжная редакция, с пометкой «На конкурс». Последний срок представления рукописей — 1 января 1951 г.

**Областное издательство
«Красный Север»**

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Угловский. Снова в строю. Повесть.	3
---	---

С т и х и:

В. Дементьев. Знаменосец мира. Убийц к ответу.	93
Солдат армии мира	84
Миру—мир	85
Моя Москва	88
Ребята — что надо	89
С. Викулов. Стихи о коммунисте	92
П. Кустов. Общее наше дело	98
Кружевницы	93
На Рыбинском море	99
Цветут сады в колхозах	99
В. Сорокин. В бригаде лесорубов	100
Учитель	101
Над ученической тетрадью	101
Молодая ткачиха	102
А. Романов. Ранняя весна в колхозе	103
В бой за хлеб.	103
В. Некрасов. Сын.	105
По лужам хлещет	105
В. Иларионов. Дипломант	106

Рассказы и очерки

В. Гарновский. На Худом озере	107
Мечтатели	110
Клад	114
Золотые луга	117
На дальний зов	121

А. Браиловский. Ночь в лесу	12
А. Пятунин. Семёновна	13
П. Афанасьев. Золотое дно	14

Критика и библиография

В. Гура. «Алёна Фомина»	15
А. Липелис. «Светлана»	16
Над чем работают наши писатели и поэты	17
Книжная полка	17
Конкурс на лучший рассказ	17

Редколлегия:

В. М. Малков (главный редактор), *С. В. Викулов*,
В. В. Дементьев, *А. М. Ширикова*.

Обложка *С. В. Кулакова*.

Техредактор *А. А. Веселовская*.

ГЕ08032. Сдано в набор 21.8.50 г. Подписано к печати 28.9.50 г.
Объем 11 п. л. Формат бумаги 60×84¹/₁₆. Тираж 5000. Заказ 3324

Вологда, Областная типография «Красный Север».

С 1 ноября по 1 декабря 1950 года
книжные магазины Волоблкниготорга,
сельмаги, культмаги, раймаги
потребкооперации
П Р О В О Д Я Т
МЕСЯЧНИК РАСПРОСТРАНЕНИЯ КНИГИ.

Имеется большой выбор литературы: социально-экономической, политической, научно-технической, сельскохозяйственной, учебно-педагогической, ноты, плакаты, портреты, картины, марки для коллекций.

Покупайте нужные вам книги в магазинах и киосках Книготорга, сельмагах, культмагах, раймагах потребкооперации.

Заказы на книги также принимает отдел «Книга почтой» магазина № 1, г. Вологда, площадь Свободы, 18.

Книги высылаются наложенным платежом, пересылка — за счет заказчика.

Все библиотеки, желающие приобрести литературу по всем вопросам науки и техники, могут заключить договор на комплектование с областным библиотечным коллектором, г. Вологда, ул. Паланинцев, 3.

Облкниготорг,
Облпотребсоюз.